

ОЧАРОВАНИЕ САТАНЫ

(ГЛАВА ИЗ НОВОГО РОМАНА)

Аדם דעם עאי פאך:

י' ע"ה א"ת א' 10, 2005

Шмелиное жужжание почему-то не успокаивало Элишеву, а еще больше угнетало. То был не страх за себя или за ни в чем не повинного Ломсаргиса, а вязкое и непреодолимое отчаяние. После отъезда Гениса и Андропова она была не в силах взяться за какую-нибудь работу, даже за самую необременительную – убрать со стола остатки еды и помыть посуду. Элишева сидела на лавке, вперившись взглядом в Спасителя, исполненного извечным живописным состраданием, и думала о том, что ей уже некуда и незачем ехать – ни к отцу в Мишкине, ни в Палестину и что в этом повинна не новая власть, а она сама.

Элишева вдруг вспомнила, как уговаривали ее не предаваться пустым мечтам, остаться в Мишкине и жить так, как живут все. Откуда-то в наступившей тишине, колеблемой только ее взбудораженной мыслью, накатывали чьи-то голоса; они роились, наслаивались, вытесняли друг друга, умолкали, чтобы через миг снова обрести прежнюю настойчивость и внятность.

Голос Ломсаргиса:

– Зачем тебе сдалась эта Палестина? Ты что – на самом деле веришь, что там реки текут молоком и медом? Да это ж сплошное вранье! В тамошних реках даже плотвы и пескарей нет. А у нас всего навалом – и рыбы, и меда, и молока. Ешь – не хочу. И воздух чище, и солнце покладистей, и арабов нет.

Голос Яакова:

– Святая земля тоже чужбина. Вся разница в том, что там хозяева не литовцы, а англичане и арабы. Разве Г-сподь не сдает нам всю нашу жизнь в аренду? И так ли уж важно, где мы станем квартирантами и в каком месте, святом или не святом, снимем себе жилье, из которого Вседержитель в отмерянное Им время всё равно нас высылит?

В этой навязчивой какофонии голосов терялся ее собственный голос; блекли казавшиеся еще недавно непоколебимыми доводы о том, что лучше быть бедняком в своем доме, чем приживалой в чужом, ломящемся от богатства, и множились ранившие душу сомнения, которым Элишева раньше не давала угнездиться. В самом деле – стоило ли тратить столько времени, чтобы Б-г весть на какой срок оказаться запертой на засов из серпа и молота? Надо ли было так опрометчиво, так легкомысленно соглашаться сторожить чужое добро от тех, для кого ничего чужого на свете не существует? Всё твое. Бери, не стесняйся.

Элишева не сводила глаз со стены, на которой печалился затканый паутиной Христос, и словно спрашивала у него (больше не у кого было спросить), куда человеку деться, если у него нет ни чужбины, ни родины? Куда? И за кого он, человек, в ответе? За гонителей или за гонимых? За классового врага Чеслава Ломсаргиса или за классового друга и заступника Повиласа Гениса?

Гусарский клич петуха вывел ее из оцепенения.

Она встала из-за стола, собрала в миску объедки, которые остались от немилый мужской трапезы и, выйдя во двор, зашлепала к собачьей конуре. Учувя обольстительные, раздирающие ноздри запахи копченой свинины, Рекс уже издали залился нетерпеливым и благодарным лаем.

– По хозяину соскучился? – спросила Элишева, когда пес вылизал всё до крошки, завилал хвостом и ткнулся мордой в подол ее домотканой крестьянской юбки.

– Соскучился, – ответила она за кудлатого охранника. – И петух по нему соскучился, и корова, и лошадь... И даже карпы в пруду.

В больших зеленых глазах Рекса тихо заплескалась мировая скорбь, Элишева уставилась на него, и в голове у нее вдруг мелькнула и задержалась как бы не требующая доказательств простенькая мысль о том, что кого-кого, а Рекса с родиной не разлучат, вместе с хозяином в Сибирь не вывезут.

Г-споди, возвращаясь к избе, пристрастно допытывалась она у Вездесущего, что это за мир, где собака счастливее человека? Для чего и для кого Ты этот мир создал?

Но тут внимание Элишевы привлекла вспорхнувшая из-под стрехи ласточка, и подследственный Г-сподь, отвечающий только на вопросы ангелов, уступил в ее смятенных мыслях место легкой и стремительной, как пуля, птице; косе, поблескивающей под стрехой; некошеному лугу и выгорающей на солнце траве; в памяти всплыли далекое, тоже июньское, утро и Яков, который, как привидение, негаданно-нежданно вышел из дремучей Черной пуши и направился к хутору.

– К нам без предупреждения только волки и кабаны захаживают, – неласково встретил его Ломсаргис.

– Яков – мой друг... – защитила его Элишева и от растерянности добавила: – Он, понас Ломсаргис, наш местечковый могильщик.

– Могильщик, могильщик... – Чеславас перекатывал во рту непривычное слово, будто дожидался, когда оно обживется под небом, и когда наконец обжилось, сменил свой гнев на милость. – Господь на свете всё так устроил, что могила кормит не только червей, но и того, кто ее роет для другого. Без денег дома не построишь. Ни на земле, ни в земле. Твой дружок тоже в Палестину с тобой наладился?

– Нет. Ему не на кого мать оставить.

– Ради такой, как ты, я бы в молодости оставил всё и пошел бы за тобой на край света.

Покончив с могилами и Палестиной, Чеславас оглядел с ног до головы рослого, широкоплечего, голубоглазого Якова в грубой нехарактерной для местечкового жителя одежде, смахивавшего скуластым лицом в кустиках жесткой рыжей щетины на батрака-литовца, и бесцеремонно, с недоверчивой усмешкой выдохнул:

– Косить умеешь?

– Умею.

– Ишь какой! Языком, как я вижу, ты косишь быстро. По правде говоря, еврея, размахивающего на лугу косой, я еще никогда не видел. Исколеси Литву вдоль и поперек, вряд ли где-нибудь сыщешь такое чудо.

– Он хорошо косит, понас Ломсаргис, – снова встала на защиту Якова Элишева. – Каждый год Яков всю траву на кладбище подчистую скашивает.

Воспоминания о Якове ободрили впавшую было в уныние Элишеву. Генис и Андронов так задурили ей своими расспросами голову, что про Якова она совсем забыла... А ведь он каждую пятницу и субботу, когда на еврейском кладбище никого не хоронят, с купленным по ее настоянию чешским охотничьим ружьем отправляется через Черную волчью пушу к ней на помощь. Без него Элишева с таким хозяйством ни за что бы не управилась – пропала бы.

– Руки у тебя не еврейские – крепкие и умелые, – похвалил после косовицы могильщика суровый Ломсаргис. – Коса – не бритва и не портновская иголка – тут вы мастаки. Нашим за тобой в косьбе не угнаться, – и, переименовав его имя на литовский лад, пообещал: – С меня, Йокубас, магарыч.

Слово Ломсаргис сдержал. Элишева вспомнила, как Чеславас за накрытым трэфными деревенскими деликатесами столом щедро подливал в граненый стакан умелому косарю пшеничного самогона, как нахваливал его умение и всерьез предлагал наняться к нему за хорошее жалованье на всю осень в работники. Ломсаргис клялся, что попросит еврейского Б-га, чтобы до зимы в Мишкине никого не хоронили, и, смеясь, уверял, что, хоть он, Чеславас, и не принадлежит к еврейскому роду-племени, Всевышний обязательно выполнит его просьбу, ибо Г-сподь первый на земле насадил и возделал всё, а крестьянин крестьянина всегда поймет.

И хоть еврейский Б-г по-крестьянски действительно всё на земле насадил и возделал, Он потомственному крестьянину из деревни Юодгиряй Чеславасу Ломсаргису в его просьбе отказал – Яков ни на осень, ни на зиму к нему в работники не нанялся, но, когда приезжал в свободные от похорон дни из Мишкине, никакой работы на хуторе не чурался – и за плугом ходил, и картошку копал, и сено скирдовал, и кровлю в овине чинил, и лошадей подковывал, и канавы рыл. Но за что бы он ни брался, делал это вовсе не для того, чтобы заслужить похвалу Ломсаргиса, а для того, чтобы Элишева не уезжала в свою Палестину.

Перебрав в уме, чем бы ей до пятницы заняться, Элишева остановилась на косьбе. За год с лишним, прожитый на хуторе, она к косе ни разу не прикоснулась – косовица была мужским делом.

Элишева сняла со стрехи косу, нашла в сарайчике точильный брусок и, сокращая путь, мимо кустов малины зашагала к обморочному лугу.

С каждым днем трава на лугу, постиравшемся чуть ли не до самого танкового полигона Красной Армии, никла и жухла, а июньское небо как назло скупилось на облака и от раскаленного солнца превращалось в огромную жаровню.

Обливаясь потом, преодолевая непривычную боль в спине, она до вечера скосила узкую полосу и, усталая, довольная собой, улеглась на зеленом, дурманящем ковре и сама не заметила, как уснула.

И приснился ей странный и несуразный сон, будто сидит она в просторной бричке с кожаным пологом и кожаными сиденьями; на ней, на невесте, длинное подвенечное платье с оборками, блестящая фата, мягкие туфельки с перепонкой; рядом жених – Чеславас Ломсаргис – в черном костюме с большой розой в петлице, сшитом ее, Элишевы, отцом, и в высоком цилиндре; в бричку запряжена пара норовистых коней, которая мчит их по улицам Мишкине на венчание в костел, а за бричкой бегут Гедалье Банквечер, Рейзл и могильщик Яков и что-то выкрикивают; Элишева старается разобрать летящие вослед слова, но цокот копыт заглушает не то мольбы, не то проклятья; бричка с молодыми мчится, а костела всё нет и нет; наконец поверх конских грив вырастает его шпиль, потом раскрашенные оконные стекла, потом массивная дверь с расписанием воскресных и будничных месс – костел, как аист, парит в воздухе, а бричка всё мчится и мчится...

Когда Элишева открыла глаза, небо уже было усыпано крупными летними звездами. Оставаясь еще внутри диковинного сна, она боялась взглянуть вверх – а вдруг снова увидит, как во весь опор мчится бричка и как над местечковой мостовой парит между звездами, словно белый аист, каменный храм.

Вернувшись из сна в свою клеть – спать в избе на кроватях Ломсаргиса, пользоваться их бельем Элишева отказалась, – она только за полночь погасила керосиновую лампу и растянулась на батрацком, набитом соломой тюфяке. Но уснуть не могла – как ни гнала она от себя привидившиеся во сне образы, они упрямо возвращались из небытия, преследовали ее, настигали, смущая душу и обретая с каждым разом подлинные черты. Ворочаясь с боку на бок и прислушиваясь к ночным шорохам, Элишева тщила предвидеть, что ждет ее в ближайшем будущем. Кому она, недоучка-крестьянка да еще сионистка, нужна в мире, где правят ее родич Арон Дудак и его последователи Повилас Генис и Лука Андронов? Что ей делать, если в их мире, где справедливость позванивает наручниками, она не желает оставаться, а в другой, вымечтанный мир из-за своего легкомыслия уже не может попасть? Смириться? Бунтовать? Может, прав был Яаков, когда звал ее к себе на кладбище? Оттуда никого не ссылают в Сибирь, оттуда никому не суждено добраться до Палестины, там нет ничьих сторонников и ничьих противников, потому что в отличие от жизни, которая только и делает, что всех разъединяет, смерть всех объединяет...

В клети было душно, по глиняному полу сновали голодные мыши; под балками потолка миротворно шуршали тайные добытчики – бессонные жучки, пахло прелой соломой; где-то в пуще обиженно завыл волк, и на вой лесного собрата отозвался чуткий Рекс.

Элишева раскрыла крохотное, засиженное мухами оконце и, вдыхая ночную прохладу, бесцельно стала всматриваться в непроницаемую стену Черной пущи. В какое-то мгновение ей почудилось, что от этой чернеющей громады отделилась ускользящая от взгляда тень, которая по мере приближения увеличивалась и принимала очертания то заблудившейся во мраке птицы, то развевающейся на ветру гривы. Элишева напрягла слух, и до нее вдруг донесся терявшийся в шуме вековых деревьев конский топот. Услышал его, видно, в своей конуре и Рекс, который заметался на цепи, закружился волчком, радостно залаял в подсвеченной звездами темноте, и темнота откликнулась на его радость протяжным ржаньем.

Ломсаргис, робко подумала Элишева и, накинув на плечи шерстяной платок, вышла в ночь.

Топот усиливался, и сквозь ветви старой яблони уже можно было разглядеть и лошадь, и всадника.

То ли от прохлады, то ли от волнения Элишева вдруг съжилась, почему-то некстати вспомнила свой недавний сон про длинное подвенечное платье в оборках, фату, розу в петлице, бричку, летящую в погоне за костелом в небеса, про отца Гедалье Банквечера, выкрикивающего вдогонку не то мольбы, не то проклятья, но быстро взяла себя в руки и двинулась навстречу всаднику. Она не сомневалась, что это Ломсаргис. Никому, кроме него, не могло прийти в голову на ночь глядя продираться через опасную Черную пущу.

Чеславас въехал во двор, спешился, привязал к коновязи лошадь и, заметив во тьме призрачную женскую фигуру, тихо окликнул ее:

– Чего, Эленуте, не спишь?

– Я уже выпалась. На лугу.

– На лугу спят коровы, а не такие милые барышни, как ты.

– Косила сено и свалилась замертво.

– Ты косила? – недоверчиво переспросил Ломсаргис. И, приблизившись, неуклюже ее обнял.

– Больше некому было. Яков обещал объявиться только в пятницу. Были тут, правда, двое.

– Кто?

– Повилас Генис и его боевой дружок Лука Андронов. Я просила их помочь, но не допросилась.

– Снова за излишками приезжали? – насторожился Чеславас.

– Нет. На сей раз за вами. С пистолетами, – сказала она, воспользовавшись удобным случаем предупредить его об опасности. – Есть будете?

– Некогда, – пробормотал он. – Не за тем я сюда столько часов скакал. – Чеславас помолчал и после томительной паузы промолвил: – И много ты, Эленуте, скосила?

– Одну полоску...

– Ух ты! Скоро мужикам нос утрешь, – Ломсаргис тихо рассмеялся. – Не переживай. Ночи сейчас светлые, лунные. Вспомню молодость, когда у брата нашего ксендза-настоятеля три лета батрачил, и всё остальное до утра скошу. Не пропадать же даром такому добру. А потом обойду всех своих подданных – кого по шерстке поглажу, кому в глаза загляну, а кого и в морду чмокну. Пусть знают, что хозяин еще, слава Б-гу, жив.

– Они вас не забыли, – сказала Элишева, разглядывая в лунном свете Ломсаргиса, который, отправляясь из Занеманья в Юодгирай, до неузнаваемости изменил свой облик и был больше похож на поденщика, чем на хозяина хутора. Он отрастил рыжую, густую, как у местных староверов, бороду, был одет в распахнутый кургузый пиджачок, полотняные брюки, заправленные в чьи-то обрезанные до щиколоток сапоги, на голове у него красовалась парусиновая кепка со сломанным козырьком.

– У животных и зверей житье короткое, зато память долгая. Добро и муравей до самой смерти помнит. – Он сдернул, как в костеле, с головы кепку и швырнул в темноту, потом скинул пиджак и зашагал к избе.

– Спокойной ночи, Эленуте... Пойду переоденусь. На сенокос положено, как на свадьбу, в белой рубахе.

– Может, не рисковать... Яков обещал за пятницу и субботу скосить, но почему-то он задерживается. Вам лучше не показываться. А вдруг эти энкавэдисты снова на своем тарантасе из Мишкине нагрянут? Ведь как подумаешь, такие и убить могут, – с испугом прошептала Элишева.

– Убьют так убьют. Если уж суждено испустить дух, то лучше тут, дома, чем где-нибудь за тридевять земель в Сибири. На своем лугу хоть перепелка по тебе заплачет. Ладно!.. Что-то мы с тобой заболтались! Напои, пожалуйста, Эленуте, лошадь и отдыхай... Завтра договорим. По воскресным дням и ворона каркает веселей.

– Белье, понаас Чеславас, постирано и просушено. В верхнем ящике комода...

– Спасибо. Найду.

Пока Элишева поила лошадь, взмыленную долгой скачкой, и задавала ей овса, Ломсаргис переоделся в белую рубаху и босиком, спустив с цепи обезумевшего от радости и преданности Рекса, заторопился вместе с ним к лугу, который он получил в приданое за перезрелую и не блещущую красотой невесту Пране Жичкуте. Пес всю дорогу кидался Чеславасу на грудь, лизал его руки и, распугивая в траве полевых мышей и обуютившихся перепелов, заливался оголтелым лаем.

– Тише, дурачок, тише. Кто тише радуется, того реже лупят.

Рекс не посмел его послушаться, умерил свою радость и, вытянув хваткие, в плешинах, лапы, распластался поодаль от хозяина на скошенной полоске.

Звон косы рассек залитую лунным сиянием тишину. Трава покорно, по-собачьи ложилась Ломсаргису под ноги. Он легко и размеренно размахивал косой и с каждым взмахом погружался в какой-то теплый и невидимый омут, из которого его извлекала только безотрадная мысль о том, что это, наверно, последний сенокос в его многоликой жизни и что ему уже больше никогда не придется испытать этого ни с чем не сравнимого, головокружительного наслаждения; а ведь он жил по особому, установленному им летоисчислению, с молодости вел не тот счет, которому следует большинство людей на земле, – считал не годы, а сенокосы. Его сенокосы были куда счастливей, чем его годы, пахнувшие не дивными ароматами трав, не врачующим всякие хвори господним эликсиром, а дерьмом и кровью, как и годы нынешние с их властителями-голодранцами вроде дармоеда Гениса и переметнувшегося на сторону безбожников старовера Луки Андронova. Если с ним что-то непоправимое случится, и он, Ломсаргис, предстанет пред строгие очи Господа, и архангелы на Страшном суде спросят его, сколько ты прожил на земле, то он им с легким сердцем ответит: сорок пять сенокосов, а об остальных годах и рот студить не стоит.

До этого лета Ломсаргису никогда не приходилось косить июньской ночью. Это было какое-то новое и тревожное ощущение. Казалось, что он на этом лугу не один, что с ним не только его верный пес, домашняя луна и издавна знакомые звезды, но и кто-то невидимый, который всё время подглядывает за ним, следит за каждым шагом и понуждает, как на исповеди, к какому-то запоздалому покаянию, но ему, Чеславасу, было невдомек, в чем он провинился и почему должен каяться, – может, вина его в том, что он любил этот луг и эту землю больше, чем ту, которая, став его женой, сделала бывшего батрака их полновластным хозяином, а может, в том, что на старости потянулся не к христианке, а к пришлой еврейке, доверивши ей разом всё: и ладно срубленную избу, и скотину, и урожайные уголья.

Прикорнувший было Рекс вдруг вскочил и, лаем возмущив тишину, стремглав бросился со своего островка к зарослям малины. Но через минуту лай затих, и из темноты, как бы разбавленной каплями молока, вынырнула Элишева с холщовым узелком в руке.

Увидев ее, Ломсаргис скорей расстроился, чем обрадовался, и с притворной строгостью воскликнул:

– Стой! Кто идет? Стрелять буду!

– Это я – Элишева. – Поесть вам принесла. Что за работа на голодный желудок...

– Спасибо, – сухо пробормотал суеверный Чеславас, для которого присутствие бабы на косовице всегда было дурным знаком – хлынут проливные дожди или случится какая-нибудь другая напасть.

Но ошеломил его не столько ее приход, сколько случайное нежданное совпадение. Точно так много лет тому назад на этот луг с таким же узелочком в руке, полным снеди, приходила молодая пышнотелая Пране, к плоти которой на виду у самого Господа он под открытым небом долго и жадно, по праву законного мужа, прилеплялся в надежде на то, что она понесет и к следующему лету родит ему здорового косаря и пахаря.

Чеславас избегал смотреть на Элишеву, на ее рыжие, в россыпях лунного света, волосы, тугие, выпиравшие из-под ситцевой блузки груди, на босые ноги с упругими, словно отлитыми из стали икрами.

– Спасибо, – повторил он. – Поработаю, тогда поем.

Ему хотелось, чтобы Элишева зря тут не торчала, оставила еду и ушла, не отнимала у него времени; но та не уходила, опустилась на скошенную траву рядом с притихшим Рексом, таращившим свои зоркие глаза на далекие и бесполезные звезды. Выудив из прокоса былинку и закусив ее, Элишева стала следить за тем, как Чеславас сосредоточенно и ловко размахивает косой и шаг за шагом продвигается к границе своего надела – к коноплянику, за которым притаились столь ненавистные ему танки Красной Армии.

Наконец Ломсаргис умаялся, отложил косу, сел, развязал узелок и достал оттуда нехитрую, наспех приготовленную снедь.

Сначала он вгрызся в ломоть ржаного хлеба с ветчиной, потом одним махом вылил из бутылки в пересохшее горло весь кисловатый, клюквенный напиток.

– Ты уже и хлеб умеешь печь? – спросил он и еще раз машинально приложился к пустой бутылке.

– Беда всему научит.

– Это верно. Когда будешь печь в другой раз, испеки буханочку и на нашу долю. Может, Б-г даст, мы еще вернемся. Племянник Пране Тадукас Тарайла, ты его, наверно, помнишь, бывший бургомистр Мишкине, говорит, что очень и очень скоро.

– Вернетесь, – утешила его Элишева, хотя сразу смекнула, какого бога имеют в виду Ломсаргис и племянник Пране – Тадас Тарайла, который недавно при ней превозносил до небес спасителя Гитлера – лютого врага русских и их здешних лизоблюдов. – Обязательно вернетесь.

– Хоть бы и в гробу вернуться...

– Ну зачем вы так...

Чеславас только крикнул в ответ.

Близкое и горячее ее дыхание мешало ему говорить, и он, как бы отсекая все дальнейшие вопросы, вдруг замкнулся и угрюмо умолк.

– Скоро рассвет, а еще половина не скошена, – посетовал после тягостного молчания Ломсаргис: – Ступай, Эленуте, с Рексом домой. – Он поднялся, взялся за косу и скомандовал: – Рекс, домой!

Пес недовольно заскулил. Он понимал и по-солдатски выполнял все приказания своего командира, но этой оскорбительной команде подчиниться ни за что не желал, словно Ломсаргис собирался отправить его не в обжитую конуру, а на живодерню. Попробуй подчиниться, если столько дней они друг друга в глаза не видели ни наяву, ни во сне. Кто сказал, что сны снятся только людям? Они снятся, наверно, и четвероногим, и птицам, и цветам! И им, наверно, что-то мерещится ночами.

– Кому сказано: домой!

– Пошли, – приняв слова Чеславаса прежде всего на свой счет, – сказала Элишева, взяла собаку за кожаный ошейник и повела по лугу. Рекс вырывался, вставал на задние лапы, оборачивался на хозяина и громоподобным лаем поносил весь свет – и этот луг, и эту плавающую пустой миской в небе луну, и эти никчемные звезды, и, конечно, жестокосердного Ломсаргиса. Элишева спотыкалась о кочки, натыкалась на какие-то сучья, с трудом удерживала разъяренного хуторского стражника, и вдруг что-то за пущей ярко полыхнуло и огненной жижей залило весь небосклон; вдали, за конопляником, там, где самовольно обосновались русские танки, что-то завывало и загрохотало, и сквозь эти ползучие сполохи, сквозь это ширящееся и негаснущее пламя долетел истошный и призывный крик Ломсаргиса:

– Элишева! Рекс!

Казалось, с ним что-то неожиданно приключилось, и он, только что прогнавший их с луга, теперь вынужден звать их к себе на помощь.

Пока она гадала, в чем дело, Рекс вырвался из рук и бросился к хозяину.

Элишева, не мешкая, припустилась за ним, и вскоре в предрассветной дымке снова возникли и луг, и Ломсаргис в странной позе – без косы, неподвижный, застывший, словно на старинном фотоснимке. Не обращая внимания на гул летящей стаи самолетов, на дальние сполохи и не стихающий стрекот зениток, он стоял посреди прокоса и, судя по движению губ, вроде бы творил молитву. Прибежавший первым Рекс с восторженным и благодарным раболепием примостился у его ног.

Ну вот, подумала Элишева, упования и надежды Чеславаса на скорую войну сбылись – немцы двинули на Литву свою армаду и уж если, как говорил Тадас Тарайла, одолеют этих сталинских соколов, то в телячьих вагонах увезут к черту на кулички не его с Пране, а тех, кто грозился отнять у них землю и выселить; а ее, Элишеву Банквечер, ее отца Гедадь, ее сестру Рейзл повесят на первых придорожных осинах...

Ломсаргис кончил молиться, перекрестился, повернулся к стоявшей в сторонке растерянной Элишеве и, не стесняясь своей радости, закричал:

– А еще говорят, что Бога нет. Есть! Есть! – слова, будто преодолев какую-то плотную запруду, внезапно хлынули из него потоком: – Господи, благодарю Тебя за эту ночь, не похожую на все те ночи, когда мне надо было дрожать и прятаться, когда у честного человека преспокойно могли отнять всё, даже жизнь. – С каждой новой фразой он всё больше и больше распалялся. – Как не молиться Тебе, сурово карающему за злодеяния нечестивых? Ты, наверно, Эленуте, со мной не согласна? Ведь таких нечестивцев и среди ваших, среди евреев, предостаточно. Но их настигнет Божья десница, от Его гнева и наказания никто никуда не уйдет...

Ей не хотелось с ним спорить, омрачать его радость и убеждать, что за Бога, который сегодня спасает одних, а завтра начинает без разбору и без жалости карать и убивать других, нельзя молиться, что Всевышний гневается на всех убийц, независимо от того, кто их жертва, иудей или христианин, но она благоразумно промолчала. Разве можно что-то втолковать людям, которые готовы выгоду, полученную от преступника и злодея, выдать за истину и добродетель?

– Не согласна, конечно, – вслух ответил он самому себе. – Потому что ты еврейка. Только не думай, что я против евреев. Мне евреи до сорокового года ничего плохого не делали. Наоборот. Но будь я на месте Всевышнего, я бы создал только один народ. Пусть бы все, скажем, были поголовно литовцами или евреями, или американцами. Зачем Ему, спрашивается, понадобилось наплодить такую уйму разных племен, чтобы потом каждый день кого-то учить уму-разуму, совестить, разнимать во время драки и мирить? Зачем Он придумал себе эту страшную головную боль, от которой нет никакого спасения?

Черную пушу по-прежнему сотрясало от разрывов бомб – немцы без роздыху терзали танковый полигон за конопляником и недостроенную летную полосу, но постепенно грохот захлебывался и становился всё глуше и глуше.

– Не падай духом, Эленуте. Если не сбежишь к отцу и сестренке – забыл ее имя...

– Рейзл, – помогла ему Элишева.

– Так вот, если останешься с нами на хуторе, мы тебя в беде не оставим... За каждое доброе дело Господь велит расплачиваться не серебром и золотом, а добротой. Он и нам заповедал делать то же самое. Правда, Рекс?

Пес одобритительно заворчал, хотя из всех оплат предпочитал кусок свежего мяса.

Обещание Ломсаргиса растрогало ее, но она не показала виду, поправила сползший с плеч платок, ни с того ни с сего закашлялась от волнения и, отдышавшись, сказала:

– С нами пойдете или будете косить? По-моему, на сегодня хватит. Вдруг какой-нибудь осколок и сюда залетит.

– Буду косить. Не в меня же немец метит. Война войной, а косьба косьбой. Скотина и под бомбами корма требует. Еще с полчаса попотею, и тогда все вместе пойдем, – снизошел осчастливленный войной Ломсаргис.

Он удалыми взмахами косы клал прокос за прокосом, и в ее чистом, серебряном звоне было больше завораживающей и торжествующей Б-жьей милости, чем в оглошшем от грохота небе, покинутом Всевышним.

На хутор Ломсаргис вместе со своей челядью вернулся, когда неуязвимое, недостижимое ни для каких орудий солнце уже позолотило резной конек крытой красной черепицей крыши и понемногу рассеялся укутавший кроны вековых сосен зыбкий, предрассветный туман над Черной пущей.

Слышно было, как в курятнике засуетились проспавшие войну куры, как в хлеву замычала страдающая от бессонницы корова, и на старой, засохшей яблоне, разучившейся плодоносить, запели птицы, лихо и беспечно перепрыгивавшие с ветки на ветку и щебетавшие всё громче и громче.

Раздевшийся донага Ломсаргис, фыркая и пританцовывая, старательно и неспешно обливался у колодца ледяной водой, как будто по древнему языческому обычаю совершал какой-то таинственный ритуал – смывал с себя все страхи и сомнения, потливое бегство в Занеманье и вонь скотных вагонов.

Элишева хлопотала на кухне. Домовито пахло жареной на сале яичницей.

– А как поне Пране поживает? – из вежливости спросила она, когда помолодевший, праздничный Ломсаргис по-хозяйски уселся за стол завтракать.

– Хворает. Ноги у бедняги не ходят, совсем одеревенели, всё время жалуется на тошноту и головокружение. Как бы не овдоветь в одночасье, – сказал он, подцепив вилкой желтый, нашпигованный шкварками, лоскут и, жуя, добавил: – Ищи себе потом подходящую пару.

– Дай Б-г нашей поне Пране здоровья, – сказала Элишева, боясь поднять на Ломсаргиса глаза.

– И тебе тоже, – многозначительно протянул Ломсаргис. – Ведь ты невеста хоть куда...

Избу запрудил тишина, от которой у Элишевы еще долго покалывало и звенело в ушах.

СВЯТАЯ

Beitá Qaióad

Эстер повернула ручку таймера и проверила, зажглась ли красная лампочка. Зажглась. Когда она вернется через час, кугл будет готов.

Кугл, особенно иерусалимский, очень непростая штука. Казалось бы, что особенного – сладкая лапша с перцем, запеченная в духовке. А нет, тут миллион тонкостей и подводных камней. Пересидит в печке – станет сухой и ломкий. Рано вытащишь – будет мокрым, точно глина. Сахару много – есть никто не станет, скажут – опять пирожное приготовили. Перцу пересыплешь – начнут в кухню бегать, руки и глаза мыть.

Кугл она подает в третьем часу ночи, когда ученики начинают клевать носом. Горячий кофе или чай вместе с куглом быстро их пробуждает. Но глаза – глаза они всё равно трут, и если перца слишком много, тогда... А, да что там говорить, непростая это штука – иерусалимский кугл.

Перед выходом Эстер еще раз окинула взглядом кухню. Всё стоит на своих местах, что должно блестеть – блестит, термосы с чаем уже заварены, печенье разложено по тарелочкам и, прикрытое салфетками, ждет своего часа. Можно идти.

Можно, правда, и поехать, до миквы около четверти часа ходу по скудно освещенным реховотским улицам, а пакет с купальными принадлежностями увесист, оттягивает руку. Но лучше пешком. И так целый день на кухне или в комнатах, лишь иногда в магазин за покупками вырвешься. Но тут уж обязательно на машине. На пешие прогулки времени не остается. Вот хоть раз в месяц прогуляться вечерком в свое удовольствие.

Эстер захлопнула дверь и вошла в уютную темноту реховотской ночи. «В свое удовольствие», – повторила она последнюю фразу и вдруг горько расплакалась. Она шла по темной улице, обходя освещенные желтым светом фонарей участки тротуара, и плакала не останавливаясь. О своей жизни, об утраченных надеждах, об ушедшей молодости. Да мало ли о чем есть поплакать женщине перед миквой.

В школе ей нравился английский. Язык дался легко, Эстер быстро открыла для себя ряды библиотечных полок и с упоением погрузилась в сказки безбрежной английской литературы. Вопрос, куда пойти учиться, даже не возник, за два года до конца школы Эстер точно знала, что учиться она будет в Тель-Авивском университете, на кафедре английской литературы.

Так и получилось. Несколько лет прошли как радостный сон. До сих пор Эстер не может забыть то удивительное ощущение счастья, с которым по утрам она взлетала по ступенькам семьдесят четвертого автобуса, везущего ее в университет из Холона.

Самую удачную семинарскую работу она писала по «Дублинцам» Джойса. Перерыла всю критику, куда больше, чем полагалось. Не для работы, ей самой было интересно разобраться во всех мнениях, взглянуть на знакомый почти наизусть текст с разных точек зрения. Многозначительность стиля Джойса, его скрупулезность в подборе каждого слова, каждого эпитета и описания, открывали для комментаторов почти необозримые возможности, и Эстер с наслаждением провела несколько месяцев, сравнивая и перебирая.

Работу она написала за две недели. Ее темой было женское одиночество, вызванное закабалением прошлым. От Эвелин, только вступавшей на этот путь, до крохотной Марии, с ее длинным носом и длинным подбородком. Эстер пыталась понять логику самопожертвования Эвелин, не постигая, как можно подчинить свою жизнь словам, пусть даже важным и обязующим, но всего лишь словам.

– Твоя работа свидетельствует о глубоком понимании текста, – сказала руководительница. – Я внесла несколько поправок, но в целом тут нечего исправлять, акценты расставлены правильно. Тебе стоило бы продолжить учебу. Если хочешь, я могу дать рекомендацию в аспирантуру.

Но Эстер не согласилась. Впрочем, еще не Эстер. Тогда ее звали Ора. Диссертация предполагала много лет учебы, а ее родители с трудом вытянули университетский курс. Нужно было начинать работать и помогать им.

Очень быстро Ора выяснила, что годы счастливой учебы не дали ей никакой специальности. Да, она прекрасно знала английский, неплохо ориентировалась в литературе, могла разобрать любое произведение, отыскать критические статьи, понять замысел и показать, как этот замысел проявляется в тексте, но денег за это не платили. Деньги платили совсем за другое, чего Ора не умела делать.

Несколько раз она приходила по объявлениям в разные фирмы, которым требовалась секретарша со знанием английского. Но атмосфера, царящая на интервью, откровенные взгляды будущих начальников так не совпадали с ее представлением о работе, что она сбегала, еле дождавшись конца расспросов.

Через полгода Ора отправилась регистрироваться на биржу труда.

– Н-да, – чиновница сочувственно повертела в руках новенький диплом. – Совсем, говоришь, никак.

Она посидела еще с минуту, словно примеряясь, присматриваясь к Оре.

– Есть у меня предложение, хорошая работа, и денежная, нарасхват идет. Но придется опять учиться, и на английском. Ты вправду его хорошо знаешь?

Ора улыбнулась.

– Как иврит. А может, и лучше.

– Появилась новая специальность – компьютерная графика. Через две недели открывается первый курс. Ты, вообще-то, рисовать любишь?

Ора, подобно многим другим девочкам, покрывала свои школьные тетради изображениями принцесс в бальных платьях, смешных щенков с оттопыренными ушами и прекрасных принцев в золотых коронах. Поэтому на вопрос чиновницы она уверенно сказала – «да».

Так решилась ее судьба. Работа на компьютере оказалась похожей на игру, Ора благодаря знанию английского и привычке читать все материалы по изучаемому предмету проникла в самые недра программ. Закончив курс, она моментально устроилась на работу в книжное издательство. Платили хорошо, и условия тоже оказались весьма приличными. Она сидела в отдельной комнате с кондиционером, слушала музыку и рисовала – играла на компьютере. Иногда заигрывалась так, что не замечала конца рабочего дня и пересиживала по два-три часа сверх положенного времени.

Хозяин издательства быстро оценил прилежание и способности новой работницы. Ее зарплата постоянно росла, а мнение стало одним из определяющих. Перед тем как взять новый заказ, хозяин вызывал Ору к себе – посоветоваться.

Издательство выпускало календари, рекламные буклеты, афиши, проспекты, дела шли успешно, и одного графика стало не хватать. Приняли еще одного, и еще, Ора стала начальницей группы. Зарплата опять выросла, она купила машину и стала ездить к своему издательству в Южный Тель-Авив на новеньком, вишневого цвета, «Пежо».

Прошло несколько лет. Интересы Оры не изменились, она по-прежнему любила английскую литературу и компьютерную графику. Со временем музыка начала занимать в ее жизни всё больше и больше места. Увлекалась она вокалом, и в ее комнате целыми днями звучал контратенор, высокий мужской альт. Альфред Деллер – она знала наизусть каждую ноту на его кассетах. Пронзительный, на грани фальцета, голос уносил ее воображение в далекое прошлое, где среди яблоневых садов старой Англии бродят единороги, и прекрасные юноши поют дивные гимны еще более прекрасным девушкам.

Кроме работы и музыки иных занятий у Оры не было. Ее школьные подруги и университетские приятельницы выходили замуж, рожали детей, а она – она продолжала слушать музыку и рисовать. Понять эту загадочную предопределенность никто не мог: Ора была высокого роста, с крупными, но не грубыми чертами лица, спокойными серыми глазами, опущенными длинными ресницами. Волосы она носила до пояса, густые, с играющим каштановым блеском, талия была немного высоковатой, но внушительная грудь моментально переключала внимание на себя. В общем, среди знакомых Ора слыла если не красавицей, то, несомненно, весьма милостивой девушкой.

Тем не менее за многие годы с ней никто и ни разу не пытался познакомиться достаточно серьезно. Предложений хватало, но сквозь них так явно сквозило вожделение, что Ора немедленно пресекала эти попытки еще на самых дальних подступах. Ведь хотели не ее, Ору, а только ее тело.

Так она дожила до тридцати двух лет. Родители вышли на пенсию, профессиональное будущее дочери их больше не волновало. Главным предметом забот и разговоров стала несложившаяся личная жизнь умницы и красавицы Оры. С помощью тетюшек, друзей и знакомых они насылали на нее толпы всевозможных женихов, но все, как один, испарялись после одной-двух встреч. Оре женихи казались суетливыми, одержимыми похотью существами, прикосновения их потных рук вызывали омерзение, а шутки казались пошлыми и примитивными.

Можно сказать, что Ора была вполне довольна своей судьбой. Она занималась тем, что ей нравилось, дни легко и привычно катились мимо. Сетования родителей и восторги подруг не вызывали в ее душе никакого отклика. Она не могла понять, почему возню с вечно орущими, дурно пахнущими младенцами называют счастьем. Обзавестись таким счастьем ей даже не приходило в голову.

Понятно, когда люди женятся и начинают жить вместе, то, как следствие, могут возникнуть подобного рода неприятности. В рамках брака с ними еще как-то можно примириться, но добровольно укладываться в одну постель с мужчиной ради малопонятных радостей и утех Оре совсем не хотелось.

Перелом в ее жизни наступил неожиданно. Впрочем, переломы потому так и называются, что возникают неожиданно, из-за куста, разграничивая жизнь на «до» и «после».

Ора ехала в Эйлат, три дня в хорошей гостинице за счет фирмы, подобного рода бонусы выпадали ей примерно два раза в год. В Эйлате она уезжала на коралловый риф, рядом с египетской границей и с утра до вечера читала, удобно расположившись в шезлонге под навесом из пальмовых листьев. На заигрывания мужчин, то и дело подсаживающихся к ее шезлонгу, она отвечала отрицательным покачиванием головы, а особенно непонятливым прямо объясняла, что не заинтересована в продолжении разговора.

Дорога предстояла длинная, около пяти часов за рулем. Ора всегда выбирала шоссе, ведущее через махтеш Рамон, чтобы полюбоваться гигантской «ступкой» из черно-коричневых скал, созданной природой посреди желтой пустыни Негева. Она припасла кассету клавира Баха, с быстрым, точно осенний дождь, Гульдом, клавесинные концерты Гайдна в торжественном, немного тягучем исполнении Пиннока и Пятую симфонию Малера с Барбиолли.

Но получилось иначе. На перекрестке перед Беер-Шевой к ее машине подошел юродивый в черной кипе. Из тех, что, безжалостно сотрясая пустые жестянки из-под колы с отрезанным верхом, выпрашивают копеечное подаяние у водителей. Она привычно опустила окно и вытащила мелочь, заготовленную для этой цели в кармашке приборной доски.

Ора всегда подавала нищим, тяжело собирающим гроши под палящим солнцем, посреди вони выхлопных газов. Но этот нищий не просил, а давал.

– А вот послушай, – сунул он в руку Оры магнитофонную кассету. – Послушай, послушай, максимум выкинешь, если не понравится.

Она хотела возразить, что не нуждается в дешевом промывании мозгов, но тут зажегся зеленый, машина впереди тронулась с места, и Ора покатила вслед за ней, сжимая в руке дурацкую кассету.

Поначалу она решила избавиться от нее на ближайшей бензоколонке и, еще сердясь на юродивого, небрежно бросила кассету в карман двери. Но потом, спустя сорок минут, когда дорога и Гайдн вернули ее в привычное состояние равновесия, ей показалось интересным послушать, о чем всё же идет речь.

Проповедник говорил с сильным йеменским акцентом, перемежая рассуждения о душе, вечности и смысле жизни, вывернутыми наизнанку расхожими анекдотами в народном стиле. Ора слушала его с ироничной улыбкой, и вдруг слезы сами собой полились из ее глаз, полились с такой силой, что ей пришлось остановить машину.

Слезы застали ее у подножия горы, на вершине которой желтел набатейский город, давно покинутые развалины. Люди ушли отсюда много веков назад. По камням, медленно разъедаемым горячими ветрами пустыни, бегали только ящерицы и шакалы.

Вот так и ее жизнь, что останется после нее, буклеты, рекламные проспекты? На что ушли лучшие годы, молодые силы, свежая голова? Неужели ради этого она появилась на свет?

Эти мысли и раньше приходили Оре в голову, но она привычно отводила их в сторону, переключаясь на что-нибудь, необходимое в тот момент. Сейчас же, посреди пустыни, наедине с самой собой, она не смогла или не захотела отвести глаза.

Негодяй проповедник! Ора с раздражением нажала клавишу, выхватила кассету из магнитофона и, приоткрыв дверь, швырнула в сторону. Кассета ударилась о придорожный камень и раскололась на части. Горячий ветер тут же подхватил черную полосу магнитной ленты, и понес, разматывая и крутя в мини-смерчах, бегущих по бугристой поверхности пустыни.

До Эйлата она доехала, стараясь не думать об услышанном. Ловкие демагоги, они знают, как вывести человека из душевного равновесия. Она, Ора, порядочный, добросовестный человек, честно зарабатывает свой хлеб, не совершает подлостей, помогает родителям. Если бы все члены общества вели себя, подобно ей, мир выглядел бы совсем по-другому, и проповедникам в этом благополучном и правильном мире было бы нечего делать. Ей нечего стыдиться и не о чем сожалеть.

Жизнь снова покатила по привычному распорядку: знакомая гостиница, ужин, вечерняя прогулка вдоль эйлатской набережной, огни, музыка, веселые лица на променаде, а чуть в стороне черные силуэты пальм на пустом пляже, уже прохладный песок и искрящаяся, плывущая, пляшущая поверхность моря. Сколько людей приходили к нему подобно ей, стояли на этом самом месте, прислушиваясь к шуму волн, думали о своем, волновались, беспокоились, верили, а потом сгнули навсегда, словно и не было их вовсе.

Утром на пляже она то и дело откладывала книгу, переводила взгляд на блестящую поверхность моря, на охранный, покрытый дымкой, горную гряду за Акабским заливом и думала. Впервые в жизни Ора не

отталкивала от себя беспокойные мысли, а позволила им завладеть душой. Она прокручивала их так и эдак, примеряла и, отойдя в сторону, смотрела на себя саму. Затем снова подносила к глазам книгу и ныряла в мир придуманных чувств.

Весь второй день своего отпуска Ора пролежала в шезлонге, рассматривая залив. Ей почему-то казалось, что в природе кроется какая-то тайна, которую ей необходимо разгадать. Пока еще не понимая как и для чего, она изо всех сил пыталась запомнить полосу чернильно-черной глубокой воды за белыми, с тремя красными полосками, буйками фарватера, и лазоревые вкрапления шевелящегося сияния над коралловым рифом. Поверхность воды покрывала частая рябь, с неожиданными гладкими полосами, там, где во фронте ветра просвистывала прореха.

Струющийся, прихотливо изломанный силуэт гор над Акабой. Утром их очертания смазаны волнами белесого тумана. Сквозь него небрежным наброском прочерчены силуэты горных хребтов.

Неспешно помахивая крыльями, низко над водой стелется чайка. Сторожко вращается радар патрульного катера, замершего у Табы, границы с Египтом. Горы на иорданской стороне выглядят далекими театральными декорациями: пунктирный ряд зубцов, провал голубеющего воздуха и сразу за ним еще один ряд, повыше, на фоне более высокой третьей гряды. Впадины и выступы потихоньку заливают сияние подступающей жары. Спустя час дымка исчезает, растворившись в невыносимо белом мареве эйлатского полудня.

Горы за египетской границей, освещенные низким утренним солнцем, темно-коричневые, с глубокими расселинами, залитыми влажной, бархатной тенью. Отроги палевого цвета сбегают к плоской, прохладной поверхности залива и сливаются с ним в голубом тумане нового дня.

Солнце поднимается выше, и постепенно проявляется из тумана хаотическое нагромождение выступов и впадин, пиков, провалов, вишневых проплешин иорданского хребта. Портальные краны акабского порта возникают над берегом, уродливым призраком индустрии на фоне девственно распахнутых ущелий.

Днем высоко стоящее солнце заливают горы желтым тягучим жаром, вода белеет, она уже не чернильная, а бирюзовая, с полосами аквамарина. Горы так раскалены, что на них больно смотреть. Падающий вертикально свет уплостил их, превратив в багровые жестяные треугольники. Еще немного, и они расплавятся, потекут в море, извергая фонтаны пара.

Солнце садится, возвращая горам рельеф и глубину. Вода в заливе снова темнеет, на ее фоне хорошо видны два грязно-серых купола доков иорданского порта. Утром они казались ослепительно белыми.

Возвращаются из Табы туристские кораблики, копии парусников восемнадцатого века. Паруса скатаны, кораблики устало тянутся моторным ходом. Доносящаяся с них музыка тоже звучит устало.

Еще светло, но дружно зажигаются огоньки бакенов. Горы багровеют: охра сменяет терракота, а ее, в свою очередь, вытесняет дразнящий цвет молодого красного вина. У основания гряды возникает первая тень. Поначалу она кажется налетом пыли, который вот-вот сдует ветром. Но тень чернеет, ползет вверх к зубчатой линии, отделяющей красное от голубого. Она расширяется с устрашающей скоростью, и всего за несколько минут накрывает горы почти до самой вершины.

Разом вспыхивают огни на иорданском берегу: голубые цепочки фонарей вдоль дорог. Портовые краны, пирсы и молы переливаются желтым и оранжевым.

У подножия гряды уже ночь, но линия зубцов еще краснеет. Небо над ней стремительно выцветает, из темно-голубого превращаясь в белесовато-желтое, и в нем, прямо над пиками, словно соединяясь с огнями у подножия, предательски проявляются тяжелые звезды юга. Воздух сереет, меркнет, вода наливается синевой, и над заливом минут двадцать величественно и строго стоят черные, с красными вершинами, горы.

Вода чернеет, густеет воздух, и постепенно всё сливается: небо, горы, залив, воздух, и только неутомимо дрожащие огоньки напоминают о том, что завтра всё начнется с самого начала.

К вечеру Ора пожалела о том, что выбросила кассету. Возможно, в конце записи проповедник, после беспокойных вопросов, говорил немного и об ответах. Интересно, насколько они совпадут с теми, которые Ора нашла для себя сегодня?

Возвращаясь из Эйлата, она с нетерпением ждала, когда наконец окажется на перекрестке под Беер-Шевой. Но юродивого там не оказалось, перекресток был пуст. Ора с досадой нажала газ и помчалась по тель-авивскому шоссе.

«И что за место такое, – думала она. – В ту сторону ехала с раздражением и в обратную тоже, но с обратным знаком. Заколдованное, страшное место!»

Следующие полгода Ора медленно подбиралась, подтягивалась к тому главному, что проявилось, выплыло из тумана неопределенности на эйлатском пляже. О принятом решении она и не подозревала, оно само сложилось в ней, и только спустя полгода, после целой библиотеки пересмотренных книг и десятков часов одинокого размышления, она призналась самой себе, что теперь ее дорога должна идти в совсем другом направлении.

Поделиться своими сомнениями Оре было не с кем. Родители ее давно не понимали, она была бесконечно мила с ними, но понять смятение, охватившее ее душу, они не могли. Она опасалась, что даже разговоры о сделанном ею выборе могут привести их в отчаяние, и поэтому первый свой шаг по новому пути сделала далеко от дома.

Через квартал от издательства находилась сефардская синагога. Эстетическим запросам Оры мешала аляповатая безвкусица ее дизайна: бьющая по глазам дешевая позолота, дурно исполненные рисунки на стенах и потолке, хрустальные люстры и цветастые ковры на полу. Преодолев себя, она поднялась на женскую половину и прислушалась к молитве.

Музыкальная основа мелодического речитатива сильно отличалась от привычной ее уху, но в округлой замкнутости фраз, в настойчивых рефренах и внезапных провалах в неожиданные, ничем не подготовленные ниши, чувствовались скрытые сила, самобытность.

На женской половине неистово раскачивалась у стены девушка в длинном, ниспадающем до поясницы головном платке. Возле занавески, прикрывающей окно на мужскую половину, сидела в глубоком кресле немолодая женщина. Поминутно отрывая глаза от книги, она беззастенчиво рассматривала Ору с головы до ног.

Прошло минут десять, молитва закончилась и Ора уже собралась уходить, когда женщина, легко поднявшись, подошла к ней.

– Впервые здесь? – спросила она участливым тоном. Так разговаривают врачи в приемном покое больницы. Следующим вопросом должен был стать «на что жалуетесь?», но Ора, не дожидаясь, сказала:

– Да, впервые. Я вообще первый раз в синагоге.

Глаза женщины заблестели.

– Ты пришла в хорошее время, – произнесла она, ласково прикасаясь к руке Оры. – Сегодня день рождения Моше, учителя нашего. Подходящий момент начать новую жизнь. Меня зовут Симона.

Женщина говорила с явным сефардским акцентом. Так изъясняется простонародье, и Ора обычно сторонилась таких людей. Но тон у женщины был задушевный, она хорошо улыбалась, и Ора вступила в разговор.

– А чем он подходящий? – задала она свой первый вопрос, еще не подозревая, что открывает им двери в новое для себя пространство многочасовых бесед с Симоной. – Ора, – тут же добавила она. – А меня Ора.

– Очень приятно, – Симона улыбалась искренне, и ее акцент вдруг перестал мешать Оре. Вернее, она просто перестала обращать на него внимание. – Состав судей подходящий.

Заметив недоумевающий взгляд Оры, она продолжила.

– Каждое дело, начинающееся на земле, сначала обсуждается на небесах. Судьи могут разрешить, а могут запретить. Если запретят, сколько ни бейся, ничего не получится. А коль разрешат – всё пойдет без сучка и задоринки.

– Мне казалось, – возразила Ора, – что там, – она подняла глаза кверху, – есть только Он один, и Он всё решает Сам.

– Всевышний ничего не делает, не посоветовавшись прежде с высшим небесным судом ангелов. Так написано в наших книгах.

– В каких книгах? – спросила Ора. – Их можно почитать?

– Часть можно почитать, – ответила Симона, – а часть можно только послушать. Не всё записано, есть знание, передающееся из уст в уста.

Оре это показалось интересным и таинственным. Ей захотелось приобщиться к тайному знанию, стать одними из тех уст, в которые его передают.

– Моше, наш учитель, – продолжила Симона, – родился и умер в один и тот же день. Это значит, что судьи, пославшие его в нижний мир, присутствовали при возвращении, то есть были расположены к нему. А еще это значит, – тут она выразительно посмотрела на Ору, – что сегодня хорошо не только начать новую жизнь, но и закончить старую.

– А разве это не получается одновременно? – удивилась Ора.

– У кого как. Иные умирают еще в младенчестве и живут мертвыми много лет подряд, до самой физической смерти.

– Невозможно! – воскликнула Ора. – Одно слово противоречит другому. Мертвые не живут.

– Злодеи при жизни называются мертвыми, – сказала Симона. – Так написано в наших книгах. А праведники и после смерти остаются живыми.

Ора начала приходить в сефардскую синагогу каждый день и подолгу беседовать с Симоной. Говорили не только о религии, но и о моде, ценах, магазинах, политике. Симона обладала живым умом, гибким и текучим, точно вода. Игривая и переменчивая, она каждую беседу превращала в маленький спектакль.

– Ты должна была стать актрисой, – повторяла, смеясь, Ора.

– Не дай Б-г! – восклицала Симона, делая большие глаза. – Не дай Б-г!

Чуть полноватая для своих метра шестидесяти, она двигалась необычайно легко, картинно взмахивая руками. Изображая ужас, Симона чуть приседала, расширяя глаза, а когда смеялась, то покачивала подбородком и вздрагивала плечами. Глаза у нее были темно-коричневые, кожа смуглая, но гладкая, как у ребенка, зубы ровные, а волосы под платком еще совсем черные, с кое-где просверкивающими, будто молнии, серебряными нитями. Поближе узнав Симону, Ора лишь диву давалась, как под оболочкой чопорной матроны может скрываться веселый и азартный человек.

Общих точек соприкосновения поначалу у них было немного, познания Симоны лежали в совсем другой области. О близкой сердцу Оры литературе она не знала почти ничего, культурный багаж составляли несколько выученных в детстве стихотворений Бялика. Имена Джойса или Кафки являлись для нее напрасным сотрясанием воздуха. Для развлечения Симона читала мидраши и книжку талмудических историй «Эйн Яаков», ежедневно проборматовала порцию псалмов, и всё свободное от забот по дому время проводила в синагоге, благо она располагалась в соседнем доме. Именно по настоянию Симоны Ора сменила свое нерелигиозное имя на библейское Эстер. Выбор объяснялся очень просто: и то и другое начинались на букву «алеф».

– Но ведь Симона тоже не танахическое имя? – удивилась Ора, когда они впервые заговорили на эту тему.

– Меня назвали в честь прабабушки, большой праведницы, – с гордостью объяснила Симона. – Она была женой главы ешивы кабалистов в Атласских горах.

– Ну и что? Значит, и бабушку назвали неправильно. Зачем же повторять ошибку?

– У нас дают имена или танахические, или в память праведников. Даже если его звали не так, как в Священном Писании, он сам, своей жизнью, освятил это имя, и с тех пор оно стало разрешенным.

– Тогда наверняка была какая-нибудь праведница по имени Ора. Зачем же мне менять имя?

– Мне такая праведница неизвестна. Если ты знаешь – расскажи.

Эстер запнулась о выступ асфальта и ударила палец. Слезы, теперь уже подкрепленные болью, хлынули с новой силой. Согнувшись, она ощупала ступню. Ну, так и есть, чулок порван. Опять расходы. Дело не в деньгах, их, слава Б-гу, хватает, а в дополнительных заботах. Снова идти в магазин – как будто мало времени она тратит на покупки. Нет, на сей раз она купит сразу десять пар, и пусть себе рвутся на здоровье!

К счастью она познакомилась тогда с Симоной или к несчастью? Иногда она думает так, иногда по-другому. Может, и не было бы ничего страшного в этом знакомстве, если бы она была умнее и слушала себя, а не Симоновых советов.

Когда Симона заговорила с ней о замужестве, они были знакомы около года, провели вместе несколько суббот. Эстер успела запомнить имена девяти Симоновых детей, а ее муж, вечно наспуленный раввин, погруженный в свои мысли, никому не ведомые и потому кажущиеся особенно таинственными и недоступными, разговаривая с ней, уже не отводил глаза в сторону. Вначале эта его манера сильно обижала Эстер, но потом Симона объяснила, что кабалисты не смотрят на незнакомых женщин, дабы не подвергнуться ненужным влияниям.

– Твой муж кабалист? – удивилась Эстер. Ей казалось, что кабалисты – это давно исчезнувшие кудесники, обитавшие в пещерах или древних городках вроде Цфата. Днем они прятались в задних комнатах старых синагог, а по ночам при мерцании свечи изучали мистические книги. В нынешнем мире компьютеров и беспощадного электрического света для них попросту не осталось места.

– Разве ты до сих пор не поняла? – в свою очередь удивилась Симона. – Я из семьи потомственных кабалистов. И мой муж тоже. Только об этом не принято говорить вслух, тайное знание потому и называется тайным, что о нем не кричат на всех перекрестках.

– И твой муж сейчас учит кабалу?

– Конечно, учит! А чем он еще занят с утра до самого вечера? Вернее, с вечера до утра.

Рассказанное Симоной словно зажгло невидимую до сих пор лампочку. Нет, не лампочку, а старинный канделябр с тремя свечами. Их мягкий свет придавал милому лицу подруги новое очарование.

Осторожно, на цыпочках, Симона начала выпрашивать у нее подробности личной жизни. Подробностей было немного, собственно говоря, вся личная жизнь Эстер состояла из нескольких закончившихся ничем свиданий да бестолковых разговоров по телефону с еще более бестолковыми знакомыми ее родителей. Однако в вопросах Симоны ощущалась определенная цель, и Эстер быстро сообразила, что именно она хочет узнать.

– Тебе интересно, можно ли на меня ловить единорогов? – спросила она, с трудом удерживая смех.

– Кого-кого? – не поняла Симона.

– Водились раньше такие звери с одним рогом. Изловить их не было никакой возможности, единственная ловушка, в которую они попадались, представляла собой лоно девственницы.

– Глупости какие! – покраснела Симона. – Глупые сказки.

– Может, и глупые, – не смутилась Эстер. – Но именно это ты и хотела узнать.

– Да, – призналась Симона. – Именно это.

– Так и спросила бы прямо, зачем огород городить!

– Прямо неудобно. Можно поставить человека в неловкое положение. Вот ты сама всё поняла и рассказала. А могла бы и не понять или не захотеть. Тогда бы я сама поняла.

– Да ты, никак, замуж меня собралась выдавать? – сообразила наконец Эстер.

– Конечно! – тут же согласилась Симона. – Нехорошо человеку быть одному.

– А мне хорошо. И даже очень. И менять это «хорошо» на лишь бы кого я не собираюсь.

– Про лишь бы кого речь не идет, – заверила Симона. – Разве я тебе враг? Посмотри, посмотри на меня, я тебе враг, враг?

Эстер засмеялась и обняла Симону.

– Конечно, нет. Какой ты враг! Ты моя лучшая подруга.

Она задумалась на секунду.

– Знаешь, пожалуй ты не только лучшая, но и единственная.

Симона счастливо улыбнулась и сочно чмокнула Эстер в щеку.

– Уж положись на меня. Плохого я тебе не приведу.

Вечером, удобно устроившись в постели с книжкой, Эстер припомнила дневной разговор и прыснула от смеха. В команду ее родителей и тетушек теперь включилась Симона. Национальный спорт – женитьба знакомых и родственников. Понятное дело, видят, что кому-то хорошо, завидуют и хотят немедленно привести его к общему знаменателю.

Она еще улыбалась, мысленно усаживая Симону на один диван с тетей Полей из Беер-Шевы, как вдруг неожиданно для себя самой поняла, что ждет Симониных предложений и рассчитывает, будто новый мир, в который она потихоньку вступает, откроет перед ней новые возможности, более манящие, чем унылые перспективы прошлого.

Да-да, это был один из последних вечеров ее прежней жизни. Спустя несколько дней события начали разворачиваться с устрашающей быстротой. Каждый небольшой шаг неминуемо вызывал к действию следующий, отказаться или изменить случившееся казалось невозможным. Так ей тогда казалось, но потом, перебирая в памяти те дни, Эстер поняла, что в любой момент могла остановиться, переждать или совсем выйти из игры.

Гейт-аі еа п'аііаіа

«МАМА ЗАРАЗИЛАСЬ ЗВЕЗДНОЙ БОЛЕЗНЬЮ...»

Ni aããð Øeð

Ni aããð Øeð - m'adai aifay i'eiaðaeu'eoa, i'aaãããe i'neoi'eia'ãão'io' 15 eieã i'm'ia'ay ðai à ia ðaããeãããã è ði'ia'ia - io'io'ae'ey i'aeão i'fe'ie'ie'yi è, e'pa'ia'i i'ð'ia'ei ù i'fe'ia'ae. Ðaããeãããã i'ia'ia-àðai à m'io'ie'ea «E'oi-oi i'ia'ne'oe'aa'io ða'ie m'ed'io» (O'ae'u'Àaeã 1993). I' à ðaããe'ii y'ã'eã i'oa'e'e'oe'io'ny ai'ad'ia

За минуту до выхода из дома я даю мужу краткий отчет: старшие девочки прилипли к экрану телевизора, младшая уже в кровати, я мчусь в редакцию на встречу с Яривом, мать которого заразилась звездной болезнью.

– Заразилась чем? – На лице мужа крайнее удивление.

– Звездной болезнью. – Я лихорадочно перерываю ящик за ящиком в поисках ключей от машины.

– Его мать начала поклоняться поп-звездам? – Законный мой супруг всё еще не может постичь смысл услышанного.

– Нет. – Обойдя гостиную десять раз, на одиннадцатый я обнаруживаю связку ключей в самом неподходящем месте. – Мать Ярива уверовала в астрологию, звезды властвуют над ней и совершенно сводят с ума. Они управляют всей ее жизнью. Из-за звезд она развелась, из-за звезд оставила высокую должность, и с того времени, как заразилась этой болезнью, она и шагу не делает без того, чтобы не составить гороскоп и не проверить, разрешено ей дышать или запрещено.

– А ты уверена, что эта болезнь заразная? – Мой повелитель по обыкновению гостеприимно распахнул передо мной дверцу автомобиля.

– Ярив сказал, что очень заразная. – Я завела двигатель и нажала на газ. – Кстати, а почему тебе это так интересно?

– Да нет... – Главный мужчина моей жизни усмехнулся. – Я только подумал, что не произойдет ничего страшного, если Ярив заразит тебя болезнью своей матери, и ты придешь домой и скажешь, что решила развестись со мной...

Я засмеялась. А-а-а, пусть. Хотя ведь говорят, что собака, которая лает, не укусит. Однако Яриву, уже поджидавшему меня в редакции, было не до смеха.

– Что меня убивает, – сказал он, – что действительно сводит меня с ума, так это мысль, что я был инициатором. Я был тем, кто толкнул ее в объятия болезни. Это я посоветовал ей обратиться к астрологу, надеясь, что тот отыщет верное решение.

Произошло это всё примерно год назад, когда мать Ярива оказалась на распутье. Женщина за сорок, ведущий экономист в правительственном учреждении, замужем, трое детей, квартира-пентхаус с видом на четыре стороны... Она жила обычной жизнью, многого достигла на работе и вдруг запаниковала: не знает, куда повернуть, ищет какого-то непонятного выхода, ждет поддержки.

– Ей тогда предложили новую должность, – вспоминает Ярив. – Какую? Лучше не вдаваться в детали. С профессиональной точки зрения это была чудо-должность. И, конечно, необыкновенно льстила ее самолюбию. Повышение зарплаты, всевозможные привилегии... Но вообще-то это работа на износ. На службе с утра до вечера, персональная ответственность, заседания до полуночи, командировки за границу, конференции... Мама не знала, как поступить. С одной стороны, это прекрасный шанс, последняя, быть может, возможность подняться по служебной лестнице. Однако есть и другая сторона. Придется работать целыми сутками, общаться с мужем только по телефону, детей воспитывать издали.

В те дни, дни сомнений и колебаний, мать Ярива обратилась к старшему сыну, чтобы узнать его мнение. «Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, что она надеялась услышать от меня слова одобрения. Она ожидала, что я скажу ей что-нибудь вроде вот этого: “Соглашайся на новую должность, и всё будет хорошо, я буду заботиться о брате и сестренке”. Однако я не хотел бросаться обещаниями. Мне и в голову не приходило изображать Мери Поппинс мужского рода. А мама продолжала донимать меня вопросами: “Что будет?”, “Что делать?” И тогда я пожал плечами и довольно холодно сказал: “Откуда мне знать? Я что, пророк? Если хочешь выяснить, что тебя ожидает в будущем, походи к астрологу”».

И она пошла. Как сказал мне Ярив: «Она пошла к астрологу, и всё пошло прахом...»

– Не преувеличивай, – говорю я.

– ...Она пошла, – повторил он, – а когда вернулась, выглядела немного странной: глаза блестят, взгляд блуждает... Дня через два-три после первого сеанса она стала вообще другим человеком. Шестнадцать лет я ее знаю, и вдруг она показалась мне совершенно иной. Почти чужой. Из уравновешенного человека, привыкшего логически анализировать каждую деталь, взвешивать любые преимущества и недостатки ситуации, принимать зрелые и ответственные решения, она превратилась в бездумную марионетку. Впрочем, какая теперь разница, что было? Важно то, что есть. А есть звезды на небе; они управляют ею, решают любую ее проблему.

Поначалу реакция членов семьи была ироническая. Отец Ярива определил интерес к астрологии как неопасное сумасшествие и торжественно заявил, что это всего лишь заскок и со временем он исчезнет.

– Не заскок, а полный сдвиг, – бормочет Ярив себе под нос. – Мама погрузилась в это дело по уши и сразу превратилась в совсем другую женщину. Женщина живет в нашем доме на правах гостьи, и ее ничто не волнует. Она будто провозгласила: «Всё, хватит!» – и отключилась от окружающего мира. Теперь ее уже не волнуют дела на работе, она вдруг забыла о престижной должности, ее больше не трогает, прибрана моя комната или в ней бардак, она не спрашивает, что я получил на экзамене и не описалась ли сестренка в кровати...

Большой переворот начался с маленьких, чисто внешних изменений. Свою комнату, заваленную компьютерными распечатками, факсами, всякими отчетами и балансами, она превратила в личный храм, в дворец звезд. Содержимое ящиков стола изменилось: теперь там лежали книги по астрологии, карты и схемы.

– А мы были ее подопытными кроликами, – продолжает Ярив. – Я не слишком обрадовался, когда мама решила составить мой гороскоп, но очень скоро понял, что это был практически единственный способ

продолжать как-то общаться с ней. Я согласился, чувствуя, что терять нечего – будь что будет. Она знала точную дату моего рождения, помнила даже час, а я сообщил ей сведения о своих друзьях и подругах, чтобы она могла проверить, подходим мы друг другу или нет.

Первый удар обрушился на голову Ярива, когда мать, начинающий астролог, заявила, что после тщательного изучения гороскопа сына она категорически запрещает ему романтические отношения, которые только-только возникли у него с Галь.

– Но почему? – Ярив в то время был наивен и верил, что есть смысл задавать вопросы. Ему и в голову не приходило, что всё уже безоговорочно решено.

И тогда его мать, которая прежде всегда требовала от него аргументированных объяснений, рассмеялась:

– Почему? Посмотри на гороскоп. Это факт.

– Мама, ради Б-га, отстань от меня со своими звездами, – сопротивлялся Ярив, пытаясь держаться подальше от этой игры, пока не заразился ею, как и собственная его мать.

– Не отстану! – рассердилась та. – Я твоя мать и люблю тебя. Видя по гороскопу, что ты собираешься безумно броситься в постель этой барышни, я не могу равнодушно стоять в стороне.

– Какую постель? – вздохнул Ярив. Даже в самых радужных мечтах он не представлял себе близости с Галь.

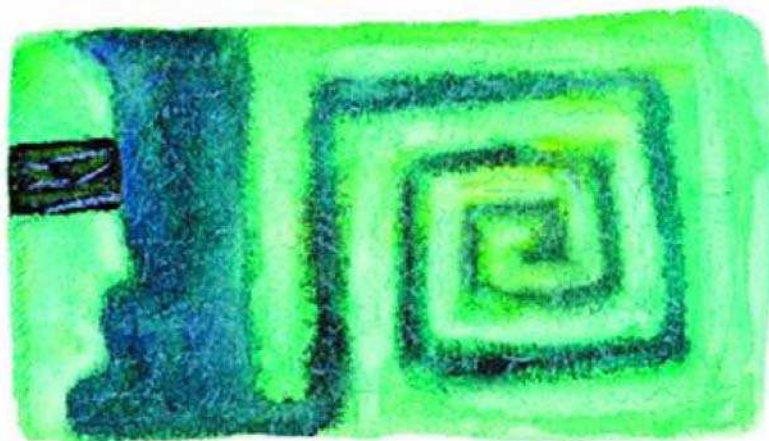
– Ты прекратишь с ней всякую связь! – уже тоном приказа проговорила мать. – Она не для тебя. Она принесет тебе только зло.

– Она красивая, – слабо пытался упираться Ярив.

– Не смей спорить со мной! – Мать вдруг обнаружила скрытую ранее черту своего характера – безапелляционность. – Когда тебе кажется, что ты споришь со мной, ты споришь со звездами. – Она указала на потолок. – А со звездами спорить бессмысленно, это заранее обречено на проигрыш. Против них ни у кого нет шансов.

И Ярив сдался.

– Что я мог сделать, если пришлось выбирать между родной матерью и едва знакомой девушкой? Я не хотел терять тесную связь с мамой, не хотел, чтобы она огорчалась из-за того, что я игнорирую ее предостережения. И, как требовала мама, я порвал с Галь. Перестал ей звонить, а когда звонила сама Галь, мама спешила сказать, что я в ванной или куда-то вышел. Постепенно Галь замолчала, исчезла, и мама могла праздновать победу. Она спасла своего первенца из когтей колдуньи! Она действительно сделала это... – Ярив опустил глаза. – Это было в первый раз, когда я позволил звездной болезни приблизиться ко мне, но не в последний...

Следующей жертвой стал отец Ярива. После восемнадцати лет замужества мама вдруг поняла, что они с мужем не подходят друг другу.

– Она всё сделала элегантно, без криков и скандалов, – вспоминал Ярив. – Просто предложила отцу собрать чемодан и пойти поискать себе другую спутницу жизни. Папа был в шоке. Может, они и не являли собой самую совершенную пару в мире (если такая вообще существует), но за плечами у них были годы хорошей жизни, были дети, совместное имущество... И вообще – зачем расходиться? Только потому, что какой-то умник приучил ее смотреть в гороскоп? А если она ошибается в своих расчетах? А если звезды лгут? А если вообще вся эта наука – чушь собачья?

В течение полугода родители Ярива вели почти безмолвную войну. Каждый ждал, что у другого не выдержат нервы, и он сломается. Жена хотела, чтобы муж ушел из дома и дал ей развод, а тот ждал мира в семье, поскольку, по его мнению, у них не было никакой причины расставаться.

– Это началось вполне цивилизованно, – рассказывал Ярив, – с беседы двух взрослых людей, по-разному глядящих на вещи. Однако они довольно скоро забыли о приличиях и опустились до криков, оскорблений и проклятий. И так как брат и сестра не очень понимали, что произошло с мамой и папой, почему они превратились во врагов, я был вынужден объяснить им, о чем идет речь. Но сказал, что это из-за звезд. Тогда братишка, ребенок девяти с небольшим лет, большой умница, спросил, не может ли кто-нибудь расположить в небе над нашим пентхаусом чуть более добрые звезды.

Отец Ярива не спешил сдаваться. Он обратился к консультанту по проблемам семейной жизни, и тот направил его к психологу; психолог же послал к астрологу. Последний посоветовал отцу Ярива не идти против жены, а идти, как он выразился, «с ней».

– По словам астролога, – объяснил Ярив, – тот факт, что папа согласится расстаться, докажет маме, что он не против нее, что он не рвется подавить ее волю, как говорят ей звезды, а напротив, считается и с ее мнением, и с мнением звезд. Этот астролог прочитал звездные карты родителей и сообщил папе, что звезды действительно рекомендуют им временно расстаться. Но добавил, что они указывают лишь на краткий разрыв, после которого снова произойдет объединение семьи.

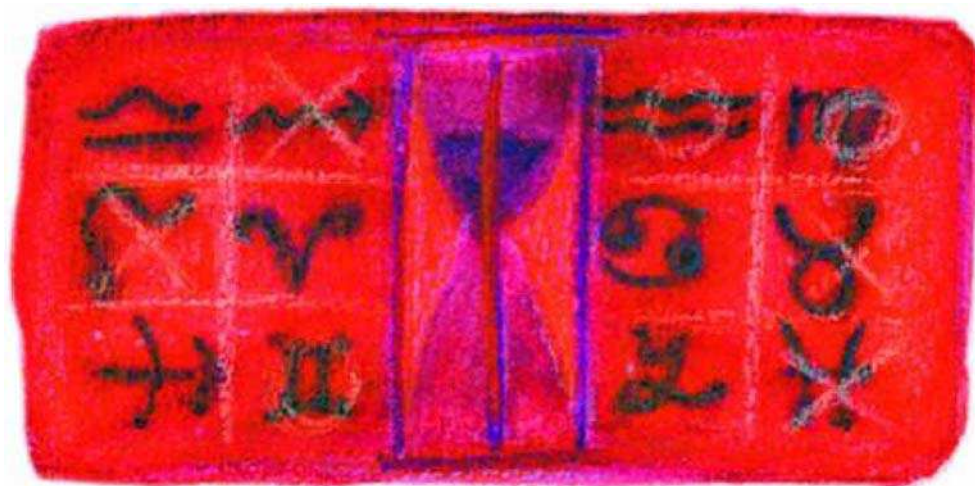
Отец согласился, и всё пошло очень быстро. Он ушел из дома с одним чемоданом и не вернулся. Ему было запрещено возвращаться. С того момента, как он исчез, мать Ярива действовала четко и продуманно, чтоб быстрее получить развод.

– Только тогда мы поняли: всё было спланировано. – Ярив сжимает кулак и с силой ударяет им по столу. – Она продумала всё до последних мелочей. Когда папа по наивности согласился на временное расставание, она со своей командой «консультантов» и адвокатов уже была готова к последнему бою.

На этом этапе сочувствие к Яриву у меня уменьшается:

– У твоей мамы, – говорю я, – есть право на развод. У каждой женщины есть право получить назад свою свободу, если она несчастлива в замужестве.

– Правильно, – кивает Ярив. – Но мама не искала свободы. Всё, чего она хотела, – это уйти от повседневных тягот, от ответственности за семью, от обязанности принимать решения и жаждала вверить себя какой-то высшей силе, которая будет манипулировать ею и позволит вести себя абсолютно пассивно. Если б я видел, что мама разводится потому, что ей плохо с отцом и что ей будет гораздо лучше без него, – клянусь, я бы молча терпел боль. Однако мама не искала того, от чего ей будет лучше. Она вообще ничего не искала. Она решила освободиться от любой ответственности и хотела, чтобы звезды делали за нее всю черную работу в этом смысле. Звезды говорят, что она должна развестись, – пожалуйста. Звезды считают, что она не должна соглашаться на новую должность – нет проблем. По мнению звезд, она должна вообще уволиться с работы? С радостью.

И действительно, мать Ярива, разведясь, покинула правительственное учреждение, в котором проработала почти пятнадцать лет. Чтобы ускорить получение развода, она, кстати, отказалась от алиментов (по совету звезд), но обнаружила вскоре, что содержать троих детей не так-то просто.

– Что же ей оставалось делать? – спрашивает Ярив.

– Вернуться на работу? – пытаюсь я угадать.

– Если бы... – отвечает он с кислой улыбкой.

– Вернуться к твоему отцу? – пробую я во второй раз.

– Да вы что?! – он кривит лицо. – Не можете придумать что-нибудь более оригинальное? Мама заказала себе визитные карточки с надписью «Дипломированный астролог», гостиную в нашей квартире превратила в зал ожидания, а в своей рабочей комнате начала принимать посетителей. И все неудачники государства Израиль устремились к нам в дом: безработный мужчина, который никак не может найти работу, бездетная женщина, перенесшая уже десять операций по поводу искусственного оплодотворения, несчастные родители, бессильные найти жениха своей дочери. Та еще тридцать лет назад достигла половой зрелости. Приходили и те, что надеялись угадать выигрышный номер в лотерее... Словом, вполне житейские истории...

И вот мама (она тем временем выкрасила волосы в черный, как смоль, цвет, – вероятно, чтобы выглядеть колдуньей), – в длинном халате из черного шелка, заводит страждущего в свою комнату, где одуряюще пахнет ладаном, записывает дату его рождения, смотрит в свои карты и за полчаса получает двести шекелей...

– Но если кто-то обращается к астрологу в надежде услышать, что ему станет лучше, кто верит, будто звезды дадут ему дельный совет, помогут, поддержат, – это ведь его проблема, а не твоей мамы.

– Вы так думаете? – усмехается Ярив. – Это на сто процентов моя проблема. Я уж не говорю о том, что наша квартира теперь круглые сутки выглядит как вокзал и что всякие типы, которых мы раньше никогда и в глаза не видели, теперь часами толкутся в гостиной. Я стараюсь держаться подальше от всего этого и бывать дома поменьше – ухожу совсем рано и прихожу поздно, только чтобы выспаться. Я не говорю и о том, что мама перестала думать о своих детях; она и представления не имеет о том, что мы едим и где проводим целый день. Мне уже шестнадцать и я не держусь за ее подол, а брата и сестренку, которым она всё еще нужна, я стараюсь подбросить бабушкам или няне.

– Что же тебя тревожит?

Ярив ерзает на стуле. Молчит. Смотрит на меня, потом отворачивается. Ему нелегко открыться. Нелегко раскрыть секрет, обвинять женщину, которая, несмотря ни на что, доводится ему родной матерью.

– Я вижу, как она надувает людей, – цедит он наконец. – Вижу, как манипулирует людьми, внушает им иллюзии, блефует. Она говорит своим клиентам именно то, что они надеются услышать. Если кто-

то жалуется на овердрафт* в банке, мама якобы советуется со звездами и обещает человеку, что скоро он купит этот банк. Когда женщина жалуется на одиночество, мама раскладывает свои карты и обещает, что та очень скоро встретит рыцаря на белом коне. А когда кто-нибудь входит в ее роскошный кабинет и заявляет, что у него нет никаких проблем и он пришел просто так, из любопытства, мама склоняется над картами, многозначительно молчит и потом рекомендует ему регулярно проходить кардиологическое обследование... Такие советы может давать любой человек, для этого не нужно быть очень умным. Всё это липа, понимаете? Ерунда на постном масле. Она лжет, она всё придумывает сама.

– Однако ее советы, даже если они не основываются на чем-то научном, поддерживают и укрепляют людей, а если благодаря астрологу люди становятся сильнее, они, вероятно, смогут и сами себе помочь.

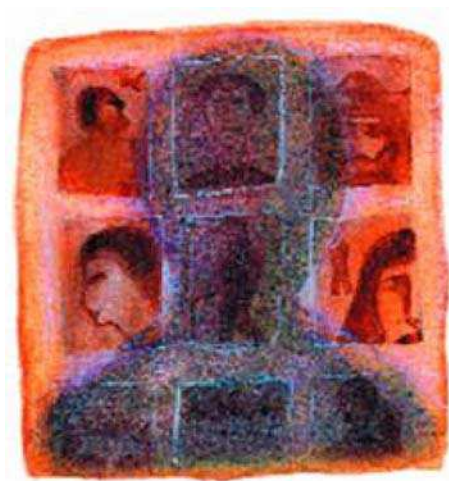
– Верно, – Ярив сидит точно на иголках. Ему нелегко признать мою правоту. – Когда всё это сумасшествие началось, я не понимал, что эти люди делают в нашем доме, и в минуту откровенности сказал маме, что думаю о ее новой работе. Так вот, она тоже использовала аргумент о психологической помощи, чтобы оправдать свои сомнительные рекомендации. Однако кто лучше меня знает, что астрология – заразная болезнь? Люди по неведению доверяют астрологу, заражаются этим безумием и теряют голову. Когда мама говорит человеку, что ему станет лучше, она, понятно, не помогает, но и не вредит. А вот если она говорит женщине, что звезды советуют той развестись, чтобы найти свое счастье...

Поздно вечером, возвращаясь домой, Ярив на цыпочках прокрадывается в свою комнату, скрываясь от взглядов клиентов, которыми полна приемная.

– У меня не хватает мужества смотреть им в глаза, – говорит он. – На их деньги мама покупает нам еду, одежду – всё, что нужно. За ту чушь, что она им впаривает, они оплачивают мои уроки автовождения и занятия английским с частным преподавателем. Когда мама заказывает еду из китайского ресторана (он на первом этаже нашего дома), каждый кусок встает у меня в горле – ни проглотить, ни выплюнуть. Я не могу отделаться от ощущения, что эта вкусная еда куплена на деньги той бесплодной женщины, которую я видел. Я презираю себя за то, что не говорю ни слова, молчу, как последний негодяй. Разве факт, что я покрываю свою мать, не делает меня соучастником?

– Так говори! – выпаливаю я. – Расскажи всем ее посетителям, что она вешает им лапшу на уши.

– И что мне это даст? – вздыхает Ярив. – Если я выставлю из нашей гостиной двадцать человек, что сидят в ней сегодня, завтра там окажется двадцать других.

В общем, юноша решил действовать радикально: обратился к журналистам. Вот почему мы с ним встретились. Объяснил, что он сын женщины, которая использует звезды над головой, чтобы выжимать деньги из простаков, которые по доверчивости или в силу тяжких обстоятельств готовы заплатить кучу денег любому, кто даст им надежду на лучшее.

– Надеюсь, мама прочитает мою статью, – произносит он. – Я сам позабочусь, чтоб прочитала. И тогда она узнает, что я в действительности думаю о ее блестящей карьере. Кстати, когда эта статья будет опубликована? В ближайшую субботу?

– Или в ближайшую, или через неделю.

– Через неделю? Какое это будет число? – Явив раскрывает свой ежедневник. – Я хочу свериться со звездами, благоприятный ли это день...

Я чувствую, что бледнею... Как, и он тоже? И он заразился проклятой болезнью?

– Я подшутил над вами, – смеется парень. – Просто хотел показать, как легко этим увлечься и как легко это изображать. Нет, я не заразился... Уж поверьте...

Ἰ ἀδελφὴ ἡ ἐὰν ἐὸ ἀ

Ἀεὶ ἀεὶ ἀδὲ Ἐφείτα

* Ἀὐτὰρ αἱ ἀγῆ ἀαί ἐὰ πὲρ οὐρανοῦ, εἰ ἄνα ἐεεαί ο, πύλα ἀνα ἀαί ἕε ππ ππππ ππ-αὐ, ἰ ἰαεὶ ο ἰ ἰεὶ-εὐῖ ἀνα ἰ ἀεὶ ππ ἰ ὄ ἰ ἰ ἀπ ἀνα ἀα οῦ ἀα ἰ δε ἀα οῦ ππ ἀα ππ ἐεἰ ἰ ἀα ἀα ὀ ἰ.

ЙОРЦАЙТ

Пинхас Коц

На мамином языке «йорцайт» – годовщина. День памяти. День поминовения. Справляется с давних пор. По родным, близким и выдающимся представителям народа.

13 ноября 1944 года погиб Иосиф Павлович Уткин.

Вот что писал о нем Михаил Светлов:

Ὀτὲ γυδὸν ἄνθ' ἰὶ εἰ αἰεὶ, χαρῆν ἵγρὸ ἄδνα ἄδνα...

Ὀτ' ἀεὼ Ἐπιθεὸν πᾶσι ρίσι, οἴεντ' ἐς Ἐθεσὸν... οἱ τὰ οὐρανοῖα ἱερωτρικῶς ἀσπερ οἶδερ... ἀεὼ Ἰ ἀγέλασεν, ἀπὸ ἰθαλίῃ ἰδεῖσι ἀρυσῶν «Ἰ ἱαπὸν ἰθαλίῃ Ἰ ἰογέ»...

Ἐ - ἱπῆαίλα ἄνθ' ἰὶ εἰ αἰεὶ - ἀεὼ ἄν εἰαῖεσάνι. Ἀ ἄρ ἰοἰθαλίῃ ἐ-αὐδα ἱαεῖνα, ἂ ἱ ἄν ἱ-ἄν ἰ οἴεσάνι ἐ ἱαῖε ἐεεεῖν ἄσι ἱαῖ ἱπὸ ἰδεῖσι οἴοντ' ἐ εἰ πὸ δῶ ἄν οἴ

Ἐ ἄν - ἱπῆν ἱπὸ ἱε ἐ-αὐδα ἰα. Ἀ ἱαῖ ἱαῖ ἱπὸ ἰδεῖσι, ἱ ἱε ἄδνα ἱ ἱαεὶ ἂ ἀεὼ εἰ ἱ ἱε ἐαὐδα ἱπὸ δῶ

Светлов говорил нам (в Литинституте, на семинаре), что Иосиф Уткин – первый и единственный русский советский стихотворец, который поэтизировал местечко. Не сейчас, когда тех поселений нет и в помине!.. Уткин воспел местечко вскоре после Гражданской войны, на пути из Иркутска в Москву, в 1924–1925 году, как проставлено под поэмой «Повесть о рыжем Мотэле».

Ἄνθ' ἰαῖ ἰδεῖσάνι,

Ἄνθ' ἰαῖ ἰδεῖσάνι πὸ δῶ.

Ἐαεῖν ἄνι - ἱπῆν ἰαεῖα

Ἄνθ' ἰαῖ.

Ἐ ἱ ἱα εἰαῖε

Ἄνθ' ἰαῖ ἰε εἰαεῖ,

Ἐαε ἱ ἱα ἱε ἱαεῖ -

Ἄνθ' ἱα ἱαεῖ, ἱπῆν ἱ ἱε,

Ñáŷ ñáááá...

– Ни у меня, – говорил Светлов, – ни у Миши (Михаила Семеновича Голодного, 1903–1949) таких стихов не найти. Местечковые «прелести» испытали мы, как герои Шолом-Алейхема, на собственной шкуре. Но сибиряк Уткин мечтал о местечке... А литература, – и наклонил голову, – поэзия, дорогие мои, есть область воображения.

Уткин – ровесник Голодного и Светлова. Участвовал в Гражданской войне... Но недаром советская критика укоряла поэта в абстрактном гуманизме, в сочувствии всякому человеку, особенно на историческом переломе.

Í ðéáíò ààì, íò÷:üè ááñé!

Ñ í í á á á á é

È á á á í é!..

Í í ÷ ò í ÷ ò í ò ú í á á á á á é,

Ì í é á ð á á á í ð í á é.

Á í í à ò è è è

È ñ ò ð í á é.

È í á ñ é ú ò à ò ú ð á á ý ò.

È é ó ð ú í à á í ð í á á

È á é í ð á á á á, í á í ú é ý ò.

È ý á é í é á á á é ð í á í ú,

È ò ý á á é ú ó á á é,

È í à ñ ñ á á á é è ó á á á í á ó

Ñ é ó á á é á í é... á á í í á é.

Á á, í è ÷ á á í à ñ á ò á

Ò á é, ç á í ð í ñ ò í í á á ç ý ò ú

È í á á á ð í á ý ò ñ ý á á ò è,

È ñ ñ á á è ò é ð í á á í í à ò ú

Иосиф Павлович часто писал о матери. Не гиперболически и заоблачно, не с большой буквы – о Матери-Родине, а про самую обыкновенную, про нашу с вами мамеле... И в октябре сорок первого, уже раненный на фронтах, сопровождал в Ташкент старенькую свою маму...

È á é ó á á á, é í í á ÷ í í, é þ á é í à

(Ý ÷ ý ÷.. í á ý ò í í í á á á á ý ò!),

Í í á ò í ð í ò í á á ð è é á ò è í á á

È õĩõĩõĩ

Đĩææãä äãĩõ.

Мы цитируем Уткина по «оттепельному» сборнику из малой серии «Библиотеки поэта». Близкий наш родственник с бою приобрел книгу и приволок домой как некую драгоценность, как, если угодно, сакральный текст. Читал вслух, комментируя не стихи, а... примечания, подстрочные сноски.

И мы услышали про хедер (кто и чему там учился), и какие бывают молитвы («по пятницам Мотэлле давнэл»), и про еврейскую (субботнюю) рыбу-фиш. А еще – лунная ермолка, и саван (тахрихим), и могодovid – звезда Давида («иудейский символический знак, шестиконечная звезда»), и Тора, и талис, и цадики...

Вот что было сдано в набор 27.12.57, и подписано к печати 1.02.58, и выпущено тиражом 75 000 экземпляров, будто выпорхнули на волю 75 000 птиц...

È äĩ è çàò äãàò ì ðëëë,

Èæ è ò ì õã äëä Ì ÿä

È äãäë ñ ì ðëëë:

«Ää» èëë «Ì äò»?

Òäë ì ò èõüëë ì ì ì ää

Ì äãðüä ñë ì ää

Ñò äëä ñë ì ää ä ð

È ð ää ÿ äë ì ää

Как лицо иудейского вероисповедания, отец Иосифа Уткина строил КВЖД (Китайско-Восточную железную дорогу), ибо по царским законам на местных, внутрироссийских транспортных средствах работать еврею нельзя. И сын его, рожденный на дальневосточной окраине, слушал рассказы о покинутой родине, варился в сибирском межнациональном котле, воспламеняясь идеей всемирного братства.

На семинаре в Литинституте припомнил Светлов давнее стихотворение Уткина «Сунгарийский друг»:

Òðäãĩ æäĩ ääë,

È ì ì ä ì ðë è ì ñ ñ è è ò ä ò ü ÿ.

È ÷ ä ò è ì ä ì ä ì ÿ ò è ì ì äë

Äëäçä ì ä ÷ äëü ì ä ñ è è ò ä è õ ä

Ä ì ì ä è ì ä ò ñ ñ ì è ì õ ò ü õ ä ð ì ä äë.

В ì ä ñ è ä è ó ä ì ä

«Ñ ð ää, ì ì è ä ð ä ä ñ è ì ä äë!»

В ì ä ñ è ä è ó

Ì ä ä è ð ä ä ñ ì ì ì è ì ä ÿ,

×οί διαίθεε ἰαὸ ἄδῃ

Γεῖθ' ἐγεῖται ἰαὸ αἰῶν!

В устном своем исполнении Светлов отклонился от печатного текста, заменив последний глагол: родину и матерей никто и никогда не выбирает.

– И обратите, прошу вас, внимание, – сказал после паузы, – слово «родина» – с маленькой, строчной буквы.

Говорят писатели

(оперативная сводка)

Иосиф Уткин – поэт, бывший троцкист:

*- Γὰρ οἱ ἀπῆλθον οὐκ ἴδαντες ἐὸν ὄρασμα. Οὐαὶ οἷός σου ἰαὸ μ' ἀδελφε εἴς ἐ. Ἐργῆ
ἰαὸ δὲ αἰὲρ ἀείρει. Ἰὰ αἰῶν' οὐδ' ἀνῶαι οἷα ἵπ' ἠδρὲ γοῦν ἵα αἰὲρ ἰαὸ αἰῶν' ἰαὸ αἰὲρ... Ὁ
ἰαὸν οὐδέτερον ἀπὸ δαίμονος δαίμων, εἴς ἃ ἄδῃ αἰεῖ. Ἰὺ ἀεὶ αἰὲρ ἰαὸ αἰὲρ οὐδ' ἀδελφῆ, ἃ ἰαὸν ἰαὸ αἰὲρ οὐ
ἰαὸν εὐκταῖ.*

ΕΥΑΘ ΒΕΓΑΕΑΑΕ x Ο ΩΑΕΕΟΟ 75 ΕΑΘ. ΙΙΣΑΔΑΑΕΒΑΙ ΙΙΥΘΑ!

Ι αι γοε Ααεε:α

ΙΙ σάκεääíεþ ì ííæð
(άαüòí σάκεääíέý ó ì ííæð áúääþò),
óέαεé έίθìòέεά ííæ.
Β äöí äë,
òíέüέí ìðääää
έð íáðääþò,
έ òíää ìíàíæðέíέò íà íθìòάαü,
ííòíì ó:òí íái íαάò
αεέòüääç íθìòääòíá
íñääí íí òài , äää äέé ó íää
έ άαç òíää έίθìòíέ,
ääáñòðää äñäää íí:αι ó-òí
ääíέò ñέííέ,
ääá (íòέóüà), έαé íðääέέí,
ñääääþò íàððέíòü,

à íáí àò ðéí òú

ì á: òàþò ááðí óóúúúú áíí íé,

éàæáúé ðàç ñáúú ñí ðàøé áúú:

«Éí ááà ú ááðí óóúú?» -

ááàòí íí í ááæáòí úé áúú

ñ Ñáááðà í á Þá..

À éí ááà í í ò áí éáàò Ñáááð?..

Áà óúú í éí éúú,

í é éí ááà

í á í í ò áí éáàò Ðáúúú.

À ááúú ò áí í í ááà ðáúúéí óóúúú

ñ ò ðáí á éþááú,

áááà èè í í í èí áú,

÷ ò í, áúúè áúò áí áò,

ì í í á í áúò á í á çáéí áò.

Øéðí éà áúéà ñò ðáí á í í ú ðí áí áú...

Áíá í ñò áéúú úá -

í ó áúéè ò úé ÷ è ñò úé í í í áò,

áúúè, éí í á: í í,

ñ í ò ðáò úú í á í èð

í á áðú

à í á ò í éúéí í á é ááò úú ñí í á áò á

Í ðéçí áé èè çò í í í ðí áú

èèè ðáçí í í ðí í é -

èç Ðí í áé áááò í á ò ðéí ò ú,

à éí ñí í í éè ò ú ðí ò çò áí í í é.

23 ààà ÿ æèè á Òàèéí òá

24 - á Ì ìñéáí

Á 2002 àáo èmí íéí ééí ñí 25

Éàò, èàé ÿ - á Ì ùp-Éí òéá..

Í á íí òá èè í ààáæ àò ù?

Áááí ùí -áááí í íí òá, -

Í òáí-ááò ààáééá è àñ ìí éí ááò,

Éàé «Òè òáí èè» ñò ìééí óéí ÿ ñ

Áéíáááí è ñòáé áí òéíáí è òíí,

Á íí à òáí í áí áí áí ÷ óúí ñ àíéáíí..

È áí íá ùá áí òí áí é, áí è «í í òáí òé ÿ»

Í òí ÷ è òáí á í áí áí òí, í í éó-ááò ñ ÿ

BEÒ Í ÁÒ, Í Í!

Í ó ò í áá à ñ òí ñ è àé í í áé í í áé ò ÷ á

«Òú é p á é ó ú Ò í á é í ó?» - è ÿ ñ é á á ó

Éàé ááí ÿ ó ú ò ú ñ ÿ ÷ á á í ù é í,

Í á í ò ÿ ÷ ó ú è ó í í á í é à ò ú í

Ááááá ò ú ò ú ñ ÿ ÷ í í á..

Í á é í á ú í á ñ ù á é,

Í í ò ó ò í í á Á-á í ñ í í á

***

× ó ú ñ á á í é - í á á á á á,

B ñ ò í p ó ñ ò á ò í á í í ò á á

B ñ ò í p ó í ò á á á, è à é ò í á á á

Ò í é ú é í í á ó í á è à í á í á í á á

***

Ííyò, íí éàá à òíà:èò, í òàá

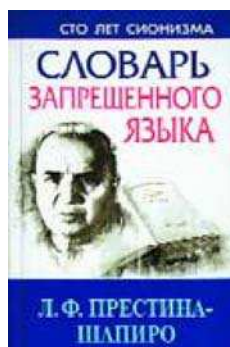
Áíé ñááþ ñòùþ èç-ííá ñ'óáá,

Áà áíý ííýçý - óáá:í úé ñ'èáá

Ááóò-ò òáó á:ááí éí á á òááè óíá -óáá

Éáá Óááèó

ЧУДО ФЕЛИКСА ШАПИРО

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה יְיָ אֱלֹהֵינוּ יִשְׁמָע וְיַעֲשֶׂה לָנוּ כְּכָל דְּבָרֵינוּ

נְשַׁחֲמֵךְ וְנִשְׁמָח בְּכִנּוּיֵינוּ (עַל 125-עֲשָׂרֵיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ)

יְעִיבֵנוּ: יְאֵל, 2005. – 317 ע.

Как справедливо заметил один из авторов книги, советник израильского премьер-министра Зеев Гейзель, «словарь в России – больше чем словарь». Тем более если речь идет не о России, а о Советском Союзе, а словарь этот – «Иврит-русский словарь» Ф. Шапиро, первый и, как считают многие, лучший из существующих иврит-русских словарей вплоть до сегодняшнего дня. Его знают все, кто так или иначе имеет дело с ивритом, а те, кто занимается языком серьезно, считают необходимым иметь. Его появление в 1963 году до сих пор вспоминается как событие совершенно невероятное, почти чудесное. Но за любым событием всегда стоят конкретные люди. Любое чудо имеет имя, отчество и фамилию. Человека, который приложил более всего усилий, чтобы это чудо произошло, для которого словарь стал главным делом жизни, звали Феликс (Файтель) Львович Шапиро. Книга, подобная сборнику «Словарь запрещенного языка», просто не могла не появиться как дань памяти этому человеку и ученому. Составителю и редактору удалось избежать традиционного елейно-юбилейного стиля, столь характерного для книг типа «дань памяти». Все авторы публикаций – от родственников Шапиро до бывших «отказников», от филологов-гебраистов до самостоятельных преподавателей иврита – стремились изложить что-то глубоко личное.

Книга состоит из шести частей. Первая содержит воспоминания дочери и внука Ф. Л. Шапиро. Эта часть посвящена Шапиро-человеку, русскому еврею XX столетия, интеллигенту с практической жилкой и филологу со стоматологическим образованием. Вторая часть – «Из трудов Ф. Л. Шапиро» – возвращает нам Шапиро-ученого, педагога и этнографа. Она содержит очерки Шапиро «Малка» и «Леон Перец», а также отрывки из очерка «Древнееврейский язык (иврит)» и большую статью «Горские евреи (еврей-таты)», написанную в 1917–1920 годах. Завершается эта часть публикацией П. Криксунова «Из пословиц и поговорок, собранных Ф. Л. Шапиро».

В третью, четвертую и пятую части, названные соответственно «Феликс Шапиро и его словарь», «Учителя и ученики», «По следам одной публикации», вошли отклики тех, в чьей жизни словарь сыграл особую роль. Мы встречаем здесь такие известные имена, как Б. Подольский и А. Рубинштейн, В. Радукский и А. Соломоник, И. Бегун и Н. Щаранский, И. Палхан и М. Членов, З. Гейзель и Ю. Эдельштейн. Каждый из них находит теплые, нужные и содержательные слова о личности Феликса Шапиро и его словаре, не только «самом значительном творении для еврейской культуры того времени» (А. Рубинштейн), но и памятнике русской филологической мысли по «точности, емкости тех переводов, которые предложены Феликсом Шапиро в его словаре» (В. Радукский).

Книга завершается «Приложениями», в состав которых входит перечень работ Ф. Л. Шапиро, написанных с 1911 по 1961 год на русском, иврите и идише. Все они, кроме многократно переиздававшегося в Израиле «Словаря», давно стали библиографической редкостью либо не были напечатаны вовсе. Сегодня, с появлением сборника «Словарь запрещенного языка», начинается процесс возвращения в научный и культурный обиход творческого наследия Ф. Л. Шапиро не только как автора «Иврит-русского словаря», но и как одного из самых ярких представителей еврейской интеллигенции советского времени. *יְעִיבֵנוּ*

ВЫ БУДЕТЕ СМЕЯТЬСЯ

*Etne ó Áode Néi ádu Áéáññíáí èý è íðíééýòéý á èéèóá ×òíá íàì ñéúóádu ò íéñéñ
áíádu á áññò è*

Ááñéñéé óí èáñññò óáò á Èáduñéèí á

Èáóáádu ñéááéñò èéé; Í .: Í ññó ú éóéúò ódu; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 246 c.

Издательство «Гешарим» не устает нас радовать. Минувшим летом оно выпустило «Словарь благословений и проклятий в идише», ставших в этом языке особым, вернее сказать, отдельным фольклорным жанром. Идиомы приведены в алфавитном порядке, снабжены переводом на русский, английский и иврит и сгруппированы в два раздела: сначала добрые напутствия (брохойс), затем ругательства (клолойс). Вторых больше. Специально не подсчитывал, но, судя по количеству страниц, более чем в два раза.

Как и положено академическому изданию, на всех перечисленных языках приведены алфавитный указатель эквивалентов и тематическая классификация (Theme Index): заслуги предков, супружество, помощь свыше, радость от детей, Б-жье наказание, паралич, пожар, удушение, черный юмор, «из брани мачехи», рифма в пожеланиях зла и многое-многое другое...

Составитель, израильский профессор Иосиф Гури, проделал основательную работу. Это уже не первый его словарь. Книга иллюстрирована, издана на хорошей бумаге и заключена в твердый переплет.

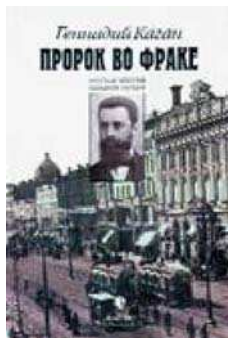
В предисловии Иосиф Гури отмечает, что, по сравнению с проклятиями в Торе, злые пожелания в идише являются, в основном, выражениями кратковременного, преходящего гнева и что «евреи Восточной Европы облегчали душу не матерной бранью, а злыми пожеланиями, весьма живописными и зачастую юмористическими».

Действительно, тот, кто помнит, как спорили между собой жители еще в 70-х годах XX века в местах традиционного бытования евреев, подтвердит: спорили они, не используя русскую ненормативную лексику, и всегда – очень смешно. Фразеологические обороты уходящего языка влияли на русские диалектизмы и украинские «фигуры речи», калькировались, а войдя в бытовую речь, влияли на сознание и образ действий. После таких ругательств конфликт между сторонами зачастую не выглядел серьезным и, как правило, приемлемым образом разрешался.

Для желающих обогатить и расцветить свой лексикон словарь Иосифа Гури – находка. При этом надо помнить, что пожелания добра следует произносить искренним тоном. А проклятия, даже иронические, иногда сбываются, например, такое: чтобы с Б-жьей помощью ты был здоровым и сильным, но постоянно справлялся, какая на улице погода...

Áéáéñáí áð Ðáííííòð

НЕУСЛЫШАННЫЙ ПРОРОК

Ááí í ááèé Èáááí Í ðíðé áí óðáéá: Ðóñéáý ì èññéý Õáíáí ðá Ááðöéý

Ñí á: Èèì áóí-Í ðáññ, 2005. – 144 с.

Á 2003 ááá ðíáí í áðáç ñòí èáò ìñéá ì ðááéá «ðññéíé ì èññé» ìññ ááòáéý ì íééòé-áñéíá ñéííéçì à Õ. Ááðöéý, á Ááðí áí èé áúéá èçááíá èíééñ Ááí í ááéý Èáááí á «Der Prophet im Frack». Ááá á ááá ñí ðñóý ì í á áúééá á Ðíññé á ááò ì ðñéíì ì áðááí ááñ ì áí áóéíá.

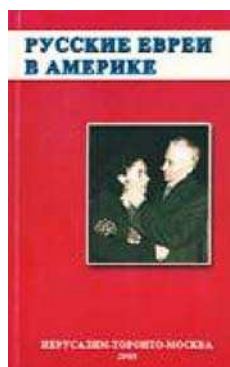
История, которую рассказывает автор, очень проста. В августе 1903 года Герцль приехал в Петербург, чтобы встретиться с высшими государственными чиновниками Российской империи и попытаться испросить личной аудиенции у государя. В ходе этих встреч он собирался предложить своим собеседникам поддержать сионистское движение и надавить на Турцию, которой тогда принадлежала Палестина, с целью скорейшего решения палестинского вопроса. Подобный поворот событий, как не без оснований полагал Герцль, был бы выгоден не только евреям, но и российской власти – ведь успехи сионизма непременно отвлекли бы еврейскую молодежь от участия в революционных партиях и кружках, заменив социальный идеал национальным.

Поездка оказалась относительно успешной – сионистского лидера приняли министр внутренних дел В. К. Плеве и министр финансов С. Ю. Витте, однако встреча с императором не состоялась, да и от членов правительства ничего конкретного добиться не удалось. Как ни странно, «юдофоб» Плеве отнесся к предложениям Герцля с большим пониманием, нежели «друг евреев» Витте – видимо, ему куда сильнее хотелось избавиться от постоянной головной боли под названием «еврейский вопрос». Тем не менее и Плеве, даже если допустить, что он искренне хотел помочь Герцлю, сделать ничего не смог: Николай II заинтересованности в сионистском проекте не проявил, а в ситуации абсолютной монархии, каковой была Россия, решение стратегических вопросов находилось в исключительной компетенции самодержца. Кроме того, обнажились идеологические разногласия внутри сионизма, назревал раскол, и Плеве не видел особого смысла вести серьезные переговоры с лидером не всего движения, а лишь одной из его фракций, каким в скором будущем мог оказаться Герцль...

Работа Кагана представляет собой документальный исторический очерк, по манере изложения напоминающий книги знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» со всеми неизменными атрибутами жанра. Впрочем, как ни странно, но даже неизбежные в такого рода сочинениях элементы беллетристики – что подумал герой, как он посмотрел и какого рода воспоминания на него нахлынули – не слишком раздражают. Видимо, дело здесь в удачном выборе материала – вполне увлекательный, не слишком специальный, но и не чрезмерно растрогаженный, он идеально подходит для популярно-исторических исследований. Несколько более основательным мог бы выглядеть упрек в поверхностности и приблизительности тех фрагментов, где речь идет о русской политике или об идеологических течениях в России столетней давности, – но не стоит забывать, что изначально работа Кагана была ориентирована на западного читателя, которому, как правило, не до российских тонкостей и нюансов.

Í èóáèé Ýááéññé ðáéí

НА ПОЛПУТИ К НАУКЕ

Ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō

Ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō

Ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō ḥō ḥāšāšō

2005 – 304 с.

Первый выпуск знаменитой серии «Евреи в культуре русского зарубежья» появился тринадцать лет назад. За прошедшие годы вышли 11 томов (рецензируемая книга представляет собой 12-й), репутация издания упрочилась, и сегодня оно входит в круг обязательного чтения любого специалиста по истории русской эмиграции. В 1997 году создатель и бессменный редактор серии врач и историк-любитель Михаил Пархомовский основал в Иерусалиме научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье»; начиная с шестого выпуска под тем же названием выходит и серия.

Авторами сборников проделана впечатляющая работа: в научный оборот введены сотни документов, возвращены из небытия десятки имен, плодом кропотливых изысканий стала реконструкция того, что казалось утраченным навсегда. Вместе с тем с самого начала под издаваемую Пархомовским серию была подведена своего рода мина замедленного действия – уже само ее заглавие свидетельствовало о не слишком продуманной постановке проблемы. Персонажем этих книг мог стать любой эмигрант еврейского происхождения независимо от его культурного или религиозного самоопределения, поэтому Марк Алданов соседствовал на страницах альманаха с пионерами израильского кино, а материалы об Аврааме Шленском печатались рядом с письмами Романа Якобсона. По отбору материала (но, конечно, не по общему уровню) иерусалимские сборники напоминали скорее популярные брошюры вроде «Рассказов о знаменитых евреях», нежели в полном смысле слова научные издания.

Следующей ошибкой составителей стало размывание временных границ. Если два первых выпуска серии соответствовали временным рамкам 1919–1939 годов, то затем нижняя граница опустилась до 1960 года, а начиная с 5-го тома обе даты и вовсе исчезли с титульного листа. И не случайно, ибо заданные рамки перестали выдерживаться еще раньше. Результатом стало усиление тематического разнообразия: героями альманаха могли оказаться и Александр Галич, и Анатолий Якобсон, и даже Игорь Губерман. Не удавалось выдерживать и стилистическое единство публикуемых материалов (впрочем, едва ли такая задача ставилась). В итоге популярные очерки в манере Бориса Носика (кстати, одного из постоянных авторов сборников) перемежались вполне академическими статьями.

Возможно, об этих недостатках не стоило бы говорить столь подробно, если бы они не вели к определенной деградации издания в целом. Увы, последние выпуски серии – и нынешний, 12-й, в первую очередь – дают основание говорить о неуклонном снижении ее научного уровня. Академическая составляющая становится всё менее заметной, а популярные очерки сменились теперь вполне глянцевыми жизнеописаниями молодых и успешных. Возможно, 12-й сборник выглядел бы более цельным, включи составители в него, как планировалось первоначально, больше статей обобщающего характера. Однако этот замысел, как пишет в

предисловии Эрнст Зальцберг, «в силу ряда причин остался неосуществленным», и о нем в альманахе напоминает только очерк истории ХИАСа, написанный Валерием Базаровым.

В результате нынешний сборник представляет собой странный конгломерат. С одной стороны, ценные публикации писем Троцкого (публикаторы Ю. Фельштинский и Г. Чернявский), материалов из архива М. О. Цетлиной (публикатор М. Пархомовский), содержательные биографические очерки о кинорежиссере Александре Дранкове (автор Рашид Янгиров) и композиторе Артуре Лурье (автор Людмила Корабельникова). С другой – совсем необязательные мемуарные фрагменты, рассказы о родственниках, знакомых и просто хороших людях. Думается, прежде чем двигаться дальше, издателям и составителям надо решить, в какую сторону идти, определиться, какое издание они хотят делать, что является его предметом – история или современность. Иначе болезнь «полунаучности» может стать хронической.

È èàèè Ýàèèè òàéí

ЧЕМ ПАХНЕТ ЗНОЙ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ...

יְאֵדֶי הַדֶּבַר אֲנִי אֵינְיָאֵי אֵינְיָאֵי

י.: הַדֶּבַר, 2005 – 432 ע

Меиру Шалеву сейчас пятьдесят семь, его книги продаются огромными тиражами, переведены на многие языки мира, и в настоящее время он – самый популярный писатель в Израиле. После службы в армии он изучал психологию в Еврейском университете в Иерусалиме, имеет богатый журналистский опыт – до сих пор сотрудничает со многими редакциями израильских газет. Первая его книга, детская повесть «Мальчик Хаим и чудовище из Иерусалима», вышла в 1982 году, но литературная слава пришла к Шалеву после публикации «Русского романа». Критики усматривают в его произведениях некий сплав постмодернизма и «магического реализма», выводят писателя как среднее арифметическое между Павичем и Маркесом. Но сам Шалев называет своими учителями Мелвилла и Набокова.

Четвертый роман писателя – «В доме своем в пустыне» – впервые издан на русском языке. Его название восходит к библейской легенде о военачальнике Иоаве, прогнававшем царя Давида, проклятом им и убитом по приказу царя Соломона. А речь в книге идет о человеке, выросшем на окраине Иерусалима, в квартале, окруженном стенами Дома слепых, Дома сирот и Дома умалишенных.

Рафаэлю Мейеру, главному герою романа, чуть за пятьдесят, но все считают его долгожителем, потому что мужчины в его роду умирают молодыми. Он вырос в семье, где вокруг были одни женщины. Жена бросила его, уйдя к «надежному человеку», но продолжает видеть в нем любовника. Герой живет между своим домом в пустыне Неgev и своим бывшим домом в Иерусалиме, постоянно возвращаясь мыслями в свои детство и юность, пытаясь разгадать мучительные семейные тайны...

Среди неоспоримых достоинств книги следует назвать язык изложения, в котором действительно проскальзывают маркесовские интонации необоримой безысходности, а масштабность повествования сравнима, пожалуй, лишь с масштабностью прозы Джона Стейнбека, в которой через призму человеческого восприятия небрежными мазками рисуется картина целой эпохи. Тончайший психологизм человеческих взаимоотношений, глубокое знание жизни страны, о которой пишет автор, и ее жителей делают роман не только интересным, но позволяют почувствовать множество оттенков и нюансов, – буквально... чем пахнут пески и зной Земли обетованной.

На мой взгляд, самое пронзительное место в романе – спор главного героя с бригадиром из технадзора. Спор, в котором, вчитываясь, можно найти не один уровень подтекста: «Посмотри, как тут всё разворочено, и ответь мне, существует Б-г или нет? – Даже если Он существует, Вакнин, эти наши скважины и трубы Его не интересуют. – Не интересуют? Судя по тому, что здесь произошло прошлой ночью, они Его еще как интересуют! – И это твой Б-г, Вакнин? Всемирный водопроводчик?»

Этот роман – семейная сага, разворачивающаяся на фоне библейских пейзажей и рассказывающая о любви, одиночестве, смерти, взрослении... Но прежде всего – о Любви.

אֲנִי אֵינְיָאֵי אֵינְיָאֵי

ФРАГМЕНТЫ

Àààà Øðàà Ì àò ðíà Èàðì äëü óàðøèðíààí í é ðíàú

Ì .: Ðààóà, 2005. – 352 с.

Автор этой книги родился в 1936 году в Ленинграде и провел детство в эвакуации на Урале. Окончил медицинский институт и впоследствии аспирантуру по микробиологии. В основном Давид Шраер (Петров – псевдоним, предложенный ему Борисом Слуцким) известен у нас в стране как поэт и переводчик – многие его стихотворения знакомы читателям старшего поколения по самиздатовским сборникам. Исключен из Союза писателей СССР в 1980 году. В советское время удостоен премии «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов» за переводы литовской поэзии. Дважды его произведения попадали в лонглист литературной премии «Русский Букер» – в 1993 году роман «Герберт и Нэлли» и в 2004 – «Савелий Ронкин». А сборник стихотворений «Песня о голубом слоне» был внесен энциклопедией «Британника» в список лучших русских книг 1990 года.

С 1987 года писатель живет и работает в США. За это время им изданы более полутора десятков книг – сборники рассказов и стихов, эссе, повести, романы, драматургия...

Некоторые из рассказов, включенных в сборник «Карп для фаршированной рыбы», написаны еще в Союзе, другие – уже в эмиграции.

Мысль писателя следует за судьбами русскоязычной еврейской интеллигенции, томившейся в идеологическом гетто Совдепии, оставшейся в постперестроечной России или эмигрировавшей. Автор отстраненно-сочувственно наблюдает, как его герои попадают из одной страны в другую, из одного мира в другой, как приспосабливаются – или не приспосабливаются – к чужому менталитету, новой системе человеческих взаимоотношений, новой жизни.

Отличительная особенность творчества Давида Шраера – сочетание хорошего русского языка и еврейского строя мышления. Его рассказы изобилуют мелкими, на первый взгляд не имеющими отношения к теме повествования деталями, которые тем не менее помогают лучше почувствовать настроение автора, динамику ситуации и характеры героев. Ловишь себя на мысли, что книга сродни кинофильму: зритель движется от кадра к кадру, а режиссер и оператор открывают ему то общую картину, то лица крупным планом, то какие-то предметы, выполняющие в кадре главную смысловую роль. Персонажи постепенно обретают знакомые лица – это твои друзья, родственники, знакомые. Самые бессмысленные их поступки вполне объяснимы при ближайшем рассмотрении.

Любой рассказ – это небольшой фрагмент из жизни его героев. Читая Шраера, ощущаешь, что жизнь его персонажей не начинается с первой строкой повествования и не заканчивается, когда автор ставит точку. Они живут реальной самостоятельной жизнью, маленький кусочек которой писателю удалось подглядеть.

Àààèèè Ì àèèè ì áà

ТРУДНЫЙ ПУТЬ НАВЕРХ

עֲסָאָה־עִיִּתְּעֵה אֵינְהָא־אִתֵּי אִי־עֻזָּאָה אִי־נֹרְאִיִּי לֵאמֹר אִי־יֵעָלֶה אֶל־יְיָ

Марк Либовин

Сборная Израиля по баскетболу прошедшим летом сделала серьезный шаг вперед, пробившись сквозь густое квалификационное «сито» в финальный турнир чемпионата Европы 2005 года в Белграде и достойно выступив на этих соревнованиях. Но обо всем по порядку.

Начнем с того, что команда Израиля провалила отборочный турнир чемпионата Европы и у нее остался шанс на выход в финальный этап соревнований только через квалификацию. Предыдущий тренер команды Мули Кацорин подал весной в отставку, не справившись с командой, игроки которой не желали работать с этим наставником. Обозреватели отмечали, что, по всей вероятности, баскетболисты сборной... специально провалили отборочный турнир европейского первенства, чтобы «сплавить» неугодного тренера. Такое в спорте бывает.

После серии изнурительных совещаний в Федерации баскетбола был назначен новый тренер сборной Дэвид Блат, наставник, достойный во всех смыслах. Назначение это было воспринято с воодушевлением как игроками сборной, так и болельщиками. На стороне Блата был игровой и тренерский опыт (в таких командах, как «Маккаби», Тель-Авив, и «Динамо», Петербург), хорошее образование (Принстонский университет), авторитет в спортивных кругах и знакомство с континентальным и американским баскетболом.

Перед самым началом первого сбора национальной команды возникла проблема в связи с тем, что у Блата не было диплома об окончании Высшей школы тренеров Израиля, хотя он и являлся ее многолетним преподавателем (!). Об этих перипетиях мы писали в прошлых выпусках.

Напомним: нашлись люди, заявившие о том, что без диплома об окончании школы тренеров Блат никогда не будет допущен к работе со сборной. Это мнение поддержали в Национальной федерации баскетбола. Где все были раньше, неизвестно... Дело было в июле. Тренироваться команда должна была начать через несколько дней. Блат смертельно обиделся и подал в отставку. Никакие уговоры не помогли, и команда вновь осталась без тренера. Любопытно, что чуть позже Блат блистательно сдал все экзамены и получил заветный диплом, после чего улетел в Тревизо, в свой клуб, пожелав успеха сборной Израиля.

Нового тренера сборной назначали в спешке, да и выбора особого не было. Обратились к 53-летнему Цви Шерфу, который после ухода из московского «Динамо» сидел дома. Ветеран, имеющий прозвище Старшина за строгость и принципиальность, согласился. Сборная тут же начала тренироваться по три раза в день. Ребята работали с полной отдачей. Особых изменений в составе Шерф не сделал, было уже поздно, да и, по его словам, «всех, кого надо, Блат в команду вызвал». Кстати, игроки отметили разительные изменения в характере Шерфа – он стал душевным, мягким и веселым человеком...

В. Адеї

До начала квалификационного турнира чемпионата Европы сборная Израиля провела 10 контрольных встреч, выиграв 8 из них. Обозреватели отмечали мобилизованность и сплоченность игроков, их тактическую грамотность и дисциплину – чувствовалась рука опытного наставника. В команде была создана замечательная, дружеская обстановка, что оказалось особенно заметным после событий, связанных с тренером Мули Кацориним.

В августе израильтяне выиграли, ни разу не оступившись, тяжелейший квалификационный турнир с участием сборных Голландии и Бельгии (четыре победы). Особенно трудно дались матчи с атлетичной, умной командой бельгийцев. В этих играх отличился разыгрывающий Дрор Хаджадж (из греческого клуба «АЕК – Афины»), который при росте 178 см был дерзок, быстр и точен.

Сборная вылетела на «Турнир последней надежды» в Нови Сад с участием сборных Венгрии и Чехии. В финальный турнир чемпионата Европы выходила только одна команда. Израильтяне обыграли и чехов, и венгров, вышли в финальный турнир чемпионата, выполнив поставленную перед ними задачу. В этих матчах особенно хороши были игроки команды «Маккаби» (Тель-Авив) – защитник Таль Бурштейн и центровой Янив Грин. После игры с венграми сборная качала своего наставника, на что с изумлением взирали все, кто хоть немного знаком с израильским баскетболом.

«Играем для страны и для тренера!» – сказал форвард Гур Шелеф, и этими словами было сказано всё.

В групповом турнире наша команда оказалась в тяжелой группе вместе с командами Латвии, Сербии и Испании. На первый взгляд единственный шанс у израильтян был против латышей. В первом матче чемпионата Израиль играл против Латвии и смог вырвать победу у сильного, грамотного и точного соперника.

Затем была встреча с сербами, которые за день до этого были разгромлены испанцами. Хозяева площадки победили.

В заключительной встрече группового турнира Израиль встречался с испанской командой.

Ὁ Αὐθόραξι

Отыграв очень грамотно в тактическом смысле, самоотверженно и хладнокровно, израильтяне выиграли, вопреки всем прогнозам, и вышли на стыковую встречу с греками. Победитель должен был играть в четвертьфинале со сборной России. Это был 10-й официальный матч сборной Израиля за 25 дней!

В тяжелейшем поединке греческая сборная всё-таки вырвала победу со счетом 67:61, но израильская команда выглядела очень достойно, боролась до конца.

В итоге израильтяне заняли места с 9-го по 12-е в чемпионате, что можно считать бесспорным успехом в свете событий вокруг команды. Прекрасно отыграли весь отборочный цикл и чемпионат такие игроки, как Бурштейн, Грин, Кожикаро, Маркович, Хаджадж. Отлично действовал и тренер Цви Шерф, который будет готовить сборную к следующему отборочному циклу Чемпионата Европы 2007 года.

Шерф обещает «омолодить» сборную, он намерен опираться на таких игроков, как Йотам Гальперин, Лиор Элияу, Антон Казарновский и, конечно же, на более взрослых – Бурштейна, Хаджаджа и других.

Наш наставник доказал одну любопытную истину: можно меняться к лучшему в профессиональном и человеческом смысле даже в том возрасте, когда измениться, казалось, уже нельзя.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ОТ МОШЕ КАЦАВА

20 è 21 תמוז ה'תשס"ה ידברנו עמו בירושלים ונראה שיהיה זה יום חשוב ויחידאי – יום ייחודי עם יאודה.

20 сентября в Таллине прошла торжественная церемония закладки краеугольного камня в здание будущей синагоги. В ходе церемонии президент Израиля подарил камень, привезенный для этой цели из Иерусалима.

Высокий гость поставил свою подпись на памятной свитке, написанном на иврите, эстонском, русском и английском языках. Документ вместе с камнем из Израиля заложен в основание синагоги.

Президент Моше Кацав и сопровождавшие его посол Израиля в Эстонии Шеми Тзур и посол Эстонии в Израиле Марина Кальюранд прибыли на церемонию из Клоога, где проходил траурный митинг в честь поминовения двух тысяч евреев, умерщвленных в нацистском лагере. В скорбной церемонии участвовали также президент Эстонии Арнольд Рюйтель и бывший узник лагеря Беньямин Анолик, прибывший из Израиля.

Церемония закладки камня началась в актовом зале таллинской еврейской школы.

Высокого израильского гостя приветствовал председатель еврейской религиозной общины Эстонии Борис Окс. «Сегодня дважды исторический день, – сказал он, – приезд президента Израиля и закладка краеугольного камня в здание будущей синагоги. Эстония далеко от Израиля. Но сердцем мы с вами. Ваши беды – это наши беды, и ваши удачи – наши удачи».

Со словами приветствия к президенту обратилась также и. о. председателя еврейской общины Эстонии Циля Лауд. «Мы – одна большая мишпоха, – сказала г-жа Лауд. – Израиль – это и наша родина».

Директор таллинской еврейской школы Михаил Бейлинсон поблагодарил Моше Кацава за оказанную честь. Он отметил также, что школа была построена 80 лет назад на деньги еврейской общины Эстонии; в 1920-х годах в ее стенах выступали поэт Нахман Бялик и выдающийся сионист Зеев Жаботинский.

Главный раввин Эстонии Шмуэл-Эфраим Кот также поприветствовал президента Кацава.

Затем представитель строительного комитета синагоги Владимир Либман вручил президенту Израиля памятный подарок: картину с изображением будущей синагоги на паспарту из эстонского доломита.

Один из главных спонсоров строительства предприниматель Александр Бронштейн отметил особое значение нынешнего события: с возведением здания синагоги Таллин возвратится в семью цивилизованных европейских столиц; до недавнего времени Эстония была единственной страной в Европе, не имеющей специально построенного здания синагоги после его разрушения в 1944 году.

Затем на сцену поднялся президент Израиля Моше Кацав.

«В течение многих тысячелетий, – сказал он, – разные народы и империи пытались уничтожить наш народ, наш язык и нашу веру. Кульминацией ненависти к нам стал Холокост. Но мы выжили и сумели создать собственное государство, которым можем по праву гордиться. Наша вера и традиции помогли нам выжить». В своей речи президент Кацав выразил удовлетворение тем, что евреи Эстонии, которые в советское время были отрезаны от своих корней, могут вновь приобщиться к моральным ценностям еврейского народа, лежащим в основании западной цивилизации.

Президент Израиля высоко оценил свой визит в Эстонию и выразил надежду на дальнейшее укрепление отношений между двумя странами. В завершение выступления он преподнес в подарок общине шофар.

Затем президент и сопровождающие его лица вышли во двор для церемонии закладки камня.

Раввин Шмуэл-Эфраим Кот протрубил в шофар.

«Сегодня нас в Эстонии три тысячи, – сказал он. – Помолится о том, чтобы через десять лет нас было здесь 30 тысяч!»

21 сентября президент Израиля прибыл с официальным визитом в Латвию. Он посетил мемориал в Румбуле, воздвигнутый в память о десятках тысяч евреев, расстрелянных здесь в годы второй мировой войны.

У мемориала в Румбуле Моше Кацав выступил с речью. «Человеческому разуму трудно понять то преступление, которое было совершено, и ту скорбь, которой охвачено это место», – сказал президент Израиля. Он напомнил, что в 1941 году здесь было убито 36 тысяч евреев из рижского гетто и еще около 3 тысяч привезенных сюда из Австрии, Германии и Польши. «Я не могу забыть, что в эти мрачные годы латыши сотрудничали с нацистами, – с горечью заметил Моше Кацав. – Но у каждого народа были люди с чистым сердцем, помогавшие спасти евреев».

«В этой скорби и утратах наши народы стали братскими», – сказала в ответном слове президент Латвии Вайра Викке-Фрейберга. Она отметила, что утраты, понесенные еврейским народом, стали утратой и для Латвии, и принесла извинения за то, что в 1940-х годах разрушенное Латвийское государство не смогло защитить евреев.

После этого президенты отправились на улицу Гоголя в Риге, где находилась сожженная в войну синагога, и положили камень в основание будущего памятника Праведнику Мира Жанису Липке и всем спасителям евреев в период Холокоста.

В годы войны жители Латвии спасли около 400 евреев, в том числе благодаря Липке было спасено 56 человек. Почетное звание «Праведник Мира» было присвоено ему и его жене Йоханне. Более 30 спасителей были арестованы и подвергнуты репрессиям. Только восьмерым из них удалось вернуться из концлагерей и остаться в живых.

В память об ушедших была прочитана поминальная молитва.

В капсуле, заложенной в основание памятника, содержится послание будущим поколениям со словами: «Кто спас одну жизнь, спас мир», а также список имен всех известных спасителей евреев в Латвии и учредителей Фонда спасителей евреев.

Раввин рижской синагоги Мордехай Глазман рассказал, что у евреев есть поверье: увидев короля, надо задумать желание, и оно исполнится. Он призвал собравшихся в присутствии президентов Латвии и Израиля загадать, чтобы пережитые во вторую мировую войну ужасы никогда больше не повторились. «Мир предназначен для людей, а не для монстров», – сказал раввин Глазман. *עֵלֵינוּ. אָמֵן.*

АНТИСЕМИТИЗМ В ЭСТОНИИ: ГДЕ РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ И ЕВРОСОЮЗА?

Наша журналистка Анна Иадан Алиян сообщила о том, что власти Эстонии не реагируют на обвинения в антисемитизме. В статье «Антисемитизм в Эстонии», опубликованной в журнале «Антисемитизм», Алиян пишет: «Наша журналистка Анна Иадан сообщила о том, что власти Эстонии не реагируют на обвинения в антисемитизме».

«Власти Эстонии, как и власти других стран Балтии, неоднократно попустительствовали, а в некоторых случаях даже приветствовали попытки не только реабилитации, но и героизации нацистских преступников; речь идет о парадах ветеранов СС и об установке памятников пособникам гитлеровцев. Очередным звеном в этой цепи стало оправдание Индрекса Кютта накануне дня освобождения Таллина от нацистов», – говорится в заявлении Федерации еврейских общин СНГ и стран Балтии, распространенном 27 сентября по каналам информационных агентств.

Обвиняемый не признал себя виновным, поскольку «не видит в своем поступке ничего плохого».

«Возможно, он чувствовал поддержку со стороны представителей суда, – говорится в документе. – В любом случае, это говорит о живучести антисемитских настроений в эстонском обществе. А подобные примеры безнаказанности лишь подогревают их».

Представители ФЕО СНГ и Балтии призвали Европейский союз должным образом реагировать на такие инциденты, которые «являются прямым следствием акций по реабилитации нацистов и их пособников». В противном случае подобные выходы будут повторяться и впредь.

Или наоборот?

есть ли антисемитизм в Эстонии?

Ἄεσσι ἡ ἐδαισέει Διῖνὴ Ἀσὴ Ἐσσιδ:

САВАЭАІ ЕА

12 сентября заявление в связи с поджогом «палестинскими демонстрантами» синагог в секторе Газа.

«Первое, что сделали палестинцы после вывода израильской армии из сектора Газа, – начали поджигать дома Б-жий – синагоги, – констатируется в документе. – Их злоба оказалась столь велика, что, ступив на территорию, они не начали строить на ней свои дома, а стали разрушать то, что построили другие. И не случайно первой жертвой их ненависти стали синагоги – символ духовности, здания, где люди собирались, чтобы молиться Б-гу. Террористы убивают людей, но более всего они ненавидят Б-га, потому что Он завещал людям добро и созидание».

В заявлении выражено недоумение по поводу того, что палестинский лидер Махмуд Аббас не осудил варварскую акцию сожжения синагог. Впрочем, по мнению главного раввина России, это не так уж удивительно: «палестинцы и прежде заявляли, что рассматривают уход евреев из Газы как победу своей политики насилия и террора; сейчас палестинские главары и боевики показали, что они намерены делать дальше».

«Объявив войну Б-гу Израиля, они тем самым продемонстрировали, что намерены вести свой террористический джихад вплоть до захвата Иерусалима и Тель-Авива, до уничтожения еврейского государства и геноцида еврейского народа, – подчеркивается в документе. – Это должно быть ясно тем политическим и общественным силам, которые до сих пор полагали, что с террористами возможен компромисс, что односторонние уступки могут привести к миру на Ближнем Востоке. Это должно отрезвить приверженцев политики “умиротворения”, которых ничему не научили руины взорванных приверженцами той же людоедской идеологии православных церквей в Боснии и Косово».

Раввин Лазар подчеркнул, что «дом Б-жий, даже разрушенный нелюдями, остается святыней». «Наш народ, – пишет он, – охраняющий святыни всех религий в Иерусалиме, разумеется, не станет отвечать на сожжение синагог разрушением мечетей. Но мы ожидаем от палестинского руководства скорейшей реакции осуждения и принятия мер в отношении совершивших это злодеяние».

21 сентября заявление в связи с кончиной легендарного «охотника за нацистами» Симона Визенталя.

«Ушел человек, дело жизни которого не раз удостаивалось высочайшей оценки крупнейших политиков мира. Человек, который своей жизнью всему цивилизованному человечеству поддал пример бескомпромиссной борьбы за восстановление справедливости. Один из тех, кто сохранил для потомков историю величайшей катастрофы XX века и заставил запомнить ее уроки».

Этот выдающийся человек до последнего вздоха преследовал палачей и убийц, добивался их предания суду и справедливого наказания. При этом, как говорит главный раввин России, дело здесь вовсе не в мести, «хотя сам Симон Визенталь прошел ужасы нацистских лагерей и чудом остался жив, а большая часть его родных погибла от рук нацистов. Мстить можно год, два, но не 60 лет».

«Делом жизни Визенталя стала не “охота” в собственном смысле этого слова, а борьба за то, чтобы восторжествовали право, правосудие, справедливость. Он делал всё, чтобы раскрыть миру глаза, чтобы показать ему истину чудовищных преступлений нацизма, и одновременно он стремился к тому, чтобы неотвратимость наказания для палачей вчерашнего дня стала предостережением для тех, кто в настоящем и будущем замышляет преступления геноцида».

Наши мудрецы говорили: “Тот, кто милосерден к жестокому, в конце концов проявит жестокость к милосердным”. Это было кредо жизни Симона Визенталя: преступления против человечности не может быть срока давности, не может быть забвения и тем более не может быть прощения».

Как отметил главный раввин России, «Симон Визенталь был добрым человеком, но он никогда не был “добреньким”. Его добро основывалось на приоритетной необходимости защищать не “права” преступника, а право невинных людей на безопасную, свободную, достойную жизнь».

«Лучшей памятью Симону Визенталю было бы продолжение дела, которому он отдал свою жизнь, – предание справедливому суду всё еще остающихся в живых нацистов и бескомпромиссная борьба за неотвратимость кары для “нацистов XXI века” – международных террористов».

יְבִאֲרֵי עֵה אִיאֹוֹי אִנְאִאֲדִי עֵ נֹי עֵעֹוּ

Завершено строительство нового здания еврейского Петербургского общинного дома. Под его крышей будут работать несколько еврейских организаций города, которые поддерживает «Джойнт». Новое современное здание площадью 7000 квадратных метров построено на Петроградской стороне недалеко от станции метро «Чкаловская».

Официальная церемония открытия началась с выступления главного раввина Петербурга Менахема-Мендла Певзнера. Он отметил, что открытие нового Общинного дома – это большое событие на пути к еврейскому возрождению.

Раввин Певзнер выразил удовлетворение тем, что в Петербурге, наряду с одной из красивейших в мире синагог, теперь появится еще одно замечательное в архитектурном отношении здание для евреев. Синагога является духовным и образовательным центром еврейской жизни города, а новое здание Общинного центра станет местом, где воплотятся в жизнь многочисленные культурные, социальные и благотворительные проекты.

Раввин прикрепил мезузу к дверям здания, прочитал традиционное благословение и протрубил в шофар.

На торжественном открытии выступили посол государства Израиль в РФ Аркади Мил-Ман, президент Американского распределительного комитета «Джойнт» Эллен Хеллер, генеральный консул США в Петербурге Мэри Крюгер, член правительства Петербурга, представитель губернатора в Законодательном собрании города М. Н. Бродский.

Спонсорам строительства были вручены мезузы, выполненные петербургским художником М. Звездиным.

י. אִאֹוֹי אִעֵ:

В ночь с пятницы на субботу 24 сентября произошло очередное хулиганское нападение на кошерный ресторан «Шалом» в Петербурге, расположенный на улице Коли Томчака, д. 8. В результате атаки вандалов были разбиты окна, сломаны рекламные щиты, испорчены двери.

Подобная же хулиганская вылазка произошла и в прошлом году. Администрация ресторана обратилась в правоохранительные органы с просьбой найти и наказать виновных.

Главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер и председатель еврейской общины Марк Грубарг выражают крайнюю обеспокоенность по поводу случившегося и надеются, что правоохранительные органы примут действенные меры.

עֵי אוֹרְיָא אֲבֵרִי יוֹעֵ אֲבֵרֵי עֵי אֲבֵרֵי עֵי אֲבֵרֵי עֵי

יְהוּדֵי יְהוּדֵי יְהוּדֵי

Главный раввин России Берл Лазар:

יְדִוּוּת

27 сентября в Москве встреча с министром экономики, энергетики, внешней торговли и научной политики Бельгии Марком Вервилхеном, кандидатом на пост комиссара Совета Европы по правам человека. Во встрече также принял участие исполнительный директор Федерации еврейских общин СНГ Авраам Беркович.

Министр заверил собеседников в том, что в случае его избрания на пост комиссара на первый план его деятельности выйдет борьба с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом. В планах Марка Вервилхена развитие программ по воспитанию в духе соблюдения прав человека, в особенности детского национального и религиозного образования.

29 сентября в Московском еврейском общинном центре встреча с новым послом США в России Уильямом Бернсом. Во встрече участвовали второй секретарь американского посольства Эми Скенлон и исполнительный директор Федерации еврейских общин СНГ Авраам Беркович.

Раввин Лазар рассказал дипломатам о возрождении еврейской жизни в России. Он затронул темы противодействия антисемитизму и распространения религиозной свободы в стране.

Посол Бернс с удовлетворением воспринял сообщение об огромных положительных сдвигах в развитии общины, которые произошли за последнее десятилетие, с тех пор как он оставил дипломатическую службу в Москве. В середине 1990-х годов Уильям Бернс, до недавнего времени занимавший пост помощника госсекретаря США по ближневосточным делам, служил в посольстве США в Москве советником по политическим делам.

30 сентября после подписания президентом Владимиром Путиным указа «Об утверждении членов Общественной палаты Российской Федерации» главный раввин России вошел в ее состав наряду с другими видными духовными деятелями: митрополитом Калужским и Боровским Климентом, главой Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином, председателем буддийской традиционной сангхи Дамбой Аюшеевым, главой российских пятидесятников Сергеем Ряховским.

3 октября в МЕОЦе участие в торжественном вечере в канун наступления Рош а-Шона. Главный раввин России призвал евреев в новом, 5766 году уделять больше внимания семье, близким и самосовершенствованию. «Пусть каждый в следующем году сделает что-нибудь хорошее для своих близких, чтобы мир вокруг стал лучше», – сказал раввин Лазар. После выступления раввина в синагоге в Марьиной роще прошли праздничные молитвы уходящего и нового года.

2 октября Президент Российской Федерации Владимир Путин направил главному раввину России Берлу Лазару поздравление российским евреям в связи с праздником Рош а-Шона.

«יְיָ צְדָאָעֵיבֵּן דְּמִנְעֵינֵעֹ אַדְוָאָא נִי דְאַצְיָעֵי דִּי בְּרֹא-וִיָּא (יִיְהוּ אָאִי).

אַעֵּי יִימְאִילְאֹאֶעֶ עֹוֹאֶעִי אַ יֹוִיֹוֹ יְדַצְיָעֵעֶ נְיִ אִרְעֶעֶדְבֹאֹו אֹוִוִּיאִיאַ יִ-עֻוִּיאֶעֶ, יְדַאֲנֹוֹאִיאִיאַ עֶ דַּעֶעֶאִיצִיאַ מִאֲדֹוֹאִינֹוֹאִיאֶעֶ, יְדַעֶאֲדַעֶאִינֹוִוִּי אַ-יִוִּי וֹאִינֹוִוִּי אִיאַדַּ, מִדַּאֲאֶעֶאִינֹוֶ, יִ עֵינְדֹאֶעֶ.

דְּמִנְעֵינֵעֹא יִימְאִילְאֹוֹאֶעֶ עֹוֹאֶעִי אַ, עֹאֶעֶ יְדַאֲנֹוֹאֶעֶ אֹוִוִּעֹוֹ עֵינִיֹוֹאֶעֶ, אִינִיֹוֹ אִינֹוִוִּיֹוֶ אֶעֶאִי אֶוֹדַיִ עֹאֶעֶאִינֹוֹ אֶעֶאִינֹוֶ עֶ מִאֲאֶעֶ, דַּצְאֶעֶוֹעֹאֶ עֵינִינֹוֹוֶעֶוֹעֹאִיאַ יִאֻוִּאֹוֹאִיאַ אֶעֶאִיאַ.

יֹוִיֹוֹ מִאֲאִיאַ אֶעֶאִי מִאֲאִיאַ, עֵינִיאַ יִוֹ נֹוֹדַיִ עֵינִי מִאִי אִינֹוִוִּי יֹוִוֹעֶאֲרֶאֶעֶנֹוֹאִיאַוֹוִּי עֶבֹאִי יֹוִוִּיאֶעֶיִ יֹאֹוִוִּיאֶעֶיִ עֶ דַּעֶעֶאִיצִיאַ עֶ יֹאֹוִוִּיאֶעֶיִנֹוֶ, יִיִוֹעֹאִי יֹאֹוִוֶעֹוִוִּי עֹדִיאַ נֹוִוִּיאַוֹוִּי אֶעֶאִיאַ עֶבֹאֶעֶ דַּצְעֶ-יִוֹוֹ אֲדֹוִעֶ מִיִּיאַיִ עֶ.

עֵינֶדַּיאִיאַ אֶעֶאֶבֶ אַיִ צִיֹוִוִּיאַיִ, מִ-אִינֹוִוִּי עֶ אִיאַ נַיִ יִאֶ אִיאַוִוִּיאַ. יִוִּינֹוִוִּי אֶ אֶעֶעֹוֹ אִיאַ אֹוֹוֹעֹוֹ מִיִּעֵינֹוֹאֶעֶ אִינֹוֹוִוִּי. אֶ יִוֹעֵי»

ÊÀÐÒÈÍ ÊÈ Ñ ÂÛÑÒÀÁÈÈ

7 ñáí òÿáðÿ á ïíêááí ùí á òáððèòíðèè ÁÂÕ í òèðóèáñí 18 Ì ñèíáíêáÿ ï áèáóí áðíáí áÿ èí èáèáÿ áñíòááèá-ÿðí áðèá. Õðí áèááíáí íá ñáíáíá ñááóðèá íá ñòáííáèòíÿ, íáíáèí, ïðèáí-íúí ï áðííðèÿðèáí, áñÿèèè ðáç ïíí íèáçíáááòíÿ ðáñòÿíóáèèíÿ íá íáíèíèíèí áíáè ïðáçáíèèíí áèÿ ïííòèðáèèè è íòááòíòááí ííè ðááíòíè áèÿ èçáàòáèííòá, áñíòóíáðòíèò ááòíðíá è ñíááíáðòíèò áñíòááèò áèðíáèèíòíá Ìíí èí ï ðííèè á áñíòááèá ó-áñòááòò 53 ñòðáíú, áèááí ùí íáðáçíí Ááðííá è Áçèÿ, ïðèííòíòáááò è ðèçíòèèá: Í íááÿ Çáèáíáèÿ, ÐÁÐ, Áðááíòèíá

В отличие от прошлогодней ярмарки на нынешней израильского павильона нет, то есть израильские издательства не представлены. Задавшись вопросом, есть ли на выставке книги авторов-израильтян и книги на еврейские темы, мы обнаружили следующее.

Стенды издательства «Гешарим – Мосты культуры» читатели обступили с момента открытия. Небольшой сплоченный коллектив во главе с Матвеем Гринбергом и Инной Аблиной отражал читательскую атаку. На полках мы усмотрели несколько новинок. Детскую серию «Гешарим» продолжает изданная в твердом глянцевом переплете сказка Х.-Н. Бялика «Царь Соломон и Асмодей», изящно иллюстрированная Григорием Златогоровым. Антология «Евреи и жида в русской классике», составленная Галиной Зелениной, включает тексты прозаиков XIX–XX веков от Тургенева до Мережковского, а завершают ее статьи Вяч. Вс. Иванова «К идеологии еврейского вопроса» и М. Эдельштейна «История одного стереотипа». В центре внимания – «Я лиру посвятил народу моему...» Игоря Губермана, куда отобраны «иерусалимские» и «камерные» четверостишия (гарики), а также иронические эссе на животрепещущие темы, – книга-автопортрет, как характеризует ее сам автор. На подходе (уже на складе в типографии) книга стихов Пауля Целана (перевод с немецкого Лилии Жданко).

Áèíá Ðáèèíá

Издательства «Дом еврейской книги» и «Параллели» расположились на одном «прилавке», у них общий владелец. Здесь тоже с полдюжины новых книг. Толстый том, снабженный фотографиями начала прошлого века, – трилогия писательницы Александры Бруштейн «Дорога уходит вдаль», спонсором издания выступил «Джойнт», книга издана для библиотек семейных и школьных лагерей. Рядом – книжка мемуаров директора нескольких московских театров Валерия Школьников. На лотках лежит и третий выпуск альманаха «Параллели», где, помимо статей, переводы из Башевиса-Зингера и «Библейские рассказы» Льва Лунца. Особое внимание привлекает книга в жанре «нон-фикшн»: «Из НКВД в СС и обратно» сотрудника Национального института «Яд ва-Шем» Арона Шнеера. Это беседы израильского историка с бывшим советским разведчиком, работником НКВД, штурмбаннфюрером ваффен-СС, участником боевых действий на стороне вермахта, закончившим войну в 1944 году в американском плену. По сравнению с его откровениями бледнеют облагороженные жизнеописания отечественных шпионов, так расплодившиеся в последние годы.

Недалеко от этого издательства разместился павильон Издательского центра Российского государственного гуманитарного университета, где количество авторов-израильтян не меньше, чем в издательствах, ориентированных на еврейскую тематику. Похоже, вся кафедра славистики Иерусалимского университета отметилась здесь монографиями о русской классической литературе. Михаил Вайскопф – «Сюжет Гоголя», Елена Толстая – «Поэтика раздражения» и «Мирпослеконца», Михаил Серман – «М. Лермонтов. Жизнь в литературе», Семен Шварцбанд – «История текстов», Савелий Дудаков – «Этюды любви и ненависти». Здесь же – «Вчерашнее завтра. Книга о русской и нерусской фантастике» Майи Каганской, Зеева Бар-Селы и Инны Гомель. Однако центральное место занимает «Проект “писатель Шолохов”» литературоведа Зеева Бар-Селы, где на пятистах без малого страницах рассматривается сакраментальный вопрос «Кто же всё-таки написал “Тихий Дон” и всё остальное?» Бар-Села предлагает новую, чрезвычайно аргументированную версию на основе текстологического анализа и сопоставления биографических данных. Книга может рассматриваться как «подарок» израильского литературоведа к столетию советского классика.

Книги современных израильских писателей, пишущих на иврите, присутствуют и на стендах других российских издательств, но уже не столь массово: один-два автора. Кульминация израильского участия – выступление прозаика Дины Рубиной в литературном салоне «Эксмо» за день до закрытия ярмарки. В этом издательстве вышла новая книга Рубиной «Холодное лето в Провансе». Она состоит из эссе о путешествиях по Европе, поэтому разговор вначале коснулся темы необходимости время от времени «менять декорации и окружающие ландшафты». Живущая в Иерусалиме писательница много издается в России: на прилавках «Эксмо», помимо «Холодного лета», продавались три ее книги. По одной из них – роману «На Верхней Масловке» – в этом году снят художественный фильм, получивший призы на кинофестивале в Выборге. Главные роли исполнили Алиса Фрейндлих и Евгений Миронов. Сейчас Рубина пишет роман, действие которого происходит в многонациональном, космополитичном Ташкенте 1950-х годов, где прошли ее детство и юность.

Обобщая выставочные наблюдения, можно сказать, что российско-израильское культурное пространство сформировано. Оно сложилось за последние пятнадцать лет, после возобновления дипломатических отношений, и существует независимо от внешнеполитических колебаний обеих стран,

независимо от их официального участия в таких акциях, как международная книжная выставка. Появление этого культурного пространства – пример успешной «народной дипломатии», инициативы и заинтересованности творческих людей, издателей и ученых-гуманитариев России и Израиля. Застрельщики и активные участники этого процесса – недавние граждане СССР, говорящие и пишущие по-русски «новые израильтяне».

À. Baitirov

AAI

אַ אַיַעֲאִיִּאָאָאָ אָנֹבֶאָ אַעֵעֵ עֵאָאֵ עֵאָאָאָאָ

29 сентября президент Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваев посетил Волгоград. В программе визита были и деловые встречи, и посещение еврейских образовательных учреждений.

Вместе с исполнительным директором фонда «Ор Авнер» Довидом Мондшайном и председателем комитета по образованию администрации Волгоградской области Виктором Беспаловым Леви Леваев посетил еврейский детский сад «Ган Геула» и еврейскую школу «Ор Авнер». Дети и учителя представили гостям разнообразную программу: начальная школа показала открытый урок на тему «Рош а-Шона» на иврите и английском языке, ученики 4-го класса – новогодние песни на иврите, третьеклассники занимались подготовкой меню к праздничному столу на английском языке. Но больше всего Леви Леваеву понравился урок в компьютерном классе, где шестиклассники сдавали «праздничные тесты» на иврите.

Гости побывали также в новой библиотеке и тренажерном зале. Потом состоялся небольшой концерт и вручение праздничных подарков. Главе ФЕО СНГ подарили украшенный серебром шофар, а также буклеты о жизни волгоградской еврейской общины, общинного центра и школы «Ор Авнер».

Леви Леваев поздравил учащихся с праздником Рош а-Шона и пожелал маленьким волгоградцам всегда следовать еврейскому образу жизни.

ע. חַעֵעֵיִאִי

ÎÁÛËÍÛË ÖÁÍÒÐÁ ÁËÀÒÁÐËÍÁÓÐÁÁ

Ïÿðÿðáæíúé íáúéííúé öáíòð «Áëàòáðëíáóðáá» íéíááíá» íéíááíá á 4 óíí éáááðáòíóòí áóðíá áóíá é áíòðá-á áíòðáé.

Здание многофункционально: кроме молельного зала в центре работает благотворительная столовая, кухня, тренажерный и спортивный залы, компьютерный класс, библио- и видеотека, музыкальная студия, комната памяти жертв Холокоста, учебные классы, благотворительный центр, женская и мужская миквы, офисы общины и кошерный ресторан. Молельный зал рассчитан на 400 человек, его интерьер выполнен в оригинальной стилистике: он должен напоминать Стену Плача в Иерусалиме.

«Мы открываем программы, рассчитанные на людей разного возраста, в том числе детей и молодежь, – рассказала исполнительный директор центра Анна Савельева. – Детям мы предлагаем баскетбол, мини-футбол, волейбол, настольный теннис. Будут организованы хор мальчиков, вокальный ансамбль девочек, студии художественного творчества и современного танца, клуб любителей компьютерных игр. Мы создаем “Детскую академию”, организуем занятия оздоровительной гимнастикой. Для школьников открываем театральную студию, секции аэробики и айкидо. Для дошкольников – студию “Играем в театр”, танцевальный коллектив, курсы по подготовке к школе.

Проект “Шабос с друзьями” сплотит еврейских ребятишек города.

Молодежи также будут предложены многочисленные программы, в том числе компьютерные курсы, студии “Молодежное телевидение” и “Стиль”, Интернет-кафе, клубы иврита и гитары, молодежные шоу-программы и праздники. Откроется молодежная редакция, студия компьютерного дизайна, проекты “Будь лидером!” и “Молодежный Шабос”, подготовительные курсы для поступающих в вузы, “Кино-кафе”, курсы иностранных языков.

Взрослые члены общины смогут принять участие в работе клуба “Еврейский интеллигент”, Лекционного, Литературного и Шахматного клубов. Проекты “Студия красоты” и “Еврейская кухня”, “Новая профессия” и “Телефон доверия”, “Юридическая консультация” и “Биржа труда” приглашают всех желающих. Откроет двери Женский клуб, начнутся семейные интеллектуально-развлекательные программы.

Изучением еврейских традиций, религии и культуры мы хотели бы охватить наших посетителей всех возрастов и профессий. Принять участие в занятиях иудаизмом, курсах и семинарах сможет каждый желающий. Работает женская миква. Предоставляются еврейские атрибуты. Нами ведется активная издательская деятельность, устраиваются праздничные концерты на крупнейших концертных площадках города. Безусловно, значительное внимание будет уделено помощи в соблюдении главных еврейских обычаев и обрядов: брис-милы, бар- и бат-мицвы, хупы, поминальной молитвы. Будет работать ритуальная служба “Хевра Кадиша”.

Мы надеемся, что наши программы, да и само прекрасное здание общинного центра и синагоги сплотят еврейскую общину города и привлекут в нее новых членов». *ААÍ Á. Ñááæíúá*

Í Î Â Û Ê Á Î Á Â Ã Ä Å Æ Ç È Ñ Ò Ó

Áá-áðí 3 íéóγáðγ ááðáé áñóðáðééé Ííáíé, 5766 áá íò ðíóáñðáíéγ í edá Ííáíááá íá Ííáíáíéó íðéáí áó íò Ðíííééíéíá ááðáéíéíá éííáðáíá é Óáááðáðééé ááðáéíééó íáíéí Ðíííéé, γ áíγííí ééá, ÷óí Ííáíé áá äéγ ÷éáí íá γóéó Íðááíéçáðééé íá-éí ááðííγ ñ çáí áóííóó íáðáí áí - íáíé áíááðóó Ííáíá í ðáçéááí óá, áðáéá í íñóáðáðòííγ í áí íéçá ðááí óáòíí

На встречу Нового года, устраиваемую Российским еврейским конгрессом (РЕК) в атриуме Музея Пушкина на Пречистенке, гости съезжались как на партсобрание. Дело в том, что за полтора часа до начала приема, приглашения на который были разосланы заранее, в спешном порядке было созвано внеочередное заседание бюро РЕКа, на котором был обсужден и решен вопрос о смене главы конгресса. Созвал бюро председатель совета директоров «Альфа-банка», один из членов бюро конгресса Михаил Фридман. Члены бюро решили сместить с поста президента РЕКа сенатора Владимира Слуцкера и предложили заменить его председателем координационного совета АО «Акрон» Вячеславом Кантором, которого должен утвердить в должности президиум конгресса. Однако на самом вечере об этом ничего официально сказано не было, и господин Слуцкер встречал гостей и выступал со сцены как действующий президент РЕКА. Так его представлял и ведущий вечера Владимир Соловьев. Видимо, опасаясь лишних расспросов, практически никто из членов бюро РЕКа на прием не прибыл, да и сам господин Слуцкер мало времени проводил среди гостей, периодически куда-то исчезая.

«Мне позвонили сегодня днем и поздравили с избранием, – делился впечатлениями адвокат Александр Добровинский. – Неловко, знаете ли – без меня меня женили (на пост главы РЕКА обсуждалась и кандидатура господина Добровинского, и кто-то поспешил его поздравить с избранием. – О. А.). А потом стали говорить, что вроде как и не меня выбрали. В общем, как-то всё по-еврейски получилось». Весь вечер господин Добровинский пытался узнать у окружающих, что же случилось на самом деле. Теми же вопросами были озабочены и другие гости, среди которых были адвокаты Генри Резник и Михаил Барщевский, главный раввин России Берл Лазар, писатель Михаил Жванецкий, президент «СТС Медиа» Александр Роднянский, модельер Валентин Юдашкин, глава компании «Ле Монти» Леон Гандельман, композитор Александр Журбин, поэт Владимир Вишневский, предприниматель Константин Боровой, глава компании World Class Ольга Слуцкер.

Ответ на главный вопрос вечера мне удалось получить у самого господина Слуцкера, когда он ненадолго появился в зале. «Да, у бюро такое мнение, но решение за президиумом, через месяц», – улыбаясь, говорил господин Слуцкер. «Всё хорошо. Сладкого года!» – сказал он уходя.

На другом новогоднем вечере, в ресторане Московского еврейского общинного центра в Марьиной роще, главный раввин России Берл Лазар уже сам встречал гостей. В самом начале ужина собравшимся было зачитано поздравление, переданное президентом страны Владимиром Путиным по случаю еврейского Нового года. Поздравительные слова президента руководитель департамента Федерации еврейских общин России (ФЕОР) Борух Горин предварил напоминанием о том, что «в еврейской традиции случившееся три раза подряд становится правилом, которому с этого момента надо следовать постоянно». И так как в этот раз президент, зная о такой традиции или нет, в третий раз обратился к российским евреям в Новый год, то «поздравление от него или его преемника станет неперменным на каждый Рош а-Шона». Гости за столами подняли бокалы и выпили за праздник и новую традицию. А следом за одним из столиков прозвучал тост-предложение: «Самое время выпить за здоровье Миши». «Ходорковского?» – уточнили у предложившего. «За него».

Особенно порадовало гостей пожелание раввина Лазара, прозвучавшее следом. Раввин пожаловался: «Мы все так много работаем, всегда у нас под рукой мобильные телефоны, с которыми мы не расстаемся ни днем ни ночью, а на главное – близких, родных, семью – у нас почти не остается времени». «Давайте в новом году мы все будем чуть меньше работать и больше находить времени на отдых, на семью, на наших любимых!» – пожелал всем Берл Лазар. «Шана това у-метука! (“Хорошего и сладкого нового года!”)» – раздалось за всеми столами, и за это все весьма охотно выпили. «Раввин попал в самую точку», – обменивались мнениями гости. Мысль раввина развил в своем поздравлении адвокат Михаил Барщевский. «В любой стране священнослужитель любой конфессии – православный, католик, протестант – всегда призывает своих прихожан меньше бездельничать и как можно больше трудиться, и только наш раввин пожелал нам побольше отдыхать. Наверное, поэтому мы так много и работаем», – предположил господин Барщевский. Затем он, направляясь к столику, за которым сидел художественный руководитель журнала «Ералаш» Борис Грачевский, увидел приподнявшегося ему навстречу режиссера Марка Розовского, и под звуки еврейской песни «Чирибим-Чирибом» господи Барщевский и Розовский станцевали, идя навстречу друг другу. За танцем с интересом наблюдал «медицинский» стол – директор Центра эндохирургии и литотрипсии Александр Бронштейн, главный врач московской «скорой помощи» Игорь Элькис и руководитель Центра планирования семьи и репродукции Марк Курцер. «Это самый дорогой нашему сердцу доктор, – сказал мне один из руководителей ФЕОР, указывая на господина Курцера. – У него наши жены рожали, и в этом году будут рожать, тем более после пожелания раввина».

י. אֶבְרָהָם

«Eti i adni o»

Главный раввин Луганска Шолом Гопин провел ряд встреч, которые стали традиционными накануне еврейских осенних праздников. Он поздравил губернатора Луганской области Алексея Данилова с приближающимся праздником и подарил ему набор из яблок, гранатов и меда, которые символизируют Рош а-Шона. Также раввин Гопин беседовал с мэром города Евгением Бурлаченко, который пожелал еврейской общине скорейшего завершения строительства нового здания синагоги и вновь предложил свое сотрудничество для решения всех вопросов, связанных с этим начинанием еврейской общины.

יְחַדְּשׁוּ אֶת יְמֵי אֲבֹתֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ «יְדֻאֵי אֲבֹתֵינוּ»

15 תמוז תשס"ב א באעו א א-אוי תי עני יעאעני «י ד אאי אד» י די צאי אע י אדאי ע צאי יע י יארא א-אוי יא ארא א י אאי דא עעי עו מ אדאעני א-אי עעע, עי ו י די ו י דאיו ו אראעע אאי ו אי ע י אעני אי ו אי ע די אע אאע, י ארא אע ע י י-אוי ו א איו ע י דא צאי עעא

На первый взгляд всё было, как всегда: торжественно поднятый под звуки гимна флаг Азербайджанской Республики, выступления официальных лиц, приветствия учащихся, пожелания и напутствия родителей и учителей, музыка. И всё-таки сразу заметны принципиальные отличия школьных праздников 2002 года, когда была создана школа, и нынешнего. За это время более чем в три раза выросло количество учащихся бакинской еврейской школы «Ор Авнер» – с 76 до 260, которых обучают 50 педагогов и воспитателей.

В приветственном слове генеральный директор комплекса, главный ашкеназский раввин Азербайджана Меир Брук вспомнил знаменательный день 2002 года, когда судьба школы была решена. Тогдашний президент Азербайджана Гейдар Алиев принял президента ФЕО СНГ, главу международного фонда «Ор Авнер» Леви Леваева, главного раввина России Берла Лазара и раввина Брука и сообщил о решении создать еврейскую школу в Баку.

Раввин Брук отметил, что еврейская община и сегодня чувствует поддержку руководства Азербайджана. От лица всех учащихся, воспитанников и педагогического коллектива комплекса он выразил благодарность фонду «Ор Авнер» и его главе и подчеркнул, что «заслуги Леви Леваева перед еврейским народом неоценимы».

От имени посла Израиля в Азербайджане Артура Ленка коллектив школы с Днем знаний поздравил почетный гость праздника израильский консул Михаил Баркан.

Директор школы Закай Шаев в свою очередь пожелал ребятам успехов в учебе и выразил надежду на тесное сотрудничество педагогов с родителями учеников.

«День знаний, учрежденный в прошлом году президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым, около 40 первоклассников отмечают сегодня впервые, – сказал он. – Популярность среди еврейских общин республики – большое достижение для нашей школы. Родители относятся к нам с уважением и с удовольствием отдают своих детей в школу «Ор Авнер», чтобы наряду с хорошим светским образованием они получили еврейское воспитание».

Закай Шаев отметил, что в мае 2005 года учебному комплексу «Ор Авнер» под строительство нового здания выделено полтора гектара земли.

Затем выступил школьный хор, исполнивший песню «Золотой Иерусалим», и первоклассники со своей концертной программой...

В классы учеников позвал шофар.

Л. Гольдшмит

АЕН

ШАЛОМ, ШКОЛА!

А פּוֹעֵ הַאִיטװ צײַטײַטע «י״ד אײַט״ו» ייִאָיע הַאִיטװע פֿאַ יאָ-עִיאַעײַ, עֵאֶע עֵ אַצײאַ - פֿי יִדאַצײַע-יִיע פֿוֹ אֹדױע, פֿוֹלעֵעִיאַ צײַאָאָ עֵאִיע, צײַאָאָעֵוֹ עֵ יִיפֿאַצײַעֵוֹ אַאֹנעֵוֹ יִיִדאַסאָע. יִי יִאָ אֹיעֵיע. אַ יִאָעֵיִוִדױוֹ אַוִיאָוֹ נִי אַ עֵיעֵיעֵ עֵעֵ יִיעֵ-עֵעֵ עֵי אִיפֿ צײַיעֵ צײַ אַ-אֹאָעֵיעֵ וִא יִיאָדעֵע.

עֵיעֵעֵ - עֵוֹ-עֵעֵ יִיאָדעֵע!

В еврейской общине Ростова-на-Дону Дню знаний предшествовал еще один праздник. Его виновником стал первенец ростовского раввина Хаима Фридмана и его жены Нехами – маленький Йоси. Накануне, 31 августа 2005 года (26 ава 5765), ему исполнилось три года. В этот день у Йосефа-Иццока, как у каждого еврейского мальчика, состоялся первый праздник взросления – опшерниш, обряд первой стрижки.

На это торжественное мероприятие приехали гости из Израиля: мама Хаима – Сара Фридман, а также родители Нехамы – реб Шимон и Хана Зонненфельд, «самые богатые люди из присутствующих», как назвали их ростовчане. Почему самые богатые? У них 12 детей и 14 внуков, Нехами – четвертый ребенок в семье.

Для приехавших в Ростов израильтян опшерниш – естественная составляющая еврейской жизни: мальчику впервые состригают волосы, надевают кипу, цицис, он начинает ходить в хедер, учится читать, писать, произносить благословения, класть деньги в цдоку. А вот для пришедших на праздник членов ростовской общины всё было в диковинку. Немудрено: обряд опшерниш в Ростове не проводился уже много десятилетий...

Зато на следующий день пришла очередь удивляться гостям. Во-первых, 1 сентября, День знаний, в том виде, в котором он принят у нас, не принят в Израиле. Во-вторых, их поразила школа. «В Израиле таких школ нет», – убежденно говорили гости. Раввину Ростова оставалось лишь скромно улыбаться. «Я бы очень хотела работать в этой школе», – сказала Сара Фридман. Мама реб Хаима знает, о чем говорит: она преподает английский язык в Кфар-Хабаде.

У еврейской школы «Ор Авнер» Ростова-на-Дону в этом учебном году юбилей, 10 лет. Ее директор Тамара Попова говорит, что это были непростые годы: начинали в здании синагоги, приходилось ютиться в полуподвале, арендовать помещение. Теперь же у школы появился свой Дом.

Трехэтажное здание школы – историческое. Оно было построено в 1881 году на территории большой усадьбы, принадлежавшей еврейской общине, и примыкало к зданию Хоральной синагоги Ростова-на-Дону. Здесь находилось еврейское училище «Талмуд Тора», молельный зал, еврейская библиотека, бесплатная столовая. Советы здание национализировали. Но всё возвращается на круги своя...

На открытии нового здания школы в исполнении ансамбля девочек звучал ростовский еврейский хит: «Под палящим солнцем / Или под дождем / Я скажу тебе: / Привет! Шалом!» Поздравить общину и перерезать красную ленточку прибыли первые лица города и региона – мэр Ростова Михаил Чернышев, вице-губернатор области Александр Бедрик, главный федеральный инспектор по Ростовской области Сергей Елифанцев. Приехали и гости – раввин Ядидья Хасин и Эдуард Мушеев из фонда «Ор Авнер», раввин Краснодара Шнеур-Залман Сегаль, председатель тамошней общины Юрий Тейтельбаум.

Звучали поздравления с новосельем, с Днем знаний, добрые пожелания, слова напутствия ученикам. Но основной темой выступлений было нескрываемое восхищение новой школой и скоростью проведенных строительных работ. Прозвучало слово «чудо». Это действительно было похоже на чудо.

Здание было передано общине с условием начать учебный год в новой школе, освободив предыдущее арендуемое помещение. Времени на строительные работы (а это было практически строительство, потому что внутри здания реконструировали всё, от фундамента до крыши) оставалось пять месяцев... «Никто не думал, что это возможно за такой срок. Нам сказали: ребята, хотите вы или не хотите, но вы должны успеть», – вспоминает раввин Фридман. И они сделали это! Как образно охарактеризовал ситуацию председатель ростовской еврейской общины Юрий Рубинов, «у нас не было иного выхода – только проломить эту стену».

...Перед отъездом из Ростова мы еще раз зашли в новый прекрасный дом ростовской школы «Ор Авнер». Светлые классы, отлично оборудованные кабинеты, уютная столовая, большой спортзал. Уже не было воздушных шариков и красных ленточек, наступили суровые учебные будни, в еврейских школах (почему-то так получается!) на каждом шагу превращающиеся в праздники... По коридорам сновали озабоченные дети вперемежку с озадаченными учителями. Но и суета, и дети были какими-то светлыми и радостными.

Секретом поделилась преподаватель еврейских традиций Наталья Потапова: «Я не знаю, благодаря чему – может быть, благодаря этим старым стенам, – но в этой школе дети стали совершенно другими. Раньше нельзя было достучаться до того или иного ребенка, а здесь они все открылись!»

Ἀδελφοὶ ὁ Θεῖν ὁ Ἰῖῖῖῖ

Ἰᾶῖῖῖῖ Ἰᾶῖῖῖῖ

Как известно, Ростов – папа, а Одесса – мама. Еврейские дети в этом южном городе также не остались без подарков к новому учебному году. «Приходи к нам в школу и получи два часа свободного времени в подарок!» – такая реклама появилась в Одессе накануне 1 сентября. Восточный микрорайон города, жилмассив Котовского, находится достаточно далеко от центра Одессы, и раньше дорога до центрального здания еврейской школы «Хабад Ор Авнер» и обратно занимала больше двух часов, хотя бы и на школьном автобусе. «Теперь не нужно каждое утро ездить в школу, расположенную в центре города, можно на час больше поспать утром и на час раньше вернуться домой вечером. Отними два часа от школы и добавь их к своему свободному времени» – так объясняют преимущества нового филиала школы его «отцы-основатели».

Ἀ. Νᾶῖῖῖῖῖῖ ἔ Β. Οῖῖῖῖῖῖ

Руководителя этого «восточного» учебного отделения Владимира Сеплярского мы застали за занятием не вполне интеллектуальным: в одном из классов школы с перфоратором в руках он подвешивал плафоны. «Арматура под сверло попалась», – сетовал он. «Что ж вы сами-то?» – удивились мы. «А что? Мне рост позволяет». Владимир Исаакович действительно высокого роста. А в новом учебном году и без того высокий Сеплярский еще «подрост». Вернее, не он, а вверенное ему учебное заведение. С 1 сентября здесь, помимо детского сада и начальной школы, начала работать средняя школа – 5-е, 6-е и 7-е классы. Кроме того, появилась новая мебель в детском саду, переоборудованы классы, спальня для малышей. Работает компьютерный класс, проходят занятия хора, уроки ритмики, физкультуры. «Я знаю каждого ребенка и его родителей, потому что каждого сам сюда привел. Когда я пришел, у меня был один класс – два ученика, и в садике – четверо. А теперь, слава Б-гу, у меня 75 человек, в будущем году сделаю еще 8-й класс. Есть еще идеи... Но о них пока умолчим – чтоб они претворились в жизнь».

Владимир Сеплярский рассказывает: «Я тут и зав. учебной частью, и учитель физики, и прораб, и мастер – не зову никого, всё делаю сам. А еще я – инструктор по туризму!» В турпоходы Владимир Исаакович ходит уже 33-й год, и, по его словам, это помогает ему в воспитательном процессе. «У нас есть один очень трудный мальчик, Лёня. Я дал ему слово: будешь хорошо себя вести, на зимние каникулы возьму тебя с собой в Карпаты кататься на лыжах. И он старается!» В планах Сеплярского – весенний поход в Крым и летний туристический лагерь для еврейских ребят.

Учебно-воспитательное объединение «Хабад Ор Авнер» в Одессе – это не просто школа, а целая сеть учебных заведений, которая буквально «накрыла» город с населением больше миллиона человек, протянувшийся вдоль Черного моря на 45 километров. Одесса, в которой нет метро, но есть несколько «спальных» районов, никак не могла иметь только одну еврейскую школу. И она имеет их много!

Руководитель этой сети и главный «спрут» одесского еврейского образования Яков Шостак показывает еще один подарок школьникам к новому учебному году – современный информационный центр, объединивший в себе функции интернет-клуба, библиотеки, читального зала. Кроме того, закончен ремонт в новом помещении интерната для мальчиков, планируется расширение центрального отделения – старшей школы – за счет соседнего здания, скоро появится новое помещение у детского садика в Измаиле.

Яков Ефимович – педагог с многолетним стажем, по образованию математик, окончил Одесский университет. Он большой патриот Одессы и своего учебного объединения. «Мы не работаем на экспорт детей в Израиль», – говорит он. И чувствуется, что для Якова Ефимовича фраза «дети наше будущее» – это не красивые слова, а жизненная программа.

Его путь как организатора и руководителя еврейского образования в Одессе и области по-своему примечателен. В 1990-х Яков Шостак возглавлял большую современную школу на полторы тысячи детей в новом микрорайоне города. Казалось бы, всё складывалось прекрасно. Но этого энергичного человека, видимо, что-то не устраивало в жизни: «Был я в Израиле в 98-м, стоял у Стены Плача и говорил: “Вот мне 45 лет, и вразуми меня, Г-споди, что мне делать дальше!” И вот я приехал в Одессу, вдруг открывается дверь и заходит раввин. И предлагает мне стать директором еврейской школы». Раввин Одессы и Юга Украины Авроом Вольф вспоминает: он был уверен, что Яков Шостак откажется: «У него в школе коридор был больше того помещения, с которого мы начинали!» Но Яков Ефимович неожиданно согласился. Всё пришлось начинать с нуля.

Сейчас Яков Шостак возглавляет большой образовательный комплекс. «У нас пять отделений в Одессе, в которые входят детские сады, младшие, средние и старшая школы, а также интернаты для мальчиков и девочек, хедер, два филиала – в Измаиле и Белгороде-Днестровском. Всего у нас учатся более 600 детей, в

этом году выпускники школы без экзаменов приняты в Институт социальных наук Одесского национального университета, в филиал Киевского института экономики и финансов», – с гордостью рассказывает он. Одесская школа «Хабад Ор Авнер» работает, по определению Шостака, «как маленький отдел народного образования»: на базе школы регулярно проходят открытые уроки, семинары для учителей еврейских школ СНГ, идет большая методическая работа. И еще больше – планов на будущее...

Сай а: ао аеиі аў і аоца

1 сентября на двери днепропетровской школы «Ор Авнер» раввин Днепропетровска и региона Шмуэл Каминецкий прикреплял мезузу. Да не простую, а золотую! Однако выдающейся делал мезузу не благородный металл, а замечательное происхождение – летом этого года ее привез из Израиля ученик 9-го класса Матвей Цирюльников. Подарил он родной школе не только мезузу, но и победу на конкурсе по истории Израиля среди учащихся всего мира, прошедшем в июне этого года в Иерусалиме. Еще один подарок школе сделал девятиклассник Юра Никифоров. Там же, в Иерусалиме, он стал финалистом конкурса по Танаху.

Приготовила подарки ребятам и школа: к новому учебному году открылась новая библиотека с читальным залом, а также «комната психологической разгрузки» для учеников младших классов. Раввин школы Меер Островский объясняет: игровая комната нужна первоклашкам для плавного перехода от садика к школе – много игрушек, мягкие матрасики, специальная мебель. Здесь они могут отвлечься, с ними занимаются психолог, логопед. В школе перестроена и отремонтирована столовая, реконструирован актовый зал и «жизненно важные» помещения, закуплена новая партия компьютеров.

Вааеі өеіеі І. Ііоогаіеё.

В днепропетровской школе на сегодняшний день учится более 500 человек. Это целый комплекс, на территории которого помимо самой школы находятся ешива «Ктана», махон для девочек, ресурсно-информационный центр «ОРТ». Ребята занимаются компьютерными технологиями и всем, что с ними связано: сами создают программы, разрабатывают действующие модели. У школы мощная техническая база, свои автобусы, которыми ребят доставляют к школе и домой, возят на экскурсии, в детские лагеря. Здесь работают высококлассные специалисты.

Действует и обширная международная программа. Например, днепропетровцы дружат с бостонцами: совместно с еврейскими школами этого американского города разрабатывают проект «Кехила». На «совершеннолетие», «бар-мицву» (в прошлом году школе исполнилось 13 лет), школа получила замечательный подарок: 146 детей из 12 школ Бостона подготовили каждый свой квадратик-поздравление, из которого сшили огромный ковер. Кроме того, в Днепропетровске совместно со школьниками из Хайфы и Бостона ежегодно организуется недельный лагерь «Хавайя». В этом году он прошел под девизом: «Все евреи ответственны друг за друга». Лидеры, то есть организаторы лагеря, – старшеклассники из Днепропетровска, Бостона и Хайфы. Языковых барьеров между ними нет – все говорят по-английски.

Четырехэтажное здание днепропетровской школы производит впечатление настоящего дворца. С помещением в свое время очень повезло – ей досталось хоть и старое, жутко запущенное, но просторное здание с большой территорией и флигелями во дворе.

А начиналось всё так.

В конце мая 1991 года Семена Каплунского, учителя биологии одной из днепропетровских школ, в свободное время подрабатывающего в качестве экскурсовода, попросили сопровождать делегацию из Израиля: «Надо было каких-то евреев сопроводить в какие-то Любавичи...» Те летели из Днепропетровска в Смоленск, а оттуда автобусом – до Любавичей. Было одно условие: обязательно надеть головной убор. Анна Яковлевна, жена и коллега Семена Исааковича, рассказывает: «Почему в мае месяце надо было надеть головной убор, никто не понял. Мы долго выбирали Семене шляпу, у него их было много, но остановились почему-то на грузинской фуражке “кацо”».

«Когда я первый раз увидел группу людей в черных сюртуках, в черных шляпах, я спрятался за дерево», – признавался он. В дороге раввин Каминецкий спросил: «Вы еврей?» Семен Исаакович ответил: «Да, по паспорту».

Вылетели рано утром, возвращались вечером, на обратном пути разразилась страшная гроза. А надо сказать, Семену Исааковичу позарез надо было вернуться домой в тот же день, ибо на следующий, 25 мая, в школе был «последний звонок». И вот уже в самолете стюардесса сообщает: в связи с непогодой самолет произведет посадку не в Днепропетровске, а в Запорожье. «И вот я вижу: они, в этих черных костюмах, черных шляпах, с этими черными бородами, становятся в проходе и начинают танцевать». Этот танец-молитва вызвал огромное удивление у Семена Исааковича. Но самое большое удивление он испытал, когда самолет сел: «Сверкала молния, гремел гром, лил страшный ливень, но мы приземлились в Днепропетровске! Тогда я поверил в чудеса».

Р. Ісеевіча

Семен Каплунский стал первым директором еврейской школы города Днепропетровска – школы «Ор Авнер Хаблад-Любавич» имени Леви-Ицхока Шнеерсона. Они с женой Анной Каплунской, ныне замдиректора по начальным классам, работали в школе с первого дня. Школа начиналась с еврейских классов, занимавшихся во вторую смену на базе общеобразовательной школы №58. Тогда, в 1991 году, в городе не поверили, что дети пойдут в еврейскую школу. Но набрали сразу пять первых классов, дальше – больше. Через два года было уже 300 детей.

В таком положении школа просуществовала два года, после чего весной 1993 года ей было передано здание бывшего интерната в аварийном состоянии. По словам Анны Яковлевны, «город не имел возможности его отремонтировать и отдал здание евреям в надежде на то, что евреи изыщут средства».

Средства изыскали. Но времени до начала учебного года оставалось крайне мало, кроме того, в здании случился пожар. Анне Яковлевне вместе с Семеном Исааковичем пришлось три месяца спать на первом этаже на мраморных плитах – «для того чтобы школу по частям не разнесли». «Мы всё-таки открылись, провели первую линейку и детей отправили отдыхать, оставив учителей и родителей, – помогли нам всем миром. Первые годы, конечно, было безумно тяжело», – признается Анна Каплунская.

Виртуальные записки из Биробиджана

Впреддверии нового, 5766 года по еврейскому календарю в синагоге Биробиджана открылся музей иудаики.

Экспозицию, стилизованную под еврейскую улочку, открывают символические Иерусалимские ворота. Далее следуют макеты святынь еврейского народа – иудейский Храм, Стена Плача, Врата Яффо.

Отдельно представлены сервированный по всем правилам субботний стол и «уголок сойфера» – переписчика Торы.

Многие экспонаты доставлены из Израиля раввином биробиджанской синагоги Мордехаем Шейнером и его женой Эстер. Первую экскурсию по музею совершили учащиеся еврейской воскресной и государственной еврейской школ.

В ближайшее время в музее будет установлен компьютер с выходом в Интернет, что позволит каждому посетителю отправлять виртуальные записки в Иерусалим для размещения их в Стене Плача.

«עַל הַאֲבֹתֵינוּ»

26 сентября в Екатеринбурге в торжественной обстановке открылась первая на Урале ешива, получившая традиционное название «Томхей Тмимим».

К учебе в ней приступили 16 юношей в возрасте от 13 до 16 лет. Главой ешивы и главным наставником учащихся стал Йосеф Ашкенази, брат главного раввина Екатеринбурга и Свердловской области Зелига Ашкенази. Йоси – так зовут молодого раввина ребята – учился в ешивах США и Израиля, что несомненно послужит хорошей основой для его педагогической деятельности.

Ребята будут изучать традиционные дисциплины иудаизма – «Тору», «Алоху», «Талмуд», «Хасидут», а также овладевать ивритом. Как отметил раввин Зелиг Ашкенази, открытие ешивы стало важнейшим этапом на пути возрождения екатеринбургской еврейской общины. Открытие еврейской общеобразовательной гимназии, детского сада и яслей, нового здания еврейского общинного центра и синагоги, а теперь еще и ешивы закладывает реальную основу для формирования традиционной и сильной еврейской общины в таком крупном городе как Екатеринбург.

Община нашла возможность создать оптимальные условия для учебы ребят: питание и проживание будут осуществляться на постоянной основе в здании общинного центра и синагоги. Перед поступлением в ешиву у каждого из будущих учеников состоялся разговор с раввином Зелигом Ашкенази. Он объяснил ребятам их особую ответственность: именно на них, образованных религиозных людей, община рассчитывает опираться в будущем.

À. Nààààà

אַדאַענעע יאדאָציאָאָעוויזע וואָיִוּבאַ יִנְעאַ

*10 יעדונגן דראַן פֿון ינענע אַדאַענע יאָנעוויזע וואָיִוּבאַ דעאָנאָוויזע אַזע יִנְעאַ
אַדאַענע יאָדאָציאָאָעוויזע וואָיִוּבאַ ניאָענעוויזע אַזע יאָנע אַנְדֵרֵיאַי יִדֵּעֵדֵאַעִיאַ צאַיעאַ יִעִיאָאַפֿ
וּפֿון עאַאַדֵוִיזע יִאָדֵאַ אַ יִיאַי צאַיע עאַיאָ דאַן יִעאַוויזע יאָנע יאָדאָציאָאָעוויזע אַדאַענעוויזע אַ
עִיִוּבאַ וואָיִוּבאַ 300 וואָיעִיאַ אַ דאַעאַ וואָיִוּבאַ אַזענעוויזע יאָנע יאָדאָציאָעוויזע.*

Внутренний двор здания был празднично украшен. Присутствующие на церемонии малыши звенели подаренными в честь открытия школы колокольчиками. Маленькие барабанщики исполнили марш, вызвав восторг и умиление публики.

С речью к присутствующим обратился руководитель Департамента общественных связей ФЕОР Борух Горин: «Сегодня поистине торжественный день. В России существуют десятки еврейских школ, однако здания их были преобразованы из уже существующих. Мы открываем первое здание еврейской школы, построенное в России после революции 1917 года. На любых этапах развития еврейской общины самая главная ее задача – воспитание нового поколения. То, что нам кажется фантастическим и чудесным, им будет казаться обыденным, они будут жить в нормальной стране с нормальной еврейской общиной и нормальной еврейской общеобразовательной системой. И для того, чтобы это стало нормой, еврейская община России во главе с раввином Берлом Лазаром приложила очень много сил».

Главный раввин России поздравил собравшихся с еврейским Новым годом, поблагодарил главного спонсора школы Евгения Швидлера, выразив мнение, что его щедрый подарок непременно зачтется в Йом Кипур. «Это причина, чтобы Б-г дал нам хороший и сладкий год», – сказал раввин Лазар. Отдельно он отметил роль председателя правления ФЕОР Александра Бороды в строительстве этой школы.

«Сегодня важный день в еврейском календаре – 6 тишрей, – продолжил главный раввин России. – Это время раскаяния, время, когда мы просим у Б-га, чтобы Он простил нас. И еще это важный день по той причине, что сегодня – годовщина ухода из этого мира матери Ребе. Когда о ней говорили, всегда использовали слова из Талмуда – “счастлива его родившая”. Ведь она – мать лидера, принесшего огромные изменения в еврейский мир. Думаю, сегодня мы можем сказать то же самое о матерях наших спонсоров – г-на Швидлера, г-на Ойфа, г-на Давидовича, г-на Чигиринского, г-на Малкина. Это люди, которые своими действиями показали,

что их матери должны быть счастливы, ибо эти люди делают всё, чтобы наши дети выросли такими, как хотели их матери.

Уникальность этой школы не только в том, что здесь дают хорошее воспитание и хорошее образование, а также в том, что здесь смотрят на каждого ребенка в отдельности, здесь принят индивидуальный подход к каждому ребенку. Это напоминает мне историю о том, как однажды родители пришли к Ребе с жалобами на то, что один из их сыновей полностью отошел от еврейского образа жизни, хотя они воспитывали его так же, как всех остальных. “Проблема в том, что вы его воспитывали так же, как остальных, – ответил Ребе, – а для каждого ребенка нужен особый подход”. Пообещаем же сделать для каждого ребенка всё, что возможно. Пусть эта школа будет наполнена еврейским духом, чтобы все чувствовали его! Спасибо всем, кто помог это сделать. Удачи вам и благополучия во всем!»

Главный спонсор школы, Евгений Швидлер, скромно отказался произнести речь, сказав, что присоединяется к тому, что сказал главный раввин России. Затем слово было предоставлено председателю ФЕО СНГ Леви Леваеву, который поздравил всех собравшихся – и учеников, и родителей, а также спонсоров и гостей праздника, – а затем поделился воспоминаниями о Любавичском Ребе. Именно он 15 лет назад посоветовал Леви Леваеву вложить все свои силы в воспитание молодого поколения в России и республиках бывшего СНГ.

«Сегодня особенный день, – продолжил г-н Леваев. – Когда Всевышний давал евреям Тору, Он спросил: кто будет ее гарантом? Как только Он услышал: “Наши дети будут гарантами”, Он сразу сказал “да”. Ибо мы знаем: если нет продолжения в новом поколении, ничего не остается в жизни. Наши дети – основа существования еврейского народа. Если нет еврейского образования – нет будущего у нашего народа. И мы знаем: те 70–80 лет, в течение которых пытались уничтожить всё, что связано с религией, не смогли уничтожить заложенное нашими предками».

Затем г-ну Швидлеру был вручен символический позолоченный ключ от новой школы. Памятные подарки и грамоты получили и остальные гости праздника.

Председатель правления ФЕОР Александр Борода сказал: «Я уверен, что здесь на сто процентов будет исполнено всё то, о чем мечтали люди, построившие школу». Александр Борода также поблагодарил спонсоров и всех, кто имел отношение к строительству, в особенности раввина Мордехая Вайзберга. «Каждый

внес свою лепту, чтобы это здание стояло. Скоро оно наполнится детским смехом и радостью. Строительство школы – дело правильное, и всем, кто принимал в нем участие, Всевышний пошлет Свое благословение».

В честь открытия школы была исполнена молитва «Благословен Ты, Всевышний». Затем главный раввин России, председатель ФЕО СНГ и председатель правления ФЕОР, а также спонсоры строительства перерезали ленточку у входа в школу. Все с огромным удовольствием осмотрели светлое прекрасное здание. В актовом зале состоялся концерт, подготовленный учащимися еврейских школ Москвы.

А. Ааръаега

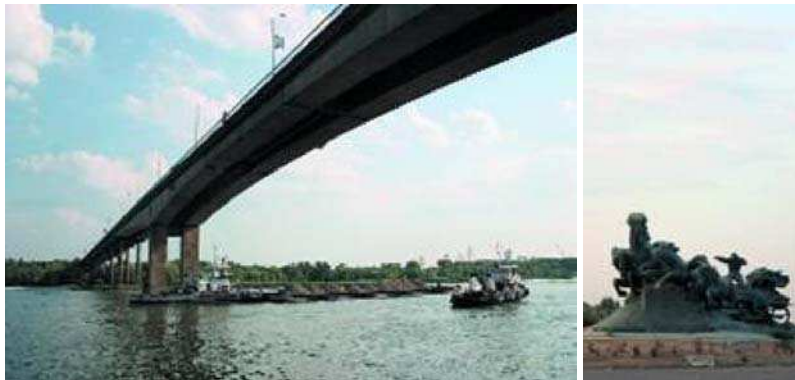
РОСТОВ ЕВРЕЙСКИЙ

*А דינוריא-יא-איו איווא איועו י ייא איווא ע ייע איווא יוי-וי צוואאעע. דאע יוי איוע איו
ע יאצואעע «דעעו», וי איו דינוריא-יא-יא ניויעע יא י יא איוו דאעיאוי יי ייוואעאיער. איו ע
דאיאוי יוואיעצאעע איויעע איויעעע איוואו דאעיוו דעדיאעע אעו עיעעו «י ד איוא» עיויע-איעא
צאיעא דאעיוו דעדיאעע נעיאא, נעיו יא-יוו נודיע דאעיוואי ייאא יאיעי ייא ואי דא... איועו
דינוריאעו איויעעו אעעו*

ניעאודיעו נעיאא

В городе Ростове-на-Дону есть знаменитые архитектурные памятники – например, здание Академического театра драмы имени Горького, построенное в виде трактора, или памятник тачанкеростовчанке (работа скульптора Е. Вучетича), несущей во весь опор по дороге на город Азов. Но есть у Ростова и памятные места, связанные с его еврейской историей.

Дату первого появления евреев на Дону точно установить трудно. При археологических раскопках в низовьях Дона, на месте античного города Танаис, форпоста Боспорского царства, на надгробных плитах, насчитывающих около 2 тыс. лет, были обнаружены несколько имен семитского происхождения. Очередной наплыв евреев в эти края, по свидетельствам специалистов, пришелся на средние века, расцвет Хазарского каганата. Документально засвидетельствовали «нашествие» евреев на Дон источники конца XVIII века. В 1796

году, во время V ревизии населения Российской империи, было установлено, что в крепости Дмитрия Ростовского проживает 7 мещан-евреев!

Наибольший приток евреев в эти области, входивших в ту пору в Екатеринославскую губернию, пришелся на XIX век (одесский историк А. Скальковский писал, что «Екатеринославская губерния – обетованная земля евреев»). И заслуги евреев – промышленников, финансистов, купцов, врачей, архитекторов, строителей, ремесленников – перед городом были весьма значительны. Об этом свидетельствует тот факт, что в конце 1880-х годов, при присоединении Ростова к Области Войска Донского (особой территории, где представители неправославных конфессий были весьма ограничены в правах, а жительство евреев вообще запрещено), ростовская Дума обратилась к императору Александру III с письмом следующего содержания:

«Городская Дума <...> сочла своим долгом обратить особое внимание правительства на такие подробности, от разрешения коих <...> зависит будущее нашего города. Город Ростов есть пункт исключительно торгового, промышленного и фабричного характера, и его население в этом отношении весьма отличается от населения области, к которой Ростов предполагается присоединить. Торговые и промышленные обороты города доходят до 150 000 000 рублей, а обороты банков, в нем действующих, до 60 000 000 рублей в год; в этих громадных оборотах принимают участие не одни русские, но также иностранцы и евреи. Выселение из Ростова 10 000 евреев, которым жительство может быть запрещено, имело бы весьма грустные последствия для города и его обывателей».

Ростов-на-Дону входил в черту постоянной еврейской оседлости. Согласно законам Российской империи, еврейские общины вправе были иметь «один молитвенный дом или молитвенную школу на 100 домов евреев и одну синагогу на 80 домов евреев».

Будем считать, что один «дом евреев» соответствует семье. Представляете, сколько, согласно тем законам, на сегодняшний день в Ростове могло быть синагог и молитвенных домов, если ныне здесь проживает около 30 тыс. евреев! Когда-то их было около десяти, не считая учебных, благотворительных и прочих еврейских организаций. Сегодня же в Ростове единственная действующая синагога – Солдатская, построенная в 1872 году и расположенная на углу улицы Тургеневской и Газетного переулка.

Специалисты-краеведы утверждают, что синагога названа Солдатской по имени «Солдатского еврейского молитвенного общества Ростова-на-Дону», образованного отставными солдатами-евреями в 1862 году. Однако ростовская молва гласит, что названа она так потому, что здесь пролегалa переправа через Дон, и по Газетному переулку на Кавказ шли солдаты, а иудеи по дороге заходили в синагогу...

О том, какая война развернулась за Солдатскую синагогу во времена новейшей истории, в начале 1990-х, лучше спросить у ростовского адвоката Владимира Лившица, отстоявшего ее в суде для еврейской общины. А о том, что с этим еврейским домом происходит сегодня, больше всех знает раввин Ростова-на-Дону Хаим Фридман. Хотя в этой должности он пребывает не очень давно, за прошедшие два с половиной года сделано немало. И планов у ростовского раввина громадье...

Раввин Хаим Фридман приехал в Ростов-на-Дону семь лет назад в ешиву «Томхей Тмимим», учился и работал там два года. А вернулся сюда в марте 2003 года – уже с женой Нехами и маленьким Йоси. «Ростов – сложный город, – говорит он. – Сначала было очень трудно. Сейчас, слава Б-гу, всё наладилось: хорошие отношения с руководством города, с властями – нам помогают, нас поддерживают».

Главная задача, считает р. Хаим Фридман, чтобы на Шабос в синагогу постоянно приходили 200–250 человек. Чтобы всю неделю шла работа с людьми, работали общинные программы, всевозможные клубы, уроки, курсы. «Здесь всё по-другому, чем в Израиле, – объясняет рав Хаим. – Если не будет общины, люди не будут знать, что они евреи. Когда они ходят в синагогу, на праздники, на мероприятия, они чувствуют, что у них здесь есть семья. Сначала их приглашают на Шабос. Люди приходят один раз, им нравится, они начинают приходить еще и еще, начинают читать книги, участвовать в жизни общины».

В настоящее время полным ходом идет реконструкция Солдатской синагоги: «Полгода назад мы решили начать ремонт и обратились к специалистам, чтобы они исследовали здание, сделали экспертизу. Выяснилось, что оно находится в аварийном состоянии – балки очень старые и крыша каждую секунду может рухнуть на голову. Поэтому пришлось закрыть синагогу, искать средства на ремонт. Синагога будет полностью реконструирована. Изумительная роспись потолка будет восстановлена – пять художников будут работать без перерыва в течение двух месяцев».

Аḡāḡ ḡḡāḡ ḡḡ ḡḡ ḡḡ ḡḡ ḡḡ ḡḡ

Параллельно с реконструкцией синагоги идет работа над строительством общинного центра (участок рядом с синагогой расчищен и ждет застройщиков). Новый общинный центр планируется открыть 1 января 2007 года.

В планах ростовского раввина – дальнейшее развитие общинных программ, коих и на текущий момент великое множество. Помимо школы «Ор Авнер» и детского сада «Светлячки», при общине функционируют воскресный детский клуб, интернет-кафе, библиотека, идиш-клуб. А также курсы иврита, английского, немецкого языков, многочисленные кружки для всех возрастов. Под руководством Нехами Фридман и Людмилы Мирошниковой работает женский клуб, в котором ростовские дамы собираются на свои заседания, отмечают праздники, приглашают визажиста, дизайнера, психолога, развлекают себя песнями, танцами, играми, учатся плести макраме.

Председатель ростовской общины Юрий Рубинов считает, что «у еврейской общины есть две замечательные традиции: первая – помогать малоимущим и пожилым, вторая – большое внимание уделять детям и молодежи». О пожилых печется сам Юрий Герсилович, а молодежь попала в крепкие руки Михаила Потапова, администратора ростовского отделения фонда «Ор Авнер». Он организует кошерное питание, следит за работой интернет-кафе и руководит молодежным клубом при ростовской общине. Клуб работает с марта 2003 года. Вначале создавался как студенческий, для молодых людей 17–22 лет. «Собираемся с ребятами на молодежные Шабосы, говорим об отдельных главах Торы, просто неформально общаемся», – рассказывает Михаил. Каждый месяц устраиваются молодежные вечеринки, посвященные либо празднику, либо какой-то определенной теме. На Шабос в синагогу обычно приходит 35–40 юношей и девушек, а на молодежную вечеринку в боулинг-центре пришли 430 человек! «У нашего клуба есть традиция: еврейские праздники праздновать отдельно – Пурим, Рош а-Шона... На Лаг ба-омер выезжаем на природу, на базу отдыха, на Суккос – строим сукко, зовем ушпизин...»

Όαηά Όρεήι -Αάδ

«Конечно, развлекаться приятно, но и учиться тоже надо», – считает Миша. Поэтому с сентября начали новую программу образовательного характера. В будущем Михаил планирует расширить возрастные рамки молодежного клуба – привлекать не только молодежь 17–22 лет, но и постарше, лет до 27–30, и помоложе – от 14 лет. В планах – грандиозный праздник для молодежи от 15 до 25 лет, еженедельная программа «Посиделки у камина». В чем ее суть? «Очень просто, – поясняет Миша. – Смотрим кинофильмы, обсуждаем, пьем чай, кофе. Еще мне нравится идея праздновать в общине дни рождения каждого: пригласить гостей, накрыть столы, сделать подарок от общины – “Мазл тов!”»

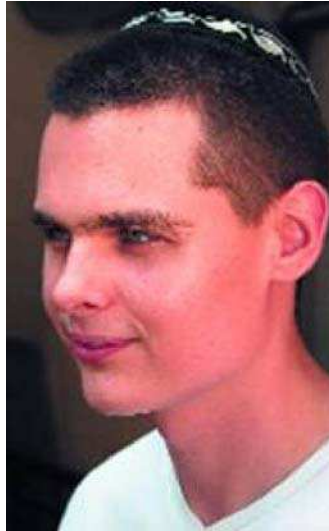
Молодежный клуб ростовской еврейской общины носит звучное имя: «Next». И, видя работу этого клуба, веришь: у еврейского поколения Next города Ростова – большое будущее!

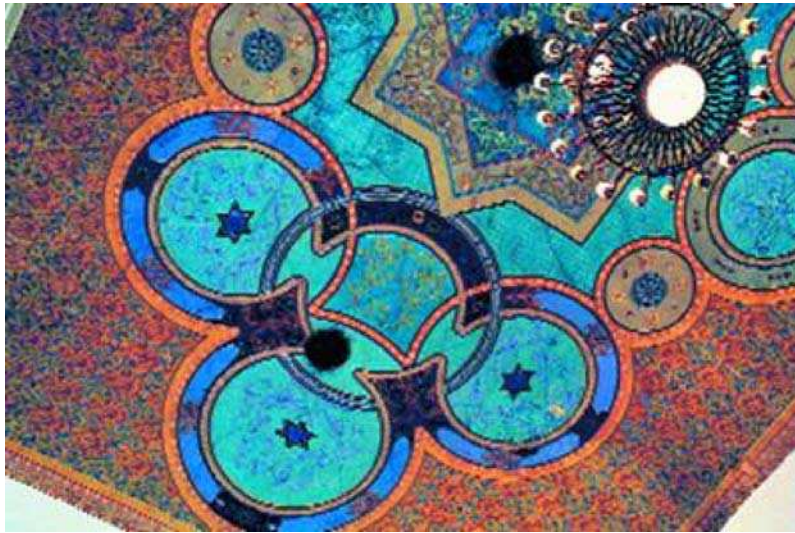
Είς όάκτω Νιέάαòηέίε ηείαάη αι όαίίί ηò όεέεε 2005 άάά

Ίδιότητα ο αείφι αείφι P. Δίκιότι

Ί. Ίροίτι

Ì réeèùú ùé çàé. Ìm'ènií'í'ò'í'èèà àí ðàé'í'í'ò'ðéééé 2005 ã'ãã

Ðààé'í' Õ. Õðéàí àí ñ'ñàí' ùáé.

È. Èàð'í'á'è'í'

содействие в ремонте и деятельности синагоги, так или иначе преследовались властями. С 1944 по 1960 год ростовским раввином был Ш.-М. Аронович. После его смерти в течение 30 лет раввина в синагоге не было.

ХАСИДЫ НА ДОНУ

Á eñòíðeé Ēbrááe-ñeíā āāeaeí eý Ðññóíā-íā-Áííó çáíeí āāó ññáíā í āñóí - ýòíó āñóā ññýçáí ñ eí āíāí ē óðāó ññeāíeó Ēbrááe-ñeéó Ðāāā Ñpāā, āíeí úe íāðāíe íeðíāíe āíeííe, eç Ī íāeāāíeíe āñāðíeé, ē eíðíðíe óíāā íðíñeéñí Ēbrááe-ē (íúíā - çāíāā Ñí íeāíñeíe íāeāñòe), í ðeāāāē í ýòúe Ðāāā Ðāoāā - Óíeñí-Áíāāāð Óíāāðñí. Çāññí ñ āðāí āí āí āúē eóíeāí āíí, ñòāāeé ē āñāú āíeí ē ðāñéþóeé í ðeāāeēúāí āeý ðāñeāíā, āāā eēē ē ðāíí óāē āā ññí Ēññó-Ēóóíe - Ðāāā Ðāýó. Ñpāā eç Áeāó āðeí ññeāā í ðeāāāē ē Ī āí āñāí -Ī āí āē Óíāāðñí, āāāóúeé ññññ íe Ēbrááe-ñeéé Ðāāā

В подвальном помещении этого доме по Братскому переулку была построена уникальная миква, устройство которой впоследствии стало образцом при строительстве других микв. Когда после развала СССР дом пятого Ребе вернулся к хасидам, начались поиски миквы, вход в которую, оказалось, был просто завален мусором. После расчистки завалов обнаружилось, что миква цела, а в бассейне после многих десятилетий сохранилась вода – чистая и абсолютно свежая... Сейчас в Доме Ребе расположилась ешива «Томхей Тмимим», в которую приезжают учиться юноши из многих стран мира.

Пятый Любавичский Ребе скончался в Ростове-на-Дону. Его могила на еврейском кладбище города является местом, священным для всех хасидов, здесь всегда белым-бело от пан (записок).

В Ростове-на-Дону хасиды появились в 1915 году, в первую мировую войну, когда из-за наступления немецких войск евреи были насильственно эвакуированы из прифронтовой полосы на Дон. Так здесь очутились пятый Любавичский Ребе Шолом-Довбер Шнеерсон (1860–1920) и его семья, а также ученики и последователи. Сначала они поселились в центре Ростова на ул. Пушкинской, 78 (теперь №38, кв. 5), а с 1918 года – в доме по Братскому переулку, 44 (ныне №42).

Ребе Рашаб родился в семье четвертого Любавичского Ребе 20 хешвана 5621 года (5 ноября 1860) в Любавичах. Он начал заниматься общественной деятельностью уже в 14 лет, а в 22 года стал преемником своего отца, пятым Любавичским Ребе. В 1895 году он организовал съезд общественных и религиозных деятелей в Ковно (Каунасе), а в 1897 году основал ешиву «Томхей Тмимим» («Опора чистых сердец»), отделения которой в наши дни существуют в разных странах. Он прилагал много усилий в борьбе за улучшение положения евреев в черте оседлости. Эту же позицию он отстаивал и в 1910 году, будучи членом VI раввинской комиссии в Петербурге. Им опубликованы десятки философских книг о проблемах иудаизма.

Любавичские Ребе бережно хранили рукописи сочинений всех представителей своей династии и священные книги хасидов. Еще в 1915 году, покидая Любавичи, Ребе Шолом-Довбер Шнеерсон сдал 35 ящиков с рукописями на хранение на склады Персица. Впоследствии они были конфискованы ВЧК. Несмотря на прилагавшиеся его сыном усилия, рукописи так и не были возвращены хасидам. Являясь огромной исторической и религиозной ценностью, эти рукописи, до сих пор не только не исследованные, но даже не описанные, служат предметом спора о праве собственности на них.

Ребе Рашаб скончался 2 нисана 5680 года (21 марта 1920) и был похоронен на Старом еврейском кладбище Ростова. В 1938 году, когда стало известно о предстоящей застройке территории этого кладбища, хасиды, верные его памяти, тайно перенесли тело Ребе (по свидетельству очевидцев, нетленное) на ныне существующее Новое еврейское кладбище. Над его могилой в юго-восточном углу кладбища, как над святыней, в 1990-х годах усилиями хасидов был возведен склеп (оэль), посетить который приезжают делегации евреев со всего мира.

Его сын Ребе Раяц – Йосеф-Ицхок Шнеерсон (1880–1950) родился 12 тамуза 5640 года (21 июня 1880) в Любавичах. Еще юношей, в 15 лет, он стал секретарем отца и его правой рукой, а в 18 лет уже руководил ешивой «Томхей Тмимим». Несмотря на начавшиеся преследования хасидов, после установления в 1920 году в Донской области советской власти он наладил связи практически со всеми еврейскими общинами страны, считая себя лидером всех евреев Советской России, которые, при поддержке хасидов, должны бороться за сохранение иудаизма и свои национальные права.

Наконец, с Ростовом-на-Дону неразрывно связано начало деятельности Ребе Менахема-Мендла Шнеерсона (1902–1994), сына екатеринославского раввина. К 1920 году, когда в Екатеринославе утвердилась советская власть, он уже окончил экстерном курс гимназии и владел несколькими языками.

В 1923 году Менахем-Мендл приехал в Ростов-на-Дону и здесь познакомился с р. Йосефом-Ицхоком Шнеерсоном и его семьей. Вскоре он стал ближайшим помощником Ребе и женихом его дочери Хаи-Мушки (1901–1988). За помощь в деле просвещения евреев Ребе Раяц называл его «мой министр просвещения». В 1924 году р. Менахем-Мендл Шнеерсон переехал вместе с шестым Любавичским Ребе в Ленинград, позднее вместе с ним уехал в Ригу, а затем в Варшаву. Там 27 ноября 1928 года он вступил в брак с Хаей-Мушкой. После смерти Ребе Раяца Менахем-Мендл Шнеерсон стал седьмым Любавичским Ребе – выдающимся еврейским религиозным лидером, получившим всемирное признание.

А. י. יאָוִיאַע, ע. פּאָדִיאַע

По мнению главы издательского дома, проект «Иудаика» интересен не только евреям, поскольку духовное наследие еврейского народа – это важная часть общероссийской культуры. «Этот пласт малоизучен и всё еще изобилует ложными представлениями, – говорит Леонид Вальдман. – Наша принципиальная цель – стимулировать обучение и расширять образовательные возможности людей любых национальностей и религиозной принадлежности. Мы живем в сложном обществе, среди людей разных культур. И книга, пожалуй, лучше всего может дать людям правдивую картину мира, приобщив их к духовному богатству других народов, зародив интерес к познанию того, что прежде человек считал для себя чуждым, непонятным и потому, может быть, отталкивающим».

У Леонида Вальдмана большие планы: «Мы продолжим издание серии “Еврейские герои”, интересной в первую очередь детям и подросткам. Будут и духовные путешествия в мир кабалы или, например, популярные диспуты между христианами и иудеями о взглядах на мироздание, изданные огромными тиражами за рубежом. Очень хочется издать Тору с хорошими комментариями, актуальными для русскоязычного читателя; переиздать всего Шолом-Алейхема», – делится Леонид Ефимович.

Понятно, такие проекты не носят коммерческого характера – затраты на издание реализацией книг не окупаются. Но ростовские издатели рассчитывают на поддержку проекта со стороны еврейских организаций и надеются, что тема иудаики всегда будет востребована, дополняя культуру народов России и возвращая тысячи евреев к своим корням.

È. Øääöi äí

ЗА ГРАНЬЮ ПСИХОАНАЛИЗА

В последние годы Ростов-на-Дону регулярно становится местом проведения международных симпозиумов и семинаров по проблемам психоанализа. Сюда приезжают психологи и психотерапевты, ученые-теоретики и практики. В первый же день они идут в Змиевскую балку, где погребены почти 30 тысяч жертв Холокоста, среди которых – выдающаяся женщина, психоаналитик Сабина Шпильрейн.

Жизнь Сабины Шпильрейн оказалась сложной и полной терний. И не только жизнь, но и посмертная судьба ее научной работы – более 60 лет ее имя было предано забвению! Лишь несколько лет назад, после того как в подвале женевского дворца Вильсон, где раньше располагался Институт психологии, были найдены ее дневник и неизвестная переписка между Фрейдом, Юнгом и Шпильрейн, о ней вспомнили и заговорили. До сих пор, наверное, нет ни одной достоверной фотографии Сабины, мало документально подтвержденных сведений о ее жизни. Но первые 19 и последние 20 лет жизни этой женщины, ученой с мировым именем, связаны с Ростовом-на-Дону.

Сабина Нафтуловна (Николаевна) Шпильрейн-Шефтель родилась в 1885 году в Ростове. Ее отец Нафтула Шпильрейн был удачливым предпринимателем, поэтому семья была обеспеченной, вела светский образ жизни. Мать Ева Люблинская работала стоматологом и владела собственным трехэтажным доходным домом в центре Ростова, на улице Пушкинской. Среди предков по материнской линии в роду Шпильрейн было немало известных и уважаемых раввинов. По традиции богатых и образованных еврейских семей Сабина получила блестящее образование.

Окончив в 1904 году с золотой медалью ростовскую Екатерининскую женскую гимназию, 19-летняя Сабина должна была продолжить занятия медициной в Цюрихе. Но у девушки обнаруживается психическое расстройство, и она становится первой пациенткой молодого психоаналитика Юнга.

В результате Сабина всё-таки получила медицинское образование. В возрасте 26 лет ей была присвоена степень доктора медицины за написанную вместе с Юнгом работу «О психологическом содержании одного случая шизофрении». Исследование было посвящено описанию ее собственного медицинского случая...

Научные заслуги Сабины Шпильрейн – доктора медицины, члена Венского, Швейцарского и Русского психоаналитических обществ, ученицы Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, с которыми ее связывали глубокие личные отношения, – в том, что она, задолго до Фрейда и Фромма, выявила глубинные истоки человеческой деструктивности, успешно реализовала попытку интеграции в психологии альтернативных течений научной мысли. В 1923 году в Москве, устраиваясь на работу в Государственный психоаналитический институт и заполняя анкету, кроме стандартных вопросов и более-менее стандартных ответов Сабиной сделаны две собственноручные приписки: «В психоаналитическом институте считала бы необходимым лично наблюдать детей, чтобы беседы с руководительницами не сводились к чисто теоретическим рассуждениям и “платоническим” советам заочно»; «Работаю с наслаждением, считая себя рожденной, “призванной” как бы для моей деятельности, без которой не вижу в жизни никакого смысла».

Однако если научная деятельность Сабины Шпильрейн проходила в основном в Цюрихе, Женеве, Вене, Берлине, Мюнхене, Москве, ее семейная жизнь всё-таки была связана с Ростовом. 1 июня 1912 года в ростовской синагоге состоялся обряд бракосочетания между Сабиной Шпильрейн и врачом-педиатром Файвелом Шефтелем. У них рождаются две дочери – Рената и Ева, обе удивительно одаренные музыкально. Но жизнь семьи складывается трагически.

В застенках НКВД гибнут три брата Сабины: Ян – электротехник, член-корреспондент АН СССР, Исаак – психолог, профессор, основавший и возглавивший Психотехническое общество СССР, и Эмиль – биолог, доцент, декан биологического факультета Ростовского университета. В 1937 году умирает от инфаркта муж Сабины Файвел. Скончался, не перенеся смерти близких, любимый отец. В последние десятилетия жизни Сабина Шпильрейн оказалась сломленной, жила очень бедно.

В ноябре 1941 года, во время первой оккупации Ростова-на-Дону фашистскими войсками, Сабина имела возможность эвакуироваться. Но не сделала этого. Она была уверена, что Германия – страна высокой культуры и передовых научных идей – не способна породить такое психическое уродство, как готовность истреблять себе подобных без причины и повода.

В июле 1942 года во время боев за Ростов дом, в котором жила семья Шпильрейн, сгорел. Пришлось перебраться в один из пустующих домов по соседству. Он оказался совсем рядом с одним из печально известных «Сборных пунктов для еврейского населения»... 11 августа 1942 года Сабина Шпильрейн и обе ее дочери, Рената и Ева, были расстреляны вместе со многими тысячами ростовчан в Змиевской балке.

«Посреди большого поля вырастите дуб и напишите: я тоже однажды была существом мыслящим и страдающим, меня звали Сабина Шпильрейн...»

Так изложила она свою последнюю волю в одной из дневниковых записей. Несколько лет назад по инициативе Ростовской психоаналитической ассоциации ее воля была исполнена. На территории мемориала «Змиевская балка», где захоронены тысячи евреев – жертв нацизма, посажены молодые дубки и установлена мемориальная доска. И каждый раз коллеги Сабины Шпильрейн – психоаналитики, приезжающие в Ростов на научные форумы, – приходят сюда, к месту скорби и памяти. Чтобы не доверяться причудливым извивам подсознания, а увидеть глазами и запомнить сердцем.

È. Èàdì'áí éí,

Á. Ì ìàòíàè±,

È. Óààdòì áí

РЕДАКЦИЯ: ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ НОЯБРЯ

1 НОЯБРЯ

60 лет со дня рождения кавалера «Медали Славы» (высшей воинской награды США) **Джона Левитова** (Levitow; 1945–2000, Хартфорд, США).

3 НОЯБРЯ

180 лет со дня рождения издателя, книгопродавца, типографа, выпускавшего научную, детскую и художественную литературу (в том числе переводную), журналы «Вокруг света», «Задуманное слово» и др., основателя «Товарищества М. О. Вольф» (существовало до 1918) **Маврикия Осиповича Вольфа** (1825, Варшава – 1883, Петербург).

110 éàò ìí àíÿ ðíæááíèÿ кавалера «Креста Виктории» (высшей воинской награды Великобритании) **Éáíí áðáá Èæçí ðà** (Keyzor; 1895–1951, Лондон).

4 НОЯБРЯ

80 éàò ìí àíÿ ðíæááíèÿ биофизика, члена АН Израиля и Польши, профессора Калифорнийского университета и Научно-исследовательского института им. Вейцмана, автора работ в области молекулярных основ строения клеточной стенки бактерий **Натана Шарона** (Sharon; р. 1925, Брест).

5 НОЯБРЯ

155 éàò ìí àíÿ ìí áðèè (3 хешвана) общественного деятеля, основателя ружинско-садагорского направления хасидизма, автора труда «Ирин Кадииш» («Святые места») **ðáááè Èííÿÿèà Óðèáí áíà** (Ружинский цадик, מורו ז'ין ישראל, 1797, Погребнице Киевской губ. – 1850, Садагора, Австрия).

6 НОЯБРЯ

90 *éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ* экономиста, члена Британской академии, профессора Лондонской школы экономики, автора работ в области экономик стран «третьего мира» **Í èò ààà ðíí àíà Áàóÿðà** (Baier; 1915, Будапешт – 2002, Лондон).

65 *éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ* кинорежиссера, поставившей фильмы «Суета сует», «Будьте моим мужем...», «Ищите женщину», «Человек с бульвара Капуцинов», «Две стрелы», «Чокнутые», «Московские каникулы», «Дети понедельника», «Хочу в тюрьму» и др., **Áèèù Èèùé-íù (Èíàèíáíù) Ñòðèéíé** (р. 1940, Киев).

9 НОЯБРЯ

100 *éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ* математика, члена Национальной АН США, АН Бразилии и Аргентины, профессора Чикагского университета, автора работ в области алгебраической геометрии **Áàðèáí à Áèííàðà** (Albert; 1905–1972, Чикаго).

11 НОЯБРЯ

75 *éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ* физика и электроинженера, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, директора Управления по разработке политики в области науки и техники США, автора работ в области электронного строения твердых тел, лауреата Национальной научной медали США **Í èèðàà Áðííéÿðààí** (Dresselhaus; р. 1930, Нью-Йорк).

210 *éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ* терапевта, одного из основоположников невропатологии, профессора Берлинского университета, автора фундаментального учебника по нервным болезням **Í íðèÿà Ááí ðèòà ðíí áàðàà** (Romberg; 1795, Мейнинген, Саксония – 1873, Берлин).

13 НОЯБРЯ

65 éàò ì áíý ðíæááíéý логика и философа, представителя аналитической философии, члена Американской академии искусств и наук, Британской академии, профессора Принстонского университета, автора работ в области логической семантики, в т. ч. семантики возможных миров, **Νάσαλ Κρίπκε** (Kripke; p. 1940, Омаха, США).

14 НОЯБРЯ

95 éàò ì áíý ðíæááíéý биохимика и физиолога растений, члена Национальной АН США, Королевской АН Швеции, Леопольдины, профессора Калифорнийского университета, автора работ в области фотосинтеза **Άρνων Άβρον** (Arnon; 1910, Варшава – 1994 Беркли, США).

95 éàò ì áíý ðíæááíéý историка, автора работ в области религии и сектантства в России, лауреата Государственной премии СССР **Βορίς Άβρουνίν** (1910, Борисов Минской губ. – 1994, Москва).

30 éàò ì áíý ðíæááíéý бегуньи, обладательницы золотой олимпийской медали 2000 года **Άσάβου Νάσι** (Szabo; p. 1975, Бистрица, Румыния).

65 лет со дня рождения экономиста, члена Национальной АН США, президента Чикагского университета, профессора Принстонского, Станфордского и др. университетов, автора работ в области математической экономики **Хьюго Зоненшайна** (Sonnenschein; p. 1940, Нью-Йорк).

18 НОЯБРЯ

75 *éàò ìí áíÿ ðíæääíéÿ* востоковеда, лингвиста, специалиста по сравнительно-историческому языкознанию, одного из основоположников ностратики – гипотезы о родстве языковых семей, профессора Хайфского университета, автора работ в области кушитских и семито-хамитских языков ***Áðííà Áíðèííæ:-à Áíéáííéííéíá*** (р. 1930, Москва).

21 НОЯБРЯ

55 *éàò ìí áíÿ ðíæääíéÿ* фигуриста, чемпиона мира 1978 года, обладателя золотой олимпийской медали 1980 года ***Ááííáäèÿ Í èðáééííæ:-à Éáðííííííá*** (р. 1950, Москва).

22 НОЯБРЯ

145 *éàò ìí áíÿ ðíæääíéÿ (20 óáðáíá)* общественного деятеля, пятого Любавичского Ребе, основателя системы ешив «Томхей тмимим», автора труда «Тойрас Шолойм» («Учение мира») рабби Шолома-Довбера Шнеерсона (**רש"ב**, Раишб; 1860, Любавичи Могилевской губ. – 1920, Ростов-на-Дону).

26 НОЯБРЯ

80 *éàò ìí áíÿ ðíæääíéÿ* пианиста, художественного руководителя «Кеннеди-центра» в Вашингтоне ***Рáæéíà (Áááíéÿ) Éíðíí éíá*** (Istomin; 1925, Нью-Йорк – 2003, Вашингтон).

В 1941 году Львов был оккупирован немецкими войсками.

Это стало поворотной точкой в судьбе 32-летнего архитектора. Визенталь и его жена каким-то чудом избежали немедленной казни, но были отправлены в концентрационный лагерь Яновский, находившийся на окраине города.

Будучи связанным с действовавшим на Львовщине польским подпольем, Визенталь смог выправить для жены фальшивые документы, по которым она стала полькой, и в 1942 году ей удалось бежать из Яновского. Сам он бежал лишь год спустя. В июне 1944 его поймали и снова отправили в Яновский. А осенью заключенных этого лагеря через Пласцов, Гросс-Розен и Бухенвальд погнали в Маутхаузен. Визенталь был среди немногих выживших. 5 мая 1945 года американская союзническая армия освободила заключенных Маутхаузена.

После войны Визенталь снова встретился с женой Цилей, выжившей благодаря фальшивым документам, – она умерла лишь в ноябре 2003 года. Некоторое время он собирал свидетельства о зверствах нацистов для американской военной администрации, занимавшейся поиском военных преступников на территории Австрии. Потом служил в Управлении стратегических служб и контрразведке.

В 1947-м он открыл в Линце Еврейский центр исторической документации, просуществовавший до 1954 года. Его архивы затем были переданы в Израиль, в «Яд ва-Шем» – музей и архив Холокоста.

В 1967 году вышла самая известная книга Симона Визенталя «Убийцы среди нас», а в ноябре 1977 года в Вене им был организован правозащитный центр, сегодня представляющий собой международную правозащитную организацию, которая носит его имя и имеет отделения по всему миру – в США, Аргентине, Израиле и многих европейских странах. В картотеке Центра Визенталя хранятся досье на двадцать две с половиной тысячи уцелевших нацистских преступников.

Два года назад Симон Визенталь оставил работу в Центре своим преемникам и ушел на покой. «Я пережил их всех, – сказал он. – Если еще кто-то и остался в живых, то они слишком старые и больные, чтобы предстать перед судом. Моя работа завершена».

І а́нѣі А́аѣа́і е́і

еще никто никогда не видел, а на телевидении было где развернуться: уже следующий, 1994-й год принес Семену Михайловичу награду Союза дизайнеров и компьютерных графиков, а еще год спустя он получил Гран-при за «лучший дизайн года» – графическую идентификацию НТВ. С сентября 1995 года Левин стал художественным директором этого телеканала.

Семен Левин навсегда вошел в историю российского телевизионного дизайна как первый художник, от начала и до конца разработавший и реализовавший оформление единого информационного пространства телевизионного канала. Благодаря Левину ранее ничем не занятое время между телепрограммами несет теперь определенную смысловую и эстетическую нагрузку. А его «зеленый шар НТВ» стал одним из самых узнаваемых символов новой России.

В 2001 году мэтр стал одним из организаторов компании «Телеателье», которая в самые короткие сроки разработала стили телевизионных каналов ТВ6 и ТВС и оформление информационно-аналитического блока РТР. В 2002 году пятнадцать работ Семена Левина были отмечены наградами на престижных конкурсах, проводимых в США: OMNI Intermedia Award и AXIEM AWARDS.

Основанная Левиным компания SL-Studio стала первой российской теледизайнерской студией, которая профессионально занимается разработкой спецэффектов для нашего кинематографа.

Гарри Аарвэйер

ЮРИЙ ЗАПОЛЬ: ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Иinea oyaeie idatexeoaeuie atexie 12 iai oyady a Ineaa iei-aeiy Pdee I ebaeetae: Caiieu - ecaidoue aeci an ai, aeoa idaxai o AEAD, idaxai o adiiu eii iatie «Aeaa Eioadiaoie», iiii iadai e idaxai o Dnieeie aeaa e deei u. I iieie ia aa ioeoeaii i i adieiai i iioaeie i iia aeai ua iieoe-aae aaydae e iai ua i iadai adai ua idai adae oae dnieeieo i aii i aea I ioidii u idioe 16 iai oyady.

Ему едва исполнилось 49 лет. Он был талантливым, ярким и успешным человеком, блестящим профессионалом. Его знали все, и со всеми он был в дружеских отношениях. Конкуренты всегда отзывались о нем очень уважительно, как о человеке слова. С его уходом, по словам Сергея Лисовского, время дружеской конкуренции закончилось. О болезни Заполя коллеги знали уже около полугода, но известие о его кончине явилось для всех полной неожиданностью – предполагалось, что по завершении курса послеоперационной реабилитации Юрий Михайлович вернется к своей работе. Не получилось.

По биографии Юрия Заполя можно было бы писать курс лекций на тему: «Становление и развитие российской медиа-индустрии». Он родился в Москве 22 августа 1956 года. В школе сидел за одной партой с Егором Гайдаром. Окончил Московский инженерно-строительный институт по специальности «промышленное и гражданское строительство», по распределению попал в ЦНИИ промышленных зданий, где проработал около десяти лет и сделал карьеру от рядового инженера до старшего научного сотрудника. Но строительство не стало его стезей.

Еще в МИСИ Заполь начал играть в КВН, оказавшись в одной команде с Леонидом Якубовичем, Александром Акоповым, Андреем Кнышевым и Александром Гуревичем. Администратором этой команды был нынешний советник президента России Михаил Лесин. Между прочим, свои успехи в бизнесе Юрий Михайлович связывал с игрой в КВН: «КВН дал мне партнеров, коллег, – вспоминал он. – Но прежде всего КВН дал мне реакцию».

В 1985 году Заполь впервые попробовал себя в зарождавшемся тогда российском бизнесе, организовав один из первых в Москве видеосалонов. Спустя четыре года он уже занимал кресло председателя правления компании «Интеллекс», преемника кооператива «Игротехника», созданного в конце 1980-х бывшими товарищами по КВН и занимавшегося телевизионным КВНом на коммерческих условиях. В 1991 году ему предложили место генерального директора МП «РТВ». Потом были шесть лет руководства АОЗТ Video International, и, наконец, с 1998 года Юрий Михайлович являлся бессменным президентом группы компаний «Видео Интернешнл».

В начале 1990-х годов рекламного бизнеса в России не было в принципе и компании пришлось довольно туго. Поначалу Video International просто снимала рекламные ролики. На ее счету рекламные кампании торговых домов «Сэлдом» и «Телемаркет».

Звездный час Юрия Заполя наступил, когда в 1994 году фирма заключила договор с ВГТРК. С этого момента началось тесное сотрудничество компании с Кремлем. В 1995 году они снимали предвыборные рекламные ролики движения «Наш дом – Россия», а в 1996-м выпустили серию агитационных клипов «Верю. Люблю. Надеюсь» и «Спаси и сохрани».

После банкротства своего главного конкурента Premier SV в результате дефолта 1998 года бизнес группы компаний «Видео Интернешнл» резко пошел в гору. За пять последних лет годовой оборот вырос в три раза – с пятисот миллионов долларов до полутора миллиардов. Сейчас «Видео Интернешнл» контролирует продажу рекламного пространства трех крупнейших телеканалов, на долю которых приходится более 60% всех доходов российского телевидения.

Память, математические способности, хладнокровность и порядочность – пожалуй, это достаточно емкая характеристика Юрия Заполя. Он вел жесткий бизнес, никогда не скрывал этого и всегда добивался намеченной цели. Переговоры «Видео Интернешнл» с большинством топ-клиентов заканчивались именно в его кабинете. И обычно заканчивались положительно.

Во многом благодаря работе Юрия Михайловича Заполя ГК «Видео Интернешнл» превратилась в одного из крупнейших игроков на мировом рекламном рынке – первые в современной отечественной истории высшие призы Международного каннского фестиваля рекламы – «серебряный» и «бронзовый» «львы» – были получены именно ими.

Он был одним из главных инициаторов создания Ассоциации рекламных агентств России (теперь АКАР), всегда интересовался ежедневной жизнью российского рекламного бизнеса, с энтузиазмом относился к любым ее проявлениям – будь то обсуждение нового законопроекта или дружеский футбольный матч с конкурентами.

Но его интересовал не только бизнес. Много лет подряд Юрий Михайлович был одним из самых добрых друзей московской еврейской общины, всегда принимал живейшее участие в ее жизни и постоянно способствовал размещению рекламы общины в различных средствах массовой информации.

יורי זאפולאי

ЮРИЙ АЙЗЕНШПИС: ПРОФЕССИОНАЛ

Вечером 20 сентября от инфаркта миокарда умер российский музыкальный продюсер и патриарх отечественного шоу-бизнеса Юрий Шмильевич Айзеншпис. Церемония прощания с ним состоялась 23 сентября в Доме кино, после чего он был похоронен на Домодедовском кладбище, рядом со своими родителями. Два месяца назад ему исполнилось 60 лет.

За день до смерти Юрий Шмильевич перенес сердечный приступ и был госпитализирован в 20-ю московскую городскую больницу. Там, почувствовав себя лучше, он уговорил врачей выписать его в тот же день – ждал церемонии MTV RMA'2005, где в пяти номинациях был выдвинут его последний подопечный Дима Билан. Она была назначена на 21 сентября, а 20-го вечером Айзеншпису снова стало плохо и он опять попал в больницу, где в 19:50 врачи констатировали остановку сердца.

На гражданской панихиде в Доме кино собрались все, кому пришлось когда-либо работать или общаться с Юрием Шмильевичем. Было сказано множество теплых слов, после чего траурная процессия направилась на кладбище. Точное место организаторы похорон до последнего момента держали в секрете – не хотели, чтобы на церемонии появились случайные люди.

Юрий Айзеншпис родился 15 июля 1945 года в Москве. Окончил Московский экономико-статистический институт по специальности «инженер-экономист». Однако профессиональную деятельность начал в качестве администратора группы «Сокол» – одной из первых рок-групп в стране. На ее концертах Айзеншпис впервые в истории советской сцены привлек к работе людей, обеспечивавших порядок в зале во время выступления.

В январе 1970 года Юрия Айзеншписа арестовали и судили по 88-й статье УК СССР (золото и валютные операции). При обыске у него дома обнаружили 15 585 рублей и 7675 долларов США – по тем временам сумма более чем серьезная. Из тюрьмы он вышел только 17 лет спустя. Потом, правда, получил бумагу с официальными извинениями. Но разве можно вычеркнуть из жизни человека 17 лет? Многие, оказавшись в подобной ситуации, озлобились бы, Айзеншпис просто начал всё сначала.

Некоторое время он работал в творческом объединении «Галерея», занимаясь организацией концертов молодых музыкантов.

В 1989 году продюсер познакомился с Виктором Цоем, только что выпустившим альбом «Звезда по имени Солнце». Вскоре началась их совместная работа. И хотя о деятельности Айзеншписа в качестве продюсера группы «Кино» бытуют весьма противоречивые мнения, при нем группа, к тому времени уже достаточно хорошо известная в стране, приобрела статус культовой. За несколько месяцев «Кино» стала настолько популярной, что смогла собрать семьдесят тысяч зрителей в «Лужниках». В 1990 году продюсер, в обход государственной монополии, выпустил на взятые в кредит деньги последнюю работу «Кино» – «Черный альбом».

«Кино» сменила «Технология» – этот проект Юрия Шмильевича доказал, что «раскрутить» можно и ребят с весьма средними музыкальными способностями: два года их песни были бешено популярными. В 1992 году заслуги продюсера наконец были по достоинству оценены – он стал лауреатом премии «Овация» в номинации «лучший продюсер». Вторую «Овацию» Айзеншпис получил в 1995 году.

После «Технологии» год он работал с группами «Моральный кодекс» и «Янг ганз». А с 1994 года начал сотрудничество с Владом Сташевским, чей дебютный альбом был выпущен под лейблом Aisenshpis Records.

Потом были еще музыканты – люди разного таланта и значимости. В последние годы самыми известными проектами маэстро стали Дима Билан и группа «Динамит», которые сейчас так же осиротели, как и двухлетний сын продюсера Миша.

Юрий Айзеншпис в совершенстве владел всеми техническими приемами, которые присутствуют в арсенале любого промоутера. Он был профессионалом высочайшего класса – тонко чувствовал преобладающие

в народе музыкальные предпочтения, умел и грамотно тратить деньги, и «строить» исполнителей, и более чем жестко работать с прессой.

В скором времени нам предстоит еще одна встреча с Юрием Шмилевичем, теперь уже на киноэкране: недавно он снялся в небольшой роли в «Ночном дозоре-2».

Уход этого человека-легенды, несомненно, отразится на состоянии отечественного шоу-бизнеса. Не может не отразиться. Потому что хороших продюсеров у нас в стране не так много. А профессионалов высшего класса, каким был Юрий Айзеншпис, – и подавно.

Юрий Айзеншпис

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ НОЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Аיא דאס י «אידען פֿען די אַרעאָנען»

Уважаемая редакция! В журнале «Лехаим» № 8 (160) была опубликована запись встречи с Ф. Разумовским, автором цикла телепередач «Еврейский вопрос – русский ответ».

На этой встрече в МЕОЦе г-н Разумовский коснулся темы кишиневского погрома 1903 года: «Мы должны понять, что в еврейской жизни могло спровоцировать эти события... Например, так называемая ссыпка хлеба в южных губерниях. Покупка зерна у крестьян и последующая его продажа в городах находились в еврейских руках». Правда, подчеркнул г-н Разумовский, ни один хлеботорговец в Кишиневе не пострадал, и вообще, «русскому православному человеку должно быть стыдно» за погром.

Зададим, однако, простой вопрос: а если бы все те евреи, которых в течение двух дней в Кишиневе выбрасывали из трамваев на растерзание толпы, кому выкалывали глаза, отрезали руки, вспарывали животы, заколачивали гвозди в голову, были сплошь хлеботорговцами, их женами, детьми, родителями, – что, тогда стыд русских православных людей мог бы быть меньше? Ведь можно сколько угодно рассуждать об особенностях российского хлебного дела и о вовлеченности в него евреев, но делать это в передаче о погроме – в нравственном смысле означает отворачиваться от жертв и поворачиваться к их убийцам.

Возможно, таков «русский ответ» г-на Разумовского, однако ничто не обязывает нас его принять. Тем более что нового в нем для евреев ничего нет. За любой попыткой «рационального» объяснения погромов (Холокоста, хмельничны и т. д.) всегда стоит смещение акцентов, стремление найти какие-либо «провоцирующие моменты» в самой жизни евреев. К чему может привести такой «научный поиск», хорошо известно: «Не теряйте надежды – однажды звери окажутся людьми. И не понесут ответственности за зверства» (С. Е. Лец).

Когда односельчане Тевье-молочника пришли громить всю его «худобу», они не стали выяснять, какая доля молочной торговли в Касриловке находилась в «еврейских руках» Тевье: «Во всех других местах ваших бьют, как же нам тебя обойти?.. Ты хоть и жид, но человек неплохой. Да только одно другого не касается, бить тебя надо». Конечно, далеко не все погромщики высказывались столь бесхитростно. Тем более что рядом всегда находятся люди гораздо более культурные, образованные, с университетскими дипломами, которые «строго научно» объяснят, что именно могло «спровоцировать» недавних мирных соседей на зверские убийства своих сограждан: отравленные колодцы, замученные христианские младенцы, ссыпка хлеба в южных губерниях...

А. Гора

דין די אַרעאָנען

Сіодзіей і ай йоді і даааіі еаа

Мне 88 лет, я инвалид I группы. История моя такова.

К началу революции 1917 года моя семья проживала в черте оседлости, в Белоруссии, в местечке Наровль Мозырского уезда Минской губернии. Население местечка составляли белорусы, русские, евреи, поляки. Во время Гражданской войны в наших местах орудовали банды, грабившие население, устраивавшие еврейские погромы. Кроме набегов этих бандитов жители пережили и нашествие белополяков, приход которых вначале не предвещал еврейского погрома...

С приходом в местечко очередной банды начинались мародерство, грабеж населения и резня «инородцев», в данном случае евреев, которые «всегда и во всем виноваты». Власть менялась с калейдоскопической быстротой. Всё это я знаю по рассказам моих родителей; мне в то время был один год от роду.

В один из таких набегов главарь банды приказал, чтобы все христиане выставили в окнах иконы и предупредил, что за укрывательство евреев вся семья будет расстреляна.

К нам пришел сосед-белорус по фамилии Лабуда и сказал, что спрячет всю нашу семью. Мою мать он предложил выдать за сестру своей жены, меня с пятилетней сестрой – за своих детей (у него было собственных двое), а бабушку – за глухонемую тещу. Отца моего хозяин спрятал в сарае на сеновале. В окно была выставлена икона. Бандиты обходили дома. Доносились выстрелы, крики. Во многих домах были расстреляны целые еврейские семьи и хозяева, прятавшие их... В дом Лабуды бандиты пришли уже опьяненные кровью и безнаказанностью. На вопрос, не прячет ли он жидов, хозяин ответил отрицательно. О членах своей семьи он рассказал так, как заранее было договорено, а на вопрос, не прячет ли он кого на сеновале, ответил внешне спокойно: «Можете сами проверить». Они поверили и ушли. Так мы были спасены этими благородными и мужественными людьми. Вернулись домой. Всё разграблено, а что невозможно было унести – вдребезги разбито...

Второй раз, при налете другой банды, нашу семью спасла, и тоже с риском для жизни, семья Смольских – поляков, жителей Наровли.

Помню только, что одну из дочерей Лабуды звали Нина (примерно моя ровесница) и жили они рядом с нами, на центральной улице местечка. А сына Смольского звали Слава, он учился в школе вместе с моей старшей сестрой, и жили они вблизи русского кладбища. Мои родители всю жизнь были им благодарны и нам, детям, завещали помнить о своих спасителях.

Судьба разбросала всех нас. Но я очень надеюсь, что кто-нибудь из потомков Лабуды и Смольского откликнется, прочитав мое письмо в журнале, и сообщит о себе. В их лице я хочу низко поклониться памяти их предков, спасших нас. Жизнью мы обязаны этим Праведникам, их честности и бесстрашию.

О. Ёгоёё

Ёагаіі

ЖИТЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Ī ĪBĀDŪNĒĪ Ī NĒĪĀĪ ĀĒĀĀĪ ĪĀĪ DĀĀĀĒĪ Ā DĪŅŅĒĒ

Всем известен Альфред Нобель – человек, который учредил Нобелевскую премию. Уж евреям-то он точно известен – достаточно вспомнить, сколько наш народ дал миру Нобелевских лауреатов. Но далеко не все знают, что Нобель разбогател на изобретении динамита и в то время ни о каких премиях не помышлял. Однажды умер его брат, а газетчики перепутали двух Нобелей и напечатали некрологи на Альфреда. Богатый промышленник получил редкую возможность – узнать, что люди будут говорить о нем после смерти. Строки некрологов его не обрадовали: газеты писали о том, что скончался человек, работа которого позволила убивать на порядок больше людей, чем в войнах прошлого. Тогда Альфреду Нобелю пришла в голову идея учредить ежегодную премию ученым, писателям и миротворцам: чтобы его имя упоминалось не в контексте войн и массовых убийств, а в одном ряду с выдающимися деятелями человечества.

В жизни каждого человека обязательно настанет момент, когда ему стоит подумать: что останется в этом мире после него? Что вспомнят о нем люди, когда сам он предстанет пред ликом Всевышнего? Конечно, случай с Альфредом Нобелем уникален, но, думается, каждому понятно, чего о нем в некрологе точно не напишут. Не напишут, что покойный хорошо одевался, что у него был просторный дом или что 24 часа в сутки он работал и потому не имел времени заняться семьей и детьми.

То, что после нас действительно остается, – это выполненные нами заповеди. Это добрые дела, которые мы совершили при жизни, это помощь, которую мы успели оказать ближним. Чтобы оставить по себе добрую память, надо быть хорошим мужем, заботливым отцом, чтить своих родителей, помогать своей общине – словом, делать то, что нам заповедано в Торе. Больше всего и лучше всего помнят не тех, кто был самыми богатыми или даже самыми удачливыми, а тех, кто своими делами изменил в лучшую сторону жизнь других людей.

В этой связи вспоминается история известного филантропа XIX столетия сэра Мозеса Монтефиоре. Как-то раз журналисты спросили его: «Сколько вы стоите?» – имея в виду, конечно, размеры его состояния. Тот назвал сумму – значительную, но намного меньшую, чем стоимость принадлежащих ему акций и недвижимости. «Почему вы даете такую скромную оценку вашего состояния?» – удивились журналисты. Тут в свою очередь удивился сэр Монтефиоре: «Я отвечал не на вопрос о том, что мне принадлежит, а о том, сколько я стою. Наша стоимость – это то, что мы отдаем другим, поэтому я назвал сумму, которую отдал на благотворительные цели».

Добрые дела, которые мы совершаем в этом мире, заповеди, которые мы выполняем, – это не только «вложение» в других людей. Это также – а может быть, даже в первую очередь – «вложение» в самого себя, в свою жизнь вечную. Что будет с нами после того, как придет пора перейти в «Олам а-ба», Мир грядущий, – это тема для отдельного разговора, об этом мы поговорим в следующем номере. А сейчас мне хотелось бы подчеркнуть: несмотря на то, что «на том свете» всё намного лучше, там невозможно соблюдать заповеди и делать добрые дела. Только здесь и сейчас у нас есть возможность выбора между добром и злом. Именно потому, что Б-г наделил нас свободой выбора, Он дал нам инструмент, позволяющий правильно пользоваться этой свободой: заповеди. Известно же, что Всевышний не дал заповедей ангелам, хотя они вроде более совершенны, чем люди. Почему? Потому что ангелы не наделены свободой выбора.

После ухода из тварного мира человек уже не сможет добавить что-либо к добрым делам, совершенным здесь, и не сможет ничего исправить. После ухода из этого мира каждый сожалеет о несделанном, каждый корит себя: «Почему я забыл (не успел, не захотел) совершить то-то и то-то?» Однако уже поздно: что не сделано, того не изменить. Впрочем, если человек оставил после себя детей, учеников или последователей, которые после его ухода будут выполнять заповеди и совершать добрые дела в тварном мире, вспоминая при этом своего отца и учителя, – это поможет ему в Мире грядущем.

Естественно, может возникнуть вопрос: что значит «поможет»? Если «на том свете» всё и так намного лучше, чем на этом, зачем же еще помогать? Дело в том, что Мир грядущий имеет много уровней, а душа, освободившаяся от телесной оболочки, может подниматься всё выше и выше, становиться всё ближе и ближе к Создателю. Чтобы эта возможность стала реальностью, надо, чтобы добрые дела, совершенные

человеком при жизни, продолжали свое благотворное влияние и после его смерти. Например, когда мы читаем кадиш или поминальную молитву «изкор», вспоминая о хороших поступках покойного, мы не только выполняем заповедь, но и помогаем дорогим нам людям, перешедшим в мир иной.

Влияние добрых дел продолжается практически вечно. За хорошего отца «ходатайствуют» не только праведные дети, но и внуки, правнуки. За талантливого учителя – не только способные ученики, но и ученики учеников. Как раз Нобелевская премия является характерным примером: прошло уже более ста лет, сменилось несколько поколений, – а имя Альфреда Нобеля до сих пор ежегодно поминают в одном ряду с выдающимися учеными, писателями и общественными деятелями, которым он помогает и которые благодаря ему приносят еще больше пользы человечеству.

Áëááí úé óáááéí Ðíííé Ááðé Ęáçð

НОЯБРЬСКОЕ ПОСЛАНИЕ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

С ХАСИДСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Антология праздников

לְפָנֵי אֱלֹהֵינוּ אֵלֶּיךָ אֲדֹנָי

Симхас Тойра

Казалось бы, праздник, отмечающий завершение годового цикла чтения Торы, должен включать в себя элемент изучения Писания. Но мы отмечаем праздник, танцуя со свитками Торы вокруг бимы. Шестой Любавичский Ребе пишет: «Торе желанно кружиться вокруг бимы, и так как у Торы нет ног, еврей служит ее ногами, обнося ее вокруг бимы, подобно тому как ноги несут человека, куда он пожелает». Этот танец символизирует полное подчинение Б-гу, так же как ноги подчинены нашему разуму. И всё же изучение Торы – один из компонентов Симхас Тойра. Танцу акофойс предшествует произнесение стихов Торы, а сам танец связан с чтением Торы.

Учение заповедал нам Моше...

Согласно учению Мудрых, первый текст, который еврей заучивает, едва лишь научится говорить, стих: «Учение заповедал нам Моше, наследие общине Яакова» (Дворим, 33:4).

Стих этот говорит о том, что Тора была передана евреям Моше, им же получена от Б-га на Синае. То есть подразумевается, что Тора, в ее вечности, – даже то в ней, что «будет в будущем сформулировано изучающим ее», – дана была Моше на Синае (Мегила, 19б; Иерусалимский Талмуд, Пеа, 2:4). Это относится даже к внутренним, сокровенным элементам Торы, которые откроет нам Мошиах. Речь идет не о разных аспектах Торы, но о разных стадиях ее откровения: какие-то истины Торы нам уже открыты, другие будут открыты в будущем. Однако то, что будет открыто, не должно восприниматься как «Новая Тора», упаси Б-г. Это будет лишь часть непрерывного, постоянно разворачивающегося откровения Торы, которая в ее вечном образе дана была Моше на Синае.

Тора бесконечна в своей насыщенности смыслами, и изучающий ее всегда должен помнить о смирении: как бы ни была велика его ученость, то, что он постиг, лишь малая толика безграничной мудрости Торы.

Но не странно ли, что мы внушаем ребенку столь глубокую мысль, – ведь он еще даже не начинал изучать Тору! Общепринятый путь образования –

движение от простого к сложному. Исходя из принципов, лежащих в основе психологии образования, кажется, не подобает обсуждать с малым ребенком представление о том, что Тора, в своей безграничности смыслов, находится за пределами человеческого постижения, а всё, что нам дано усвоить, – это лишь малая часть бесконечной Торы. Так зачем же мы учим этому детей?

Дело в том, что сущностная Тора, «заповеданная нам Моше», связана с душою еврея и дана была каждому еврею, а потому имеет отношение к каждому из нас, даже к малому ребенку.

Понимание образования как движения от простого к сложному неприменимо к Торе, ибо она бесконечно превышает возможности человеческого разума. Через сущность Торы Б-г уделил нам от Своей Самости, и, изучая Тору, еврей устанавливает связь с Самим Создателем (см. Зогар, II 140б; Тания, гл. 47).

Этой уникальной способностью Б-г наделил каждого еврея. Понятие единения с Б-гом, которое Он вложил в Тору, едино и для человека, чье сознание косно и несовершенно, и для ученого, достигшего глубин понимания. Лишь по великой милости Своей «Он избрал нас среди всех народов» и дал нам Свою Тору, которая есть предмет Его заботы. И поскольку Б-г, давая нам Тору, дал нам от Себя Самого, в ней явленного, то Он Своей Б-жественной волей наделил Тору лишь ей присущим духовным качеством – возможностью и зрелому ученому мужу, и несмышленому ребенку соединиться с Б-гом. Будь то глубочайшие размышления ученого-талмудиста, или лепет малого ребенка, пытающегося по памяти воспроизвести стих Торы, и тот и другой являют собою связь с абсолютной Б-жественностью.

Продолжение стиха – «наследие общине Яакова» – относится к тому, что переходит по наследству, никак не завися от статуса и условий существования наследника. «Малый ребенок, придет день, и наследует старику» просто в силу того, что он сын человека, живущего на этой земле и являющегося ее хозяином.

А поскольку евреи – дети Самого Б-га, то наше наследование Торы связует нас с Б-гом. Это наследие всех евреев, и слова «общине Яакова» приложимы в том числе к тем, у кого относительно низкий духовный статус. Они также, посредством Торы, соединяются с сущностью Б-га.

Á-æáñò ááí í úé yéáí áí ò

Но, положим, нам ведомо, что Тора сопричастна Б-жественности, и это относится даже к тексту, изучаемому ребенком. Надо ли делиться этим знанием с несмышленным дитятей? Почему бы не довести всё это до его сведения позже, когда его интеллект разовьется настолько, что он действительно сможет усвоить глубину мысли?

Следует понимать: истина и сущность Торы не предназначены для интеллектуального постижения. Сущность Торы описывается утверждением: «Г-сподь и мудрость Его едины» (Тания, гл. 2). Упуская это, мы упускаем основание, на котором покоится изучение Торы.

Более того, сознание, что Г-сподь и Тора едины, – это не частность, связанная с изучением и пониманием Торы. Это сущностное положение Торы: необходимое основание, на котором потом мы возводим всё здание – само изучение Торы.

Если мы отложим постижение этого принципа до поры, когда ребенок станет более зрелым, то всё, что он изучает в Торе, окажется лишено базового элемента веры. Потом будет тяжело привить ему соответствующее отношение к Торе: весь начальный этап ее изучения опирался лишь на головное понимание, а опора на логику и разум мешает постигнуть абсолютную Б-жественность, превышающую возможности человеческого ума. Вот почему мы должны привить соответствующее отношение к Торе еще в раннем детстве: «Наставь юношу на путь его, и он не уклонится от него, когда и состарится» (Мишлей, 22:6). Пониманию должны предшествовать страх и трепет пред Г-сподом, смиренная готовность исполнить миссию, возложенную на нас Им.

О́тдә и́тә и́тәдәи́

По еврейскому обычаю (а «еврейский обычай есть сама Тора», говорит Иерусалимский Талмуд [Псохим, 4:1]) на праздник Симхас Тойра берут Тору, обернутую в чехлы, и танцуют с ней акофойс вокруг стола, за которым ее читают. «Тору следует читать и постигать» – казалось бы, сама эта формула предполагает, что день, когда мы радуемся дарованию Торы, пристало посвятить углубленному ее изучению. Штудирование помогло бы нам глубже понять то или иное положение Торы, а понимание пробудило бы в нас радость... Почему же мы выражаем радость, приплясывая со свитком Торы, обернутым в чехлы, то есть сокрытым от нас под покровом? Ведь мы не можем прочесть ни строки, в то время как и строка могла бы повести нас по пути постижения глубинных смыслов?!

Да-да, мы знаем: человек на Симхас Тойра должен найти время для изучения Торы... Но это – часть постоянно лежащей на нас обязанности. Существует, однако, особая заповедь выражать радость, связанную именно с этим днем.

Сущность Торы в том, что она свята, а значит, связана не с интеллектом и пониманием. Вот почему люди вправе произносить благословение Торе (Законы изучения Торы, 2:12): всякий еврей связан с Торой. Изначальное единство, существующее между Торой и душой еврея, пробуждается по мере того, как мы вникаем в послание Торы, – то есть, опять-таки, изучаем ее, – хотя само это единство – выше интеллектуального понимания.

Вот почему на Симхас Тойра мы совершаем танец с Торой в чехле, когда текст ее сокрыт от нашего взора и пребывает вне нашего постижения. Наша радость основана не на понимании Торы, а на том, что через ее изучение мы связаны с Б-гом, в то время как Он пребывает в Своей возвышенной святости, непостижимой для человеческого рассудка.

Наша радость выражена в танце, в движении ног: как ноги подчиняются вознесенной над ними голове, так мы подчиняемся Его Воле, безоговорочно передавая себя в Его власть.

Это радование Торе происходит в день, когда начинается чтение книги Брейшис, в начале года, после периода раскаяния, связанного с месяцем элул, после Рош а-Шона, Десяти дней покаяния, Суккоса и Шмини Ацерес. В начале Нового года и духовного служения, с ним связанного, весь еврейский народ подобен малому ребенку, только начинающему свое образование – а начинать он должен с осознания того, что «учение нам заповедал Моше», с подчинения воле Г-спода. Подобное начало гарантирует, что изучение Торы, связанное с логикой и пониманием, в течение года будет наполняться верой и открытостью сердца навстречу воле Б-га.

«И́тә» О́тдә

Именно отсылка к Его воле содержится в словах Ребе Раяца о том, что на Симхас Тойра «Торе желанно кружиться вокруг бимы...».

Что же подразумевается в этой странной фразе? Ребе Раяц имеет в виду, что, танцуя на Симхас Тойра, еврей целиком подчиняет себя Воле Б-га, – настолько, что не осознает себя отдельной сущностью, обладающей собственными желаниями. Он подобен ногам, подчиненным приказам сознания. Если бы ноги размышляли, как им относиться к этим приказам, если бы им была свойственна саморефлексия, – это можно было бы счесть надругательством над природой вещей.

«Еврей подобен ногам Торы»: подобное сравнение подразумевает, что еврей всей душой принимает тот факт, что в грядущем году он всецело подчинится диктату Торы, выполняя ее требования безоговорочно, ибо они изначально присущи его естеству. Как ноги, подчиняясь сознанию, несут тело и голову туда, куда самим им не перенестись, так и еврей, с радостью принимая ярмо Торы, возносит ей духовную радость.

В этом смысл формулы «время нашей радости», где множественное число – «нашей» – имеет в виду еврея и Тору: евреи радуются Торе, а Тора радуется еврейскому народу, чья радость Торе ее возвышает.

עֵי אֶעְיָאֵוֹ אֵיִי אֵיִיִּי

При том что радость праздника Симхас Тойра выражается прежде всего танцем, не будем упускать из виду, что этот танец совершается вокруг бимы – стола, за которым читают Тору. Поэтому радование Торе оказывается всё-таки связано с ее чтением и изучением. Кроме того, прежде чем начать акофойс, мы читаем «Ато орейса» – компиляцию из стихов Торы. Как же наш танец, выражающий веру и подчинение Его воле, сочетается с кружением вокруг бимы, символизирующей процесс учения и власть рассудка?

Сделаем небольшое отступление. Тишрей – первый месяц года, однако в нем, в концентрированном виде, присутствуют все духовные качества, которые реализуются в нашем исполнении религиозных обязанностей в течение года: изучение Торы, исполнение заповедей. Тишрей заключает в себе не только основание изучения Торы – подчинение Воле Б-га в полноте веры (именно его выражает наш танец), но и определяет ту структуру, которая покоится на этом фундаменте: само изучение Торы, тем самым очерчивая духовность всего года в целом. Поскольку это начало года, мы сосредоточены на основах – повиновении Создателю, – и это выражено нашим танцем, а дальнейшее погружение в изучение Торы символизируется тем, что кружимся мы вокруг бимы.

Существует еще одна, и очень глубокая, связь между исполненным веры подчинением Б-гу и изучением Торы. В дополнение к искренней, лежащей за пределами рассудка вере еврей должен обладать также готовностью к исполнению Его воли, которая следует из его понимания Б-жественности. Учение хасидизма проводит различие между аспектами души, внешними по отношению к человеку, и внутренними аспектами. Простая вера и подчинение диктату Неба – это качества, в высшей степени достойные похвалы, но они противоположны человеческому интеллекту и иным нашим духовным возможностям. Тем самым эти способности не пронизаны Б-жественностью. И только когда знания человека пронизаны умственным сознанием Б-жественности, он истинно и всецело един с Б-гом. Такое сознание охватывает не только человека, но и его физическое окружение. Б-жественность и духовность проявляются даже в профанном бытии: человек воспринимает мир проникнутым сиянием Б-га.

Поэтому танцу акофойс предшествует чтение стихов из Торы, а сам он является «мостиком» к ее чтению. Чтение и постижение Торы, всецело определяющие самоидентификацию еврея, делают сам этот танец подобающим.

Представление о том, что вера, находящаяся за пределами знания, должна соединяться с интеллектуальным постижением Торы, поддерживается аллюзией, содержащейся в стихах, которые читаются перед танцем. В них сказано: «Тебе дано было видеть, что Б-г есть Всесильный, нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35). Б-г открылся перед народом Израиля, поэтому каждый еврей может воспринять Б-жественность как явленную именно ему, – ведь сама эта способность лежит за пределами интеллектуального постижения. Каждый еврей знает, что «Б-г есть Г-сподь», «Нет ничего, кроме Б-жественности». Б-г открылся еврейскому народу по Собственной воле; от евреев не требовалось прилагать специальных усилий. Откровение на Синае было результатом того, что существует изначальная связь души евреев с Б-жественностью.

За формулой «тебе дано было видеть» следует постулирование знания: «Б-г есть Всесильный, нет другого, кроме Него», то есть внутри этого стиха совершается переход от «видения» к «знанию», утверждение того, что разуму дано уловить нечто путем знания, постижения и осмысления. Если бы человек не стремился знать, восприятие Синайского Откровения было бы неполным и несовершенным. Откровение осталось бы неисполненным. Но когда человек действительно един с Б-гом, сознание этого пронизывает всё его существо, присутствует во всех его проявлениях и выражено в самом характере поведения.

Во время танца акофойс мы также произносим: «Ибо из Сиона выйдет Тора и из Йерушалаима – слово Г-сподне» (Иеошуа, 2:3). Сион – Иерусалим – реально существующий город. Можно задать вопрос: как же о духовной Торе и «слове Г-споднем» может быть сказано, что они «привязаны» к определенному

физическому месту? Но именно здесь содержится указание на уникальное качество Торы преобразовать мир: оно соответствовало потрясению, случившемуся на Синае, когда восприятие абсолютной Б-жественности затронуло все духовные качества человека, вовлекая его в изучение Торы и в итоге оказывая воздействие на окружающий человека физический мир. Через Тору человек получает знание о реальности. Физический мир становится «ционом» (знаком) того, что сам же он, физический мир, не есть сущность, существующая только в себе и для себя. Его истинный смысл в том, что он есть знак, ведущий человека к Б-гу. Изучая Тору, человек проникается осознанием того, что Б-г постоянно поддерживает мир, и понимает, что «нет ничего, кроме Б-жественности». Тем самым материальный мир преобразуется в Йерушалаим, имя которого образовано двумя ивритскими корнями – «йерей» и «шолейм» («совершенный трепет»). Еврей тем самым постигает, что мироздание проникнуто «совершенным трепетом» и подчинено Воле Б-га. Изучая Тору, человек приходит к осознанию всемогущества Б-га и понимает, что даже в физическом мире «нет ничего, кроме Б-жественности».

И ДА ПРИМУТ ЖИВЫЕ БЛИЗКО К СЕРДЦУ...

Nèi íí Áæáéíáíí

Ni íòdè, ý íðááéááþ ààí íááíý

áæááíííááí éá è íðíééýòèá

(Ááíðèí, 11:26)

Á í-áááííé ðáç íááéááíá áááíéòá: á éííóá ááéááý - óóíáí è á Éíáééíéíí íéááíá, ðááíáí-óðááí «Éáòðéíá» íá Áííòí-ííí ííááðæííí Áíáéíáííóó Óòàòíá

Ááòðí-óáééóó íðéíáíéé íááòóó è ðáçðááíéá Íí áíá íòðáóíáá óóíí, áíçááííúé íííéááííóáéýí è óðááíá: ííòíéé áíáí íðíðááéé ááí áí áí íáíí Íðéááíá

Сердце разрывается, когда видишь кадры с мертвыми телами, бездомными мужчинами и женщинами, разрушенными домами, тяжелобольными, остро нуждающимися в медицинской помощи. Страшное горе перевернуло жизнь огромного количества людей.

Нам нужно быть скромнее. Несмотря на все технологические новшества, мы, в общем-то, беззащитны перед силами природы. Один смертельный удар урагана изменил ход миллионов жизней.

Как всякая трагедия, нынешняя высветила лучшее и худшее в людях: благословение и проклятие. Мы видим замечательные проявления героизма и великодушия, но мы также видим грабежи и мародерство. Масштабы благотворительности и гуманитарной помощи людям, пострадавшим от цунами, демонстрируют истинное человеколюбие – ничего подобного в истории еще не было. Тысячелетиями народы угнетали друг друга, особенно в трудные моменты истории. Сегодня мы наблюдаем мощный взлет человеческой порядочности. Что произошло?

Впрочем, нельзя игнорировать и тот факт, что в людях, предоставленных самим себе, проявляются звериные инстинкты.

Почему эта дезорганизация, слом привычных структур, заставляет одних из нас сиять, а других – смердеть? Что является причиной – природа, нищета, образование, отсутствие такового или прочие факторы?

Как вы поведете себя, если закон больше не действует? Превратитесь в дьявола или святого? Выберете путь благословения или проклятия?

Эти и многие другие вопросы приходят на ум, когда размышляешь над главной катастрофой нашего времени. Рамбам учит нас: «Когда людей постигает стихийное бедствие, мы должны стенать от горя, задумываться о своей жизни и исправлять свои пути» (Законы Поста, 1:2,3).

Конечно же, самый большой вопрос связан с Б-гом. Почему в первую очередь Он дает нам благословение и проклятие? Ответ, если мы вообще можем назвать это ответом, содержится в тексте Торы: «Вот, я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие». Самое важное слово здесь – «предлагаю», то есть «дарю» («нотен» на иврите; от этого корня образовано существительное «матана», «дар»). Как сказано в Талмуде, «всякий дающий дает с толком». Вручение подарка всегда имеет смысл. Но что означает «предложить» нам «дар» проклятия?!

Величайший дар из всех – это ясность. В таком несовершенном мире, как наш, нереалистично было бы ожидать только прекрасного. Жизнь всякий раз бросает нам вызов. Трудностей выпадает нам столько же (если не больше), сколько и замечательных событий. И настоящая проверка заключается не в том, чтобы избегать сложностей или игнорировать их, а в том, чтобы знать, что с ними делать. Нам предложен дар ясности:

как вести себя в той или иной ситуации, будь она благословением или проклятием. Дар знания о том, что по какому-то пути идти нельзя, не менее велик, чем дар знания о правильном пути.

Почему в жизни существуют проклятья? Носят они естественный характер или «рукотворны»? Это величайшие вопросы всех времен. На них звучали разные ответы, но окончательным является священное безмолвие: для страдающего человека никакое объяснение не оправдывает и не объяснит его мук. Рациональный ум не может взывать к кровоточащему сердцу. Академические споры не затрагивают плачущей души. Ум очень ограничен.

Однако нам дарованы все необходимые средства и возможности, чтобы принять любой вызов на своем пути – пути благословения или пути проклятия. Мы можем не знать, почему случилась трагедия, но мы знаем, что с ней делать.

Нас учили, что все мы – творения единого Б-га и часть единого великого замысла. Трагедия одного человека – это трагедия всей человеческой расы. Насколько же сильнее трагедия, затронувшая миллионы людей!

Поэтому мы утешаем друг друга, выражая свои чувства, задавая вопросы, делись опытом. Человеческий опыт, трагический либо радостный, – священен; наши естественные реакции, гневные либо одобрительные, – Б-жественного происхождения.

Главное, что я хотел бы подчеркнуть, – необходимость доверия к человеческому опыту потерь и достижений. Уважение к достоинству! Да, именно к человеческому достоинству. В наше время человеческое достоинство – в высшей степени Б-жественная черта, малхус в мистической структуре творения, – ценится, увы, намного ниже. Поднять дух людей, научить их уважать человеческое достоинство стало бы величайшим достижением.

В разгар разрушительного урагана на Восточном побережье самое печальное зрелище – то, как люди превращаются в животных, предавая свое и чужое достоинство. И самый вдохновляющий опыт – видеть величие человеческого достоинства.

Да, перед нами всегда два пути: благословения и проклятия. И знание об этом – великий дар. От нас зависит, какой путь мы выберем.

***

Когда земля рушится под напором вод вследствие урагана либо цунами, поневоле задумываешься о границах: ведь исчезает граница между водой и землей.

Мне приходилось писать, что эта граница имеет огромное духовно-психологическое значение. Она разделяет сознательное и бессознательное, материю и дух. Она формирует психическую устойчивость и личность человека. Высшей же ее целью является соединение двух миров так, чтобы они не уничтожали друг друга.

Но в неустойчивом мире границы смешиваются, и последствия бывают разрушительными. Психические, психологические, эмоциональные – любые границы сегодня крайне расплывчаты. То же можно сказать и о границах между нашей духовной и материальной жизнью, между церковью и государством, между личной и рыночной этикой, между личными, общинными, международными отношениями – трудно понять, где кончается одно и начинается другое.

В Израиле, где все проблемы умножаются, понятие «границ» наполнено очень конкретным содержанием, с неизбежными так называемыми «оккупациями» и «эвакуациями».

Поэтому, наверное, в Торе особо подчеркиваются «гвулей а-арец» («границы земли») и все иные параметры жизни: чтобы обеспечить ее целостность и полноту, мы должны с уважением относиться к границам, фиксирующим наш многообразный мир.

Сегодня наблюдается любопытный феномен: в то время как технологии смыкаются, люди разъединяются. По всем законам логики считалось, что по мере глобализации мира (экономической и

технологической) будут стираться границы между обществами, культурами, религиозными общинами, национальными группами. Вместо этого происходит прямо противоположное. Сегментация общества лишь усиливается. Почему? А потому что многообразие – это нечто здоровое и неотъемлемо-естественное. Так, глобализация знаний умножает возможности индивидуума и укрепляет своеобразие общин.

Ураган «Катрина» продемонстрировал чудовищные последствия разрушения границ между землей и водой. Некогда процветавший Новый Орлеан в большей своей части оказался под водой.

Современные физики знают, что мы живем в интерактивной вселенной. Мы, люди, не сторонние наблюдатели в населяемом нами мире. Мы влияем на события, происходящие вокруг нас, а они влияют на нас – как если бы атомы чувствовали нас. На самом деле наблюдатель изменяет окружающий мир.

Не следует понимать это упрощенно и линейно. Мы находимся в сложном симбиозе со вселенной. Ощущаем мы это или нет, но природные явления – ураганы, землетрясения, извержения вулканов – воздействуют на нас так же, как мы воздействуем на них, – причем в гораздо большей степени, чем мы это себе представляем.

На что был бы похож мир без ураганов и потопов? Ведь трагедией является не сам ураган, а те разрушения, которые он несет человеку. Например, океанические ураганы и землетрясения никому не наносят вреда, наоборот, они являются важными элементами нашей экосистемы.

Наука объясняет: ураганы – необходимая часть системы циркуляции воздуха, когда теплые массы воздуха перегоняются из района экватора в более холодные широты. Они несут с собой долгожданные осадки в засушливые районы. Так, дожди в Японии в значительной мере выпадают благодаря тайфунам.

Мистики также полагают, что ветры и дожди необходимы для поддержания баланса в мире. В разобщенном мире, где никто не осознает связи с источниками и задачами, шквалистый ветер несет перемены, а осадки увлажняют нашу сухую, бесплодную жизнь.

Нарушенное равновесие в мире не поддается контролю (как и в случае «разрушения сосудов» в мистическом мире Тоху): ураган или другая мощная сила наносит удар по земле и порождает разруху...

И в то время, когда наши сердца вместе с погибшими и страдающими, выжившими и бездомными, давайте помнить о святости границ в нашей жизни. Давайте помнить, что перед нами всегда два пути: благословения и проклятия. И что у нас есть возможность выбирать.

ПАПА РИМСКИЙ В КЕЛЬНСКОЙ СИНАГОГЕ

Грета Ионкис

Третье тысячелетие преподносит не только трагические, но и радостные сюрпризы. 19 августа 2005 года, несомненно, войдет в историю иудео-христианских отношений. Впервые за двухтысячелетнюю историю евреев Германии их Дом молитвы был удостоен посещения Папы Римского.

Евреи породили христианство, а вместе с ним – в лице христианской Церкви – своего векового врага и гонителя. Христианский антисемитизм, всячески затуманивая, а то и скрывая, что Иисус и апостолы были евреями, что Библия – это Книга евреев, закрепил в сознании миллионов образ еврея как злодея-богоубийцы. Потребовалось почти два тысячелетия, чтобы Ватикан отказался от теологического антисемитизма.

Папа Иоанн XXIII в марте 1959 года изъясил из текста литургии обидную фразу, которая в течение веков звучала на страстную пятницу во всех католических кирхах: «Позволь нам молиться также о неверных евреях». Когда спустя три года один из кардиналов в присутствии папы прочел вычеркнутые им слова, Иоанн XXIII прервал его: «Повторите, но в новой форме». Специальной буллой «О евреях и других нехристианских народах» он положил конец преследованиям евреев со стороны католической церкви. Папа написал молитву, обращенную к Иисусу Христу: «Мы осознаём теперь, что много-много веков слепоты поразили наши очи, так что мы не созерцали красоты тобою избранного народа и не узнавали в лицах их черт нашего брата-первенца. Мы осознаём, что чело наше заклеено Каиновой печатью. Столетия пролежал Авель в крови и слезах, ибо забыли мы про любовь к тебе. Прости нас за то, что своим прегрешением мы во второй раз распяли тебя».

Папа Иоанн Павел II пошел дальше: в Иерусалиме он поклонился не только христианским святыням, но и молился у Стены Плача. Там он произнес слова покаяния: «Mea Culpa, mea maxima Culpa!» («Мой грех, мой великий грех!») Впервые в истории католицизма он посетил синагогу в Риме. Иоанн Павел II действовал в духе «Nostra aetate» – главного документа Второго ватиканского собора, прошедшего в 1965 году, на котором папа Павел VI снял с евреев обвинение в богоубийстве. Обращаясь к евреям в Риме, Иоанн Павел II сказал: «Вы – наши старшие братья». При нем прошла канонизация нескольких священнослужителей – мучеников нацистского режима, в том числе еврейки, принявшей постриг в кармелитском монастыре Кельна, философа Эдит Штайн, уничтоженной в 1942 году в Освенциме.

В годы нацизма большинство католиков и протестантов Германии не сопротивлялись бесчеловечному режиму и покорно поменяли Крест на Свастикку. Молчание папы Пия XII их в этом поддерживало. Как было признано на синоде, из-за его молчания «Церковь утратила невинность». Но нашлись и такие, кто не молчал.

Баварский католик Карл Штайнбауэр запретил вывешивать нацистские флаги на своей церкви. На допросе в СС, перед отправкой в Дахау, он объяснил свои мотивы: «Мне грозит больший ужас, чем Дахау. Меня ждет Страшный суд».

Мюнстерский епископ граф фон Дален отказался клясться в верности Адольфу Гитлеру и в своих проповедях осуждал действия его приверженцев. Его авторитет, в том числе и среди военных, был настолько велик, что нацисты не решились его тронуть. Он продолжал сопротивляться злу, его оружием было Слово. Папа Иоанн Павел II во время визита в Германию в 1987 году на коленях молился перед надгробием мятежного епископа в соборе Мюнстера.

Кардинал Ратцингер, будучи идейным единомышленником и главным помощником почившего папы, став понтификом, продолжает традицию своих ближайших предшественников в деле наведения мостов между народами и конфессиями. Лучшим доказательством тому служит его визит в кельнскую синагогу. Прежнему папе легче было переступить порог синагоги: Войтыла был сыном своего народа, а поляки страшно претерпели от нацистов. Ратцингер же принадлежит к народу, повинному в Холокосте. Ребенком ему довелось вначале состоять в гитлерюгенде, а затем выживать в разоренной и голодной послевоенной Германии.

Визит в синагогу для Бенедикта XVI был нелегким. Прежде чем войти в молитвенный зал, посетитель проходит через холл мимо траурной стены из черного камня, на которой серыми буквами на иврите и немецком начертано: «Памяти одиннадцати тысяч еврейских жертв – мужчин, женщин и детей – кельнской общины. Они погибли за свою веру в темное время 1933–1945». У этой стены папа стоял в молчании, пока раввин читал кадиш – поминальную молитву. Позже он сказал, что склоняет голову перед всеми, кто стал жертвой чудовищного злодеяния.

Зал приветствовал папу и сопровождавших его кардиналов Майснера, Лемана, Каспера и Содано стоя, овациями как посланцев доброй воли. Без мира между религиями не может быть мира на земле, это понимают евреи и неевреи. И первые слова папы, обращенные к собравшимся, прозвучали так: «Шалом лахэм!» («Мир вам!») Папа начал с уверения в том, что приложит все силы, чтобы решающие шаги, предпринятые его предшественником для улучшения отношений с еврейским народом, были продолжены.

Отметив, что еврейская община Кельна самая древняя на немецкой земле, папа выразил надежду на то, что евреи Кельна сегодня действительно чувствуют себя здесь дома. Он признал, что отношения евреев и немцев складывались непросто, болезненно: от изгнания евреев из города в эпоху Средневековья до их уничтожения в середине XX века. Синагога на Роонштрассе тоже пылала в ноябре 1938 года. Бомбежки довершили ее разрушение. Она была восстановлена под руководством кельнского архитектора Хельмута Гольдшмидта, пережившего Освенцим и Бухенвальд. Ее заново освятили в 1959 году в присутствии канцлера Конрада Аденауэра, который в донацистские годы был бургомистром Кельна. Гитлеру Аденауэр служить не стал. Обращаясь к евреям в 1959 году в том же зале, где сегодня выступает Бенедикт XVI, он сказал: «Я надеюсь на хорошее совместное будущее».

Между тем папа в своем белом одеянии одиноко стоял между двумя огромными менаорами, на его белой как лунь голове не папская тиара, а скромная белая шапочка-кипа. На него была устремлена тысяча глаз. Он выглядел так, будто один держал ответ за эту сложную и мучительную двухтысячелетнюю историю. Папа не уклонялся от темы Освенцима, с момента освобождения которого прошло уже шестьдесят лет...

29 января, незадолго до кончины, папа Иоанн Павел II обратился к собравшимся на площади св. Петра в Ватикане с короткой речью: «Лагерь смерти в Освенциме – одна из самых мрачных страниц в истории человечества. Бог не хочет, чтобы нам пришлось рыдать над новым Освенцимом. Будем же молиться и стараться, чтобы этого никогда больше не было. Антисемитизма больше не должно быть!» Новый папа, говоря об Освенциме, склонял повинную голову.

В своей речи папа подчеркнул особую значимость документа Второго ватиканского собора «Nostra aetate», который открыл новые перспективы в еврейско-христианских отношениях. «В этом документе говорится о наших общих корнях, о богатом духовном наследии, которым евреи и христиане владеют сообща <...> Глубоко мною чтимый мой предшественник, принимая во внимание еврейские корни христианства, так наставлял немецких епископов: “Кто почитает Иисуса Христа, почитает еврейство”».

«Nostra aetate» осуждает любые проявления ненависти к еврейству и антисемитские заявления, где бы и когда бы они ни имели место. Отрицая дискриминацию любого типа, папа заявил, что она противоречит учению Христа. «Церковь же, – продолжил папа, – обязана позаботиться, чтобы сделать его учение достоянием подрастающих поколений, они никогда не должны стать свидетелями ужаснейших событий, которые имели место перед и во время второй мировой войны. Эта задача имеет особое значение, ибо сегодня, к сожалению, возникают новые признаки антисемитизма и формы общей враждебности к чужакам».

Папа подчеркнул: католическая церковь сегодня призывает к толерантности, уважению, дружбе и миру между народами, культурами и религиями. Он отметил деятельность Кельнского общества христианско-еврейского взаимодействия, которое хорошо потрудились, чтобы после 1945 года евреи почувствовали себя в Кельне как в своем доме. «Многое предстоит еще сделать. Нам нужно больше и лучше узнавать друг друга. Именно потому я бы настоятельно побуждал к откровенному, исполненному доверия диалогу между евреями и христианами. Только так станет возможным прийти к приемлемой для обеих сторон интерпретации спорных исторических вопросов и добиться прогресса в теологической оценке отношений между евреями и христианами. Честно говоря, в этот диалог невозможно вступить без того, чтобы преодолеть существующие различия или их преуменьшить. И всё же, как бы нас ни разводили наши глубочайшие религиозные убеждения, мы должны уважать и любить друг друга». Эта мысль одушевляла речь папы.

«Наконец, наш взгляд не может быть устремлен только в прошлое, он должен также обращаться вперед, к сегодняшним и завтрашним задачам. Наше богатое общее наследие и наши ориентированные на доверие братские отношения обязывают нас быть в согласии и вместе действовать практически во имя защиты прав человека и святости человеческой жизни, ценностей семьи, социальной справедливости и мира во всем мире».

Папа прав: человек не может жить только прошлым. Но ведь в случае с евреями мы сталкиваемся с особым феноменом. Когда Наполеон безуспешно осаждал крепость Акко, что на севере нынешнего Израиля, у него закипали слезы яростного бессилия, но тут он заметил плачущих стариков-евреев. Он спросил, о чем они так безупечно рыдают, и ему ответили, что евреи оплакивают разрушение Храма Соломонова. «Когда это было?» – поинтересовался генерал Бонапарт. Ему сказали. «Как?! Они оплакивают Храм, разрушенный свыше двух тысяч лет назад?» Помолчав, Наполеон изрек: «Народ с такой памятью будет жить вечно». Евреев нужно понять, позволить им помнить прошлое и, как повелел папа, уважать и любить.

В зале кельнской синагоги присутствовали два человека, переживших Овенцим: почетный гражданин города Кельна г-н Симонс и г-жа Лерер, мать члена правления общины. Думалось ли ей в 1944 году в Освенциме, где она едва не стала лагерной пылью, что наступит час и ее сын будет приветствовать Папу Римского в стенах синагоги, держать перед ним речь и Бенедикт XVI пожмет ему и ей руку и вручит памятную медаль?

Папа закончил свою речь словами из псалма Давидова: «Г-сподь даст силу народу Своему; Г-сподь благословит народ Свой миром». Да услышит Он нас!» Так хочется верить, что слова папы будут услышаны его паствой и превратятся в дела.

Историческое значение визита папы в том, что обе стороны продемонстрировали стремление к дружественному диалогу. Евреи принимали папу открыто и достойно. В честь прибытия высокого гостя кантор трубил в шофар. Это – символический акт, подчеркивающий значительность происходящего.

Речь председателя президиума Центральной благотворительной организации евреев Германии г-на Лерера была содержательной, откровенной и нелицеприятной. Не заискивая перед высоким гостем, он ставил острые вопросы и называл вещи своими именами, призывая всех присутствующих и прежде всего папу к активному противодействию антисемитизму и любым проявлениям враждебности к евреям. Он призвал Ватикан открыть архивы, чтобы понять молчание Пия XII по поводу трагедии евреев в годы нацизма. Заслужил ли он аттестацию «гитлеровского папы»? Честные ответы на большие вопросы помогут ранам закрыться.

Г-н Лерер высоко оценил заявление «Nostra aetate», которое сорок лет назад покончило с обвинением всех евреев в смерти Иисуса. Очень важно, что к этому революционному по тем временам документу приложил руку молодой теолог, чье имя – Йозеф Ратцингер. «Мы видим в вас сегодня не только главу всех католиков, но и немца, который осознаёт свою историческую ответственность».

Папа, на протяжении встречи державшийся сдержанно-вежливо, преобразился, когда ему стали представлять наиболее активных и уважаемых членов общины. Он улыбался и, пожимая обеими руками руку представляемого, нашел для каждого из шестнадцати евреев теплое слово. В эти минуты он показался доступным, близким и дружественным.

Все понимают, что эта встреча – событие историческое и его значимость еще предстоит осмыслить. Конечно, не нужно обольщаться и думать, что будущее уже пришло. Слова папы Бенедикта XVI должны дойти до его паствы, стать для них символом веры, а это процесс длительный. Моисей водил евреев по пустыне сорок лет, чтобы вытравить память о рабстве. Сейчас другие времена. В распоряжении папы и его прелатов – современные масс-медиа. Папе внимал миллион молодых католиков, съехавшихся в Кельн

отовсюду, ведь посещение синагоги входило в программу его четырехдневного визита, главной целью которого было участие в XX Всемирном дне католической молодежи. Хочется думать, что молодежь разнесет слово папы по всему миру.

ПРИЧИНЫ РАЗДОРОВ В ЕВРЕЙСКОМ МИРЕ

*אֵלֵינוּמָּוּ הַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּוְהַיְיִדִּיּוּתוֹהַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּוְהַיְיִדִּיּוּתוֹהַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּ
עַל־הַשְּׂעָרִיםעֵת «עֵת־אֵל»*

אֵלֵינוּמָּוּ דַּיִתִּיָדוֹ

הַשְּׂעָרִיםאֵלֵינוּמָּוּ, עַל־הַשְּׂעָרִיםעֵתוֹהַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּ «עֵת־אֵל»:

– Формулируя тезис, вокруг которого развернется дискуссия, я думал о том, что раздоры в еврейском мире приносили евреям много бед на протяжении всей нашей истории. К сожалению, и сейчас сохраняется конфронтация между различными группами евреев в Израиле и вне его. Нет единства во взглядах на решение важнейших вопросов, от которых зависит будущее нации. Существует даже такое выражение: «милхомот иеудиот» («иудейские войны»). Каковы причины явления? Одним ли евреям присуща такая разногласия мнений?

*אֵלֵינוּמָּוּ נֶעְלָמָהעֵת־אָהֲבָהוּוְהַיְיִדִּיּוּתוֹהַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּוְהַיְיִדִּיּוּתוֹהַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּ
מִשְׂעָרֵינוּ:אֵלֵינוּמָּוּ הַאֲבוֹתֵינוּאָהֲבָהוּ «עֵת־אֵל»:*

– Перед тем как рассуждать о причинах раздоров в еврейском мире, надо уточнить понятие «еврейский мир». В данном контексте «еврейский мир» надо понимать как организованную часть мирового еврейства, то есть совокупность еврейских религиозных общин, общественных организаций, политических партий в Израиле и вне его. Структур этих невероятно много, – так, в России органами Минюста зарегистрировано около шестисот еврейских организаций, – и между ними происходят всякого рода столкновения.

Еврейский мир состоит из множества секторов, которые находятся в сложных и часто далеко не мирных отношениях. Говорят, что так было всегда. Да, евреи – народ не единообразный. За всю историю мы никогда не были народом с тоталитарной системой управления, подавляющей всякое инакомыслие. Среди евреев всегда существовали группы, которые вступали в конфликтные отношения с другими группами. Причины конфликтов были различными, иногда материальными, вызванными конкуренцией. И в Средние века, когда иудеи делились лишь на ашкеназов и сефардов, а иудаизм у них был практически одинаков, тем не менее существовала конфронтация между отдельными еврейскими общинами. Человек, принадлежавший к одной общине, не мог переселиться в другую, если он не был достаточно богат, чтобы купить такое право. Существовал закон о запрете поселения, который еврейскими общинами никогда не был отменен. В более близкие к нам времена, в варшавском гетто, евреи создали несколько альтернативных подпольных организаций, которые между собой находились в не очень дружественных отношениях. Когда шла борьба за создание государства Израиль, существовало несколько военизированных еврейских организаций ишува – Хагана, Эцель, Лехи, – они боролись не только против англичан за независимое еврейское государство, но и между собой. В нынешнем Израиле мы также видим ожесточенную борьбу разных политических партий и организаций, каждая из которых считает себя единственно правой в том, как, например, решить проблему арабо-израильского конфликта. И эта борьба происходит на фоне конфронтации с арабским миром, в котором такого разногласия в отношении Израиля нет, потому что арабский мир тоталитарен. Если у евреев есть споры о том, можно ли ради мира уступить арабам половину Иерусалима, то ни один араб никогда не откажется от Восточного Иерусалима в пользу Израиля. На фоне этих разногласий конфликты в еврейских общинах России и других стран СНГ представляются относительно безобидными.

Существует мнение, что эти разногласия проистекают из личных амбиций лидеров общин и организаций. Этого тоже отрицать нельзя... Но мне близок марксистский взгляд на роль личности в истории. Роль эту не надо преувеличивать. Личность много значит, но любой генерал без армии – это ноль, даже если он – Наполеон. Личность должна опираться на какие-то круги общества. А у этих кругов есть свои интересы.

Еврейский мир делится на организованную и неорганизованную части. И структуры еврейского мира, которые отстаивают свои интересы против других еврейских структур, отстаивают также интересы определенных кругов вне организованной части еврейского мира.

Примеров тому масса. Например, русская алия в Израиле. В России люди из этой алии были евреями, а в еврейском государстве оказались «русскими». Увидев, что существующие партии, общественные и правительственные структуры проблемы «русской алии» ставят на предпоследнее место, репатрианты из бывшего СССР создали собственные партии и структуры, чтобы отстаивать свои интересы. В Израиле многие не любят секторальных партий. Существует почти официальное мнение, что израильское общество не должно делиться на «землячества». Но что делать, приходится делиться, когда общество в целом не принимает выходцев из какой-то страны. Русская алия вынуждена была создать свои партии, потому что существовавшие в Израиле партии не занимались ее судьбой.

Закономерный вопрос: почему русская алия не создала единую партию? Почему у Щаранского одна партия, а у Либермана другая? Конечно, личные амбиции лидеров играют немалую роль. Но главную роль играют различия в политических взглядах этих лидеров и их сторонников. В конце концов Либерман оказался в оппозиции, не согласившись с политикой нынешнего правительства, а Щаранский, тоже во многом с ним не согласный, на своем посту остался. И это на самом деле две разные группы людей, а не два разных человека.

Мой друг-израильтянин говорит: «Многие хотят мира с арабами. Но если Израиль придет к миру с арабами, тут же начнется гражданская война между евреями, настолько разделено само израильское общество». Сейчас многие боятся гражданской войны между евреями до достижения мира с арабами, если только он вообще достижим. И гражданской войны именно по причине несогласия о способах достижения этого мира. Речь идет о столкновениях израильской армии и полиции с «ультраправыми» из числа поселенцев.

Какие же группы евреев, на мой взгляд, не являются частью еврейского мира? Подавляющее большинство людей из неорганизованной части еврейства может перейти в его организованную часть. Однако есть люди, которые не должны совершать такой переход. Я говорю о тех евреях, которые не согласны с основной целью еврейского мира. Все еврейские структуры стремятся к тому, чтобы еврейский мир жил, развивался и продолжал существовать. Есть, однако, в нашем народе люди, которые этого не хотят.

Прежде всего это сторонники ассимиляции, считающие лучшим решением еврейского вопроса полное растворение в окружающей среде. Если еврей считает, что ассимиляция – это правильно, то частью еврейского народа он остается, хотя бы потому, что другие народы его не примут. Но из еврейского мира такие люди себя исключают.

Человек может заявлять: «Какой я еврей? Я русский! Я родился и вырос в России, у меня нет другого языка, у меня нет другой культуры. И я ничего другого не хочу. Еврейство – это недоразумение, случайность, дети не виноваты, что у них такие родители». Если еврей стоит на таких позициях – это его право. К еврейскому народу он принадлежит, но к организованному еврейскому миру он отношения не имеет.

Еврей может говорить и так: «Я космополит. Все народы мира должны слиться в один, мне всё равно, в какой стране жить». Если он стоит на таких позициях – опять же, это его право. Но еврейский мир не для таких людей, у еврейского мира другая задача.

К сожалению, есть среди евреев люди, отрицающие само право государства Израиль на существование. Евреи, согласные на самые большие территориальные уступки Израиле, всё равно остаются частью еврейского мира. Но те, кто согласен с мнением, что единственное решение этого вопроса – ликвидация Израиле, исключают себя из еврейского мира.

Центром нынешнего еврейского мира является государство Израиль. С тех пор как оно появилось, оспаривать право на его существование – значит ставить себя за пределы еврейского мира. К сожалению, нигде, кроме Израиле, евреи как народ, видимо, долго не просуществуют. Даже в Соединенных Штатах, где еврейская община насчитывает более пяти миллионов, большинство евреев вступают в смешанные браки, а дети от этих браков воспитываются в еврейской традиции примерно в одном случае из пяти. Да и рождаемость у американских евреев низкая. В России, где число евреев уменьшается за счет трех факторов – низкой рождаемости, ассимиляции и эмиграции, – перспективы еще менее радужные, чем у еврейской общины в Америке или в западных странах. Израиль может выжить, если ему удастся «замирить» своих соседей или держать их в страхе. Люди, которые думают, что еврейский мир может существовать без Израиле, подрывают самые основы еврейского мира.

Можно во многом упрекать правительство еврейского государства, но если государство погибнет, это будет более страшным ударом для всего еврейского народа, чем гибель шести миллионов европейских евреев. Гибель Израиле означала бы провал последней попытки еврейского народа выжить. Люди, отрицающие право Израиле на существование, отказывают в существовании самому еврейскому народу.

Теперь самое трудное: о перешедших в христианство. Каждый человек волен выбирать религию. Принцип свободы вероисповедания признается во всем цивилизованном мире, в том числе и в Израиле.

Допустим, еврей принимает христианство потому, что он тяжело заболел и надеется, что христианский «бог» избавит его от смерти. Или он хочет получить подтверждение загробной жизни – разговоры о ней популярны у части христиан. Есть много причин, по которым еврей становится христианином. И это не насильственные обращения, как было в XIX веке. Я считаю, еврейский мир сам во многом виноват, что такое происходит.

Еврей, который присоединяется к религии, утверждающей, что его народ виновен в убийстве «бога», вправе сделать этот выбор. Не вправе только сидеть на двух стульях. Если он совершает такой поступок, то не выходит из еврейского народа по единственной причине: при определенных обстоятельствах он всё равно угодил бы в газовую камеру. Для антисемитов он остается евреем. Из организованной же части еврейства, которая стремится к тому, чтобы еврейский народ продолжал существовать, он уходит.

В израильском законодательстве записано, что право на репатриацию имеет тот, кто рожден еврейкой или был обращен в иудаизм, но не тот, кто еврей по рождению и при этом добровольно перешел в другую религию. Такой человек не считается евреем. Это единственный пункт, по которому светское законодательство Израиля строже алохического. И я считаю, что государство Израиль решило этот вопрос правильно. Оно признаёт свободу вероисповедания. Если еврей, уже живущий в Израиле, принимает христианство, его за это не лишают гражданства, в правах не ограничивают. Если израильтянка выходит замуж за араба и принимает ислам, это ее право, за это гражданства не лишают. Но Израиль имеет право выбирать, кому из иностранцев свое гражданство давать, а кому в нем отказывать. Если евреи принимают христианство, они имеют право приезжать в Израиль как иностранцы, как паломники, как гости. Но я не понимаю, почему надо давать им гражданство государства, специально созданного для того, чтобы евреи не крестились. Частью еврейского мира эти люди не являются.

В XIX веке во всем мире крестились

двести пять тысяч евреев. Из этого числа только двадцать пять тысяч случаев – крещение кантонистов в России – можно считать насильственным обращением. Остальные обращения были добровольные – ради карьеры, ради женитьбы. Или, как выразился Гейне, «чтобы получить входной билет в европейскую культуру». Сейчас в мире живут миллионы потомков этих людей. Евреями они не считаются. Если кто-то из них в наше время женился на еврейке и дети его стали евреями, то это не потому, что у их прадедушки была еврейская кровь.

Сионистское движение, возникшее в конце XIX века, было ответом на два вызова еврейскому народу. С одной стороны, на расовый антисемитизм, который появился как реакция европейского общества на массовые крещения. Отдельных крещеных евреев это общество способно было переварить, но двести тысяч людей, многие из которых вошли в самую верхушку его элиты, переварить оно не могло и отреагировало расовой теорией, которая при Гитлере проявилась на практике. С другой стороны, сионизм отреагировал на сходную угрозу со стороны ассимиляции. В это время она становилась массовой и добровольной, основной ее инструмент – крещение и смешанные браки. Лидеры сионистского движения считали, что единственный способ удержать людей от растворения в окружающей среде – увести их в еврейское государство.

Александр Локшин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН:

– Хочу обратить внимание на некоторые важные реалии в еврейском мире России XIX–XX веков, связанные с противоречиями в самой еврейской общине и ролью власти в этом контексте. Прежде всего это религиозный раскол между хасидами и миснагедами. Для решения своих противоречий и те и другие активно обращались к светской власти. Особенно это характерно для миснагедов: они чувствовали, что теряют позиции среди простого народа под напором хасидского движения. Я имею в виду первые десятилетия XIX века. Недавно читал в архиве любопытный документ, где некий литовский раввин обвиняет хасидов в том, что они используют книги, где употребляется слово «акум», которое он переводит как «христиане» (хотя на самом деле речь идет о язычниках), и тем самым будто бы учат ненавидеть христианские народы. На этом основании раввин предлагает Третьему отделению, то есть тайной полиции, применить к хасидам самые жесткие репрессии.

Показательно, что власть на эти многочисленные доносы реагировала спокойно. Для власти все они – евреи, независимо от того, хасидская ли это секта, как ее тогда называли, или раввинисты. Существовало

указание графа Бенкендорфа о том, чтобы отношение к этим группам было одинаковым, поскольку и те и другие – противники христианства и приверженцы Талмуда. Некоторые нюансы появились в 1860–1870-х годах, когда на хасидских цадиков начались гонения, за ними установили слежку. В целом же власть к евреям относилась как к единому целому, из которого не выделялись (за исключением караимов) какие-то особые привилегированные группы. Ситуация начала меняться с 1860-х годов, при Александре II, когда происходила выборочная интеграция – определенные группы евреев получили право жить вне черты оседлости. Но это было связано не столько с политикой «разделяй и властвуй», сколько с началом эмансипации, которая в царской России так и не была завершена.

В начале XX века наблюдается новое явление. Когда возникли еврейские политические партии, департамент полиции пытался противопоставить некоторые еврейские организации друг другу. Появилась так называемая Независимая еврейская рабочая партия – марионеточная организация, созданная московской охранкой, которая просуществовала несколько лет. С ее помощью пытались расколоть и поставить под контроль еврейское рабочее и социал-демократическое движение. Практически в то же время режим стал покровительствовать российским сионистам, желая способствовать массовой эмиграции евреев и таким образом решить пресловутый «еврейский вопрос». Но это лишь эпизоды отношений российской власти с еврейским населением.

В 1920-х годах советский режим создает Евсекцию: ударный отряд большевиков-евреев, который используют для создания «нового советского еврея», полностью отличного от своих собратьев за пределами СССР. А в последние десятилетия советского режима власть широко использовала так называемые «письма еврейских трудящихся», пресс-конференции «дважды евреев Советского Союза» и Антисионистский комитет. Если прежде многое делалось для раскола еврейства, то в позднесоветские времена налицо было нагнетание враждебности к евреям в целом для превращения в сознании населения евреев и Израиля в «образ врага».

В период гибели советского режима мы наблюдали создание специальных обществ, типа «Памяти», которые пытались обратить общественное недовольство в сторону евреев, чтобы покончить с нараставшими тогда демократическими процессами. Есть еще один аспект: вмешательство государственной власти и внедрение спецслужб в еврейское движение как в период застоя, так и позже, во времена перестройки.

Всё это любопытно было бы сравнить с современной ситуацией, с тем, какие формы влияния и давления на еврейскую диаспору преобладают в политике нынешних власть имущих.

Ἀέεοί δ' ἐν Ἴσραήλ, εἰς ἅπαντα ὀρεῖται ἡ ψυχή, ἀεὶ δὲ τὸ ὄριον αὐτῶν τὸ πᾶν τὸ ἐστὶν ἐν Ἰσραήλ ἅπασαν ἐπίγειον ἄστρον «Nyōab»:

– Я занимаюсь историей восточноевропейского еврейства, весьма отдаленным от нас периодом. Однако не могу не заметить совпадений, структурных параллелей, типологического сходства жизни еврейских общин Восточной Европы в разные исторические периоды.

С одной стороны, допустимо видеть истоки конфликтов в том, что еврейские общины Восточной Европы были разбросаны и абсолютно автономны, по сути представляли собой некий микрокосм. Управление принадлежало кагалным властям: главам общины, раввину, парнасам, бейс-дину и т. д. Построенные таким образом, самоуправляемые и автономные общины, рассеянные по территории Восточной Европы, сознательно и жестко сопротивлялись любым попыткам королевской власти централизовать их и создать еврейское единоначалие. Например, провалились – в результате саботажа – попытки польского короля Сигизмунда I назначить «главного еврея королевства», которому подчинялись бы все общины. Королю пришлось согласиться с существующей практикой общинного самоуправления без централизации власти. Может быть, утверждение, что эта сложившаяся практика автономии и независимости «вписана в генотип», было бы слишком сильным, но она стала нормой существования, которую мы, возможно, психологически унаследовали.

Не могу не упомянуть о конфликтах, как бы вписанных в структуру еврейской жизни, – о конфликтах между общинами и о конфликтах внутри общины. Одним из путей, который избирался для их разрешения, становилась апелляция к внешним властным структурам – к королевской/царской власти или даже к христианской церкви.

Вот некоторые примеры. Конфликт в еврейской общине столичного Кракова XVI века, когда противоборствовали две ее части – местная польская и чешская, прибывшая в город в результате гонений. По главному, неразрешимому вопросу конфликта – кто будет раввином – апеллировали к королевской власти, и в результате было принято компромиссное решение об избрании двух раввинов: одного для чешской, другого – для польской общины.

религиозной идеи, но и стремятся к тому, чтобы все евреи стали такими же. Если какие-то евреи не могут стать хабадниками, то, по крайней мере, жизнь общины должна руководиться Хабадом. Этому монополистическому прозелитизму противостоит достаточно полиморфная группа, которую я назвал «не-ФЕОР».

В основе этого конфликта лежит важный вопрос о плюрализме в еврейской общественной и религиозной жизни. Он имеет мало отношения к теологическим основам хасидизма или реформизма, но, безусловно, имеет отношение к фундаментальным основам организации еврейской общины. Следует признать, что проблема плюрализма никоим образом не сводится к амбициозности лидеров.

Как мыслится еврейская община? Вариант первый: некий зал, где находятся евреи, и в этом зале есть множество дверей – каждый еврей может открыть ту дверь, которую хочет. Вариант второй: в этом зале только одна дверь, куда все евреи и должны войти. Это серьезный, принципиальный конфликт, который имеет отношение к базовым понятиям человеческой жизни, к понятиям свободы и прав человека. Я приведу пример, когда переход синагоги к другой общине не вызвал никакой реакции. Синагога в Омске была единственным зданием, принадлежавшим реформистской общине. Туда однажды пришел Роман Аркадьевич Абрамович в сопровождении тогдашнего омского губернатора. Зашли, осмотрели, похвалили. И говорят габаю: «Ты молодец, всё у вас хорошо, только единственное – вам надо в ФЕОР перейти». «Есть!» – ответил габай. И перешел. Это не вызвало особенной реакции. Кстати, почему? А потому, что реформистский иудаизм в России необычайно слаб, чему есть свои причины. На мой взгляд, история развития реформистского иудаизма в России – это история классического провала программы. Люди, которые взялись за эту программу, совершенно не понимали, где они находятся и что следует делать. И в противостоянии ФЕОР – не-ФЕОР реформистский иудаизм практической роли не играет. Поэтому переход омской синагоги от реформистов в ФЕОР вызвал лишь грустную усмешку.

Скажу еще об одном обстоятельстве, чреватом конфликтом. Большинство алохических постановлений, собранных в «Шулхан Орухе», конфликта не вызывают. А постановление, которое определяет еврейство по материнской линии, в сегодняшнем еврейском обществе конфликтно. Естественно, если во главе общины стоит движение, которое настаивает на неизблемости Алохи, рассматривает Алоху как Б-годанную, неизменяемую сущность, то эта ситуация конфликтна. Конфликтна, поскольку около 90 процентов браков, которые заключают евреи в России, являются межнациональными. И вообще, эта ситуация чревата взрывом в следующем поколении во всей еврейской диаспоре. Об этом писал Александр Синельников. Но нет у евреев Папы Римского, который мог бы сказать: молодец, Синельников, а ну-ка давайте напишем по этому поводу буллу. Нет у нас булл!

Очевидно, что нередко за конфликтами стоят вполне серьезные идеологические разногласия. Поэтому, во-первых, мы конфликтны, как и другие люди. Второе: у нас есть своя специфика, которая определяется тем, о чем говорила Виктория Мочалова. И в основе конфликтов, наряду с такими общечеловеческими вещами, как амбициозность лидеров, борьба за ресурсы и стремление к свободному выбору, лежат и другие серьезные вещи, которые затрагивают базисные понятия общественного существования.

ТАТЬЯНА РЫБАКОВА:

«СЧАСТЬЕ? ВОЗМОЖНО, ЭТО МИР С САМИМ СОБОЙ»

Беседу вела Татьяна Бек

Одно из последних в своей жизни интервью Татьяна Бек провела с Татьяной Марковной Рыбаковой, журналисткой, неординарной женщиной, жизнь которой прошла рядом с поэтом Евгением Винокуровым и писателем Анатолием Рыбаковым. Татьяна Бек и Татьяна Рыбакова знали друг друга многие годы и любили друг друга. Вот как протекала беседа двух Татьян.

– Мы не можем не вспомнить вашего первого мужа, замечательного поэта Евгения Винокурова. Лучшие его стихи посвящены вам. «Моя любимая стирала...» Мне интересно, как возникали эти потрясающие лирические стихи: что, действительно вы стирали или речь идет о какой-то лирической героине?

– Я действительно стирала. У меня тогда родилась Ирка. А дело было в барской квартире, превращенной в начале 30-х годов в коммуналку, в которой две смежные комнаты получила моя свекровь Евгения Матвеевна. Она меня очень любила и вообще была замечательной женщиной, но совершенно чуждой нам с Женей по духу. Она была партийным работником, до войны первым секретарем райкома, но, уже будучи на пенсии, всё продолжала Женю учить: «Не те стихи пишешь. Нет патриотизма...»

– А отец его кто был?

– Его звали Михаил Николаевич Перегудов. Он был военный. Насколько я знаю, они с Жениной матерью встретились в Гражданскую войну.

– У Винокурова было хоть что-то еврейское?

– А как же. Евгения Матвеевна была еврейкой. Женин отец в юности был истово верующим, православным. Соблюдал посты, бил челом перед иконами. Потом устремился в другую веру – коммунистическую. Мать была из семьи шляпника. Ее готовили стать модисткой. Но они вместе ушли в революцию. Встретились на фронте и не расставались больше.

– А как же Винокуров в такой семье вырос? Не скажу, чтобы он был очень оппозиционный человек, но всё же...

– Нет, он был оппозиционный человек! Хотя эта оппозиция не принимала формы откровенного вызова. Он шутил: «Я не могу воевать с атомной державой». Но ты же знаешь, Таня, для него были абсолютно исключены идеологически выигрышные темы. Винокуров прошел войну, в двадцать один год был мобилизован с гипертонией и туберкулезом. Он старался избегать любых волнений и надеялся меня к этому приучить. Помню такой эпизод: Женя купил нам с Ирочкой билеты на американский фильм с черными ангелами на мотоциклах. Уже погас свет, мы сидим, вдруг открывается дверь в зал, и Женин голос: «Таня и Ира, скорее выходите, фильм тяжелый».

– Потрясающая деталь.

– Так вот, родители его, истовые коммунисты, мотались по стране, мать работала в женотделах. Однако в 1924 году Михаил Николаевич оседает в военной части в Брянске. 22 октября 1925 года рождается Женя. Отец идет в родильный дом, ему выносят младенца: всё лицо исцарапано в кровь... Он в ужасе. «Что случилось?» – спрашивает акушерку. Она говорит: «Сама не знаю, может, жизнь будет тяжелая...»

– То есть он уже на свет появился в каких-то муках.

– Отец настолько перепугался, что на следующий день пошел в загс и записал сына Винокуровым и дал ему имя матери. «Почему так?» – спрашивала я. Он посмеивался и уходил от ответа. Между прочим,

потом уже, в Коломые, в конце войны, цыганка-гадалка взяла Женину руку, посмотрела и сказала: «Я тебе гадать не стану».

– **Почему? Было что-то страшное?**

– Наверное, в его жизни было что-то заранее предназначено. Я сегодня была на Новодевичьем кладбище. Он умер 23 января 1993 года. Ему было шестьдесят восемь лет.

– **Как вы считаете, все его лирические стихи были адресованы вам?**

– Да, они были адресованы мне.

– **Я очень любила его стихотворение, написанное верлибром: «Осень, Таня, осень и невезенье...»**

– Это стихотворение называлось «Неудача». Оно заканчивалось строчкой: «Это осень, Таня. Да, осень. И невезенье». Одна его книжка так и называлась: «Она». Но вот парадокс. Винокурова называли «певцом семьи», но именно ему нужна была полная свобода от семьи. Как писал Евтушенко: «И вот глава кутил и балагуров, / Забыв семью, как разговор пустой, / Идет мой друг Евгений Винокуров, / Из всех женатых самый холостой». Пойти со мной в ЦДЛ для него было мукой! На кого-то я посмотрела и улыбнулась, с кем-то поговорила лишние две минуты. Всё! Вечер испорчен! Или кто-то нам звонит, я беру трубку и говорю опять какие-то лишние минуты, прежде чем трубку передать ему. Этим людям отказывалось от дома!

– **Есть такая поговорка: «Кто чего боится, то с ним и случится».**

– Были у него такие строчки: «Она уйдет, и я умру». Знаешь, его идеал семьи: жена ждет дома, поддерживает огонь в очаге... Я злилась, конечно. А он возвращается домой, и первый вопрос: «Таня дома?» Тани нет. Он, не снимая пальто, берет телефонную книжку, в которой на имя «Таня» не только мои рабочие телефоны, но и телефоны моих подруг: Евгении Самойловны Ласкиной, Тани Слуцкой, Гали Евтушенко, Мирели Шагинян. Начинает обзванивать. У Гали никто не подходит. У Тани никто не подходит. Мирели нет дома. «Евгения Самойловна, здравствуйте, Таня у вас? Можно ее на минутку?» – «Да, пожалуйста». – «Таня, что-то грустно, одиноко, приезжай, а?»

– **Давайте поговорим о вашей семье. Во сколько лет вы остались без родителей?**

– В девять. Мой день рождения 7 сентября, а отца арестовали 9 ноября.

– **А кто он был?**

– Первый заместитель Микояна – наркома пищевой промышленности. Родители мои познакомились и поженились в Париже. Оба учились на медицинском факультете. Мама ушла с третьего курса, потому что родился ребенок (он умер в младенчестве), а потом уехала в Россию. Отец же окончил Сорбонну с отличием.

– **А как они оказались во Франции?**

– Ты же знаешь, в России существовала процентная норма для поступления евреев в Московский или Петербургский университеты. Поэтому многие уезжали учиться в Швейцарию, в Германию, во Францию. Родители мои с детства учили французский язык и поехали в Париж. Отец был родом из Баку, мама – из Витебска.

– **Какой это был год?**

– Где-то 1908–1909 год. Они были ровесники. Мама училась вместе со своей старшей сестрой Беллой, женой писателя Михаила Левинова. Тетя Белла была старше мамы на год. И их вдвоем отправили во Францию. В первые же каникулы они уехали то ли в Иран, то ли в Египет, не знаю куда. И по Витебску пошел слух, что их украли в гарем. Моя бабушка поехала их искать и разыскала! Оказалось, никакой не гарем, просто они путешествовали. У дедушки моего, маминого отца, был магазин «Ткани», он был купцом второй гильдии. Отец отца заведовал нефтяным прииском в Баку. Это были обеспеченные люди.

– **Каковы были фамилии мамы и папы?**

– Папа был Беленький, мама – Минц. В маминой семье было восемь детей, в папиной – семь. Отцова семья вся ушла в революцию.

– **Вот интересно, от чего евреи так шли в революцию? Видимо, из-за черты оседлости? У меня тоже по одной линии такие люди...**

– Нет. Мне кажется, это была такая страсть, которая охватывала интеллигенцию вообще, не только евреев. Причем именно из богатых семей, которые теряли больше всех.

Когда отец окончил Сорбонну, его хотели там оставить. Франция тогда была союзницей России, шел 1914 год. И отец мой воевал во Французской армии. Затем через Персию каким-то образом он вернулся в Баку. Встретил Микояна, единственного из живых бакинских комиссаров. Были ли они знакомы раньше, не знаю, но Микоян вовлек его в коммунистическое движение, и отец ни одного дня не проработал по профессии – психиатром. Ушел в революцию. Такова была сила тех лозунгов. Очень многие так поступали. Они считали, что это прогнивший мир... Мы не можем их судить.

– **А я и не сужу.**

– Видимо, так сильна была эта идея, они потом только поняли, что революция пожирает своих детей. А могли бы жить безбедно... После отца в Сорбонну поехал учиться его младший брат. Это был знаменитый в Москве хирург Беленький. Он первый у нас в стране ввел переливание крови.

– **Вообще, вы из такой семьи, я вам скажу...**

– Для меня воспоминания о моей семье были очень важны. Воспоминания о родительской ласке, о родительской любви поддерживали мое достоинство. Больше мне не на что было опереться. Мы – дети «врагов народа», оставшись сиротами в семь, восемь, девять лет, по существу сами себя воспитывали. Я научилась не показывать обид, крепиться, не плакать, не выяснять отношений, другими словами, держать достоинство. Не знаю, удачным ли получился из всего этого сплава мой характер. Винокуров, например, писал в одном из своих стихотворений: «Характер, изогнутый как лекало, был абсолютно непостижим».

– **Это про вас?**

– Да.

– **А вы помните родителей?**

– Помню. Я даже помню какие-то устои нашего дома.

– **Вы жили в «Доме на набережной»?**

– Да. Но поскольку мать родила меня, когда ей было тридцать восемь лет, то врачи настояли, чтобы я жила за городом, на воздухе. И я с какими-то воспитательницами жила за городом на Сходне. Там была двухэтажная дача. В тот момент Фадеев разошелся с Герасимовой, и ему негде было жить. Родители дружили с Фадеевым, Светловым, Либединским. Они ему говорят: «Да живи у нас, Танька тебе мешать не будет». И он жил у нас.

– **Сколько вам было лет?**

– Что-то около шести. Наверное, это был 1935-й год.

– **Он тогда уже сильно пил?**

– Возможно. Но я никогда его не видела пьяным. Знаешь, это была огромная дача, бывшая школа, где была бильярдная. В этой бильярдной жила моя белка в клетке с колесом. Моя задача была кормить ее орешками. Я входила каждое утро в комнату и видела пустые бутылки под бильярдом. Откуда они брались, я

не понимала, да и не задумывалась об этом. Фадеев меня очень любил, мы дружили. В тот момент моя тетка Антонина, отцова сестра, которая работала за границей, – у нее было подпольное имя Инка – вернулась в Москву. Алеша, ее сын, родился за границей. Она привезла его в Москву пятилетним, он ни слова не говорил по-русски, только по-немецки. Жил Алеша у нас, это был мой второй брат, на год моложе моего родного брата. И вот эта Инка поселилась у нас на даче. У нее начался бурный роман с Фадеевым. Он тогда писал «Последний из Удэге».

– **Хорошая вещь, я считаю.**

– По-моему, так и не оконченная. Я считаю, что «Разгром» очень сильная книга... Характер у Инки был, как у фурии. Она жила в Японии под видом немки. Ночью ее будят, спрашивают что-то по-русски, и ей нужно со сна ответить по-немецки. Представляешь, какой страх... И вдруг роман с Фадеевым! Он ведь был потрясающе красивый. Потом мы все вместе поехали в Сочи. Инка была еще с ним, папа, мама, я. Меня укладывали спать, а у них начиналось веселье. Самый красивый, раскатистый смех был у Фадеева. Я его обожала.

Закончился отпуск. Родители из Москвы тут же уехали в командировку, а мы с Фадеевым вернулись в свою Сходню. Видимо, в поезде я подцепила скарлатину. Температура сорок. Он вызывает «скорую» и везет меня в больницу, всю дорогу держит за руку. Говорит мне: «Танька, не бойся, я буду тебе петь». И поет песню «Ты ж мое серденько»... Он привозит меня в больницу, врачи осматривают и подтверждают диагноз. Он прощается со мной и напоследок просит: «Танька, тебе сейчас отрежут косы. Не сопротивляйся». И меня бреют наголо.

...Отец возил меня в театр. Первым делом он повез меня на «Лес» Мейерхольда. Потом повез на «Спящую красавицу». Я просто обалдела в Большом театре! Побежала ночью к маме. Она еще не спала, ждала отца, и я ей выложила свою идею: мою куклу надо отвезти на бал. Мама согласилась и даже придумала, что бальное платье сошьет ей из своей старой батистовой, в черную крапинку, блузки. Родители одевались очень скромно. У отца был «партмаксимум»: у меня немка, учительница немецкого у братьев, жалованье моей няне Анюте, книги, которые покупались в неограниченном количестве, – и на руках не оставалось ничего. Мама, если ей надо было идти на прием, одалживала выходные туфли у Анюты.

– **Был какой-то культ аскетизма, и это оставалось у таких людей до конца жизни.**

– Конечно. Когда отца реабилитировали, помимо девяти тысяч отцовой зарплаты за два месяца, я получила шестнадцать тысяч за конфискованное имущество. В список входили книги, велосипед, который мне купили на вырост, мамина меховая жакетка и ковер. Сейчас кухня в любом доме стоит гораздо дороже! А тогда мебель в доме правительства была с бирками.

– **Да, казенная. У моего папы было описано в «Новом назначении». Мебель с железными бирочками, холщовые чехлы.**

– Это я помню прекрасно. Г-споди, как давно я это читала!.. Кстати, тогда уже из Сходни мы переехали в Ильинское по Казанской дороге. Мама мне говорит, что через несколько дней она придет на дачу и привезет платье для куклы. Я прихожу из школы, открываю дверь, мама стоит на пороге. Я к ней кидаюсь: «Привезла?» Она говорит: «Нет, Танюшенька, не привезла. Папу арестовали. Я приехала за тобой, быстро пообедай, сложим твои вещи и едем в Москву». Мне было девять лет, это было 9 ноября... Как рассказала секретарша, папа вошел в кабинет Микояна и через пять минут вышел, хлопнув дверью, а возле лифта его уже ждали. У меня есть его «дело». Фотографии в профиль, анфас, уже выбитые зубы...

Мама записала меня в 19-ю школу на набережной, где английское посольство. 13 января надо было в школу идти, а 12-го мы были в гостях у тети Беллы. Возвращаемся домой, мама открывает дверь, а там стоят трое с винтовками и наш вахтер. И маму забирают. Это был ужас, конечно. Вот так вот расстаться с мамой... Я даже не помню, как мои братья с ней прощались. Всё было, как в тумане. Потом утром приехала тетя Дина, взяла меня к себе и спасла таким образом от детского дома. Потом я переехала к Давиду Беленькому, к моему дяде по отцу.

– **Вы жили у них?**

– Жила. Мне вспоминается один любопытный факт. Мне девять лет. Я прихожу в школу, в незнакомый класс, в середине года. И меня никто не спрашивает, почему я пришла. Все понимают.

– **Такая тактичность? Или страх?**

– Нет, не страх. Просто все знали, если она пришла среди года, значит, у нее арестованы родители. Аресты шли повсеместно – ты же знаешь! Дети девятилетние это понимали! Мне кажется, это очень важно.

– **Конечно, важно. А от мамы были какие-то вести?**

– Какие там вести! Можно было писать ей открытки, они все проштампованы «военная цензура». Я, помню, думала: ну что писать? Хожу в школу... Писать же нечего, по существу. Юру, брата моего, которому тогда было уже шестнадцать, исключили из комсомола за то, что он отказался отречься от родителей. Он ушел из школы, окончил заочную, он умел водить машину...

– **Он умер?**

– Погиб на фронте. Алеша первый погиб.

– **У вас два брата погибли на фронте?**

– Да, два брата погибли на фронте. Юра, зарабатывая деньги, развозил по ночам хлеб. Потом он поступил на биофак, был сталинским стипендиатом. Он был очень талантлив. Он маме писал письма (они у меня хранятся) о своих докладах. Я же писала: «Мамочка, дорогая, как я скучаю...» Глупейшие были письма, ну, ребенок пишет маме. Связь прерывается... Понимаешь, я без мамы жить не могла. Мамы долго не было, я подходила к ее халату и прижималась к нему. Запах родной. А у Юры уже была духовная связь.

0àí á 0 ò ò è ã ä ä

1931 ã ä

– **А когда вы виделись с ней после ареста, сколько вам было лет?**

– Мне было уже четырнадцать. Я поехала за ней в лагерь, так как она была списана по болезни. Там целая история. Когда Рыбаков в «Детях Арбата» ввел фигуру порядочного энкавэдэшника, его спросили: почему ты сделал его таким? Он ответил: один из них помог добраться Тане к матери в лагерь.

– Когда вы к ней приехали в четырнадцать лет, вам трудно было?

– У меня было такое ощущение: приеду к маме, увижу ее, и мы замрем, крепко обнявшись. И это будет счастье. Вывели женщину, чужую, чужой запах, и на меня как ступор нашел. Она подошла, погладила меня по голове... Она всё поняла.

– А потом отношения восстановились?

– С трудом. Я в восьмом классе, на мне всё хозяйство, я живу у тети Дины, тетя Дина на двух работах... То есть я должна отovarить карточки, приготовить обед, постирать белье на железной ребристой доске, убрать комнату. Толя (А. Рыбаков. – Ред.) меня спрашивал: «Когда же ты делала уроки?» Я отвечала: «Ты прямо как моя мама! Уроки я делала по вечерам». Мы, дети, отвыкали от матерей. Четырнадцать лет! Я сама себе хозяйка! Двойка в четверти по дисциплине: читала на уроке «Нана» Золя. «Вот, оказывается, чем интересуются наши девочки! Жизнью проституток!»

– Меня так же с Мопассаном поймали.

– По алгебре в году должна была быть двойка. В лучшем случае переэкзаменовка, в худшем – оставят на второй год. Посадят некрасивого подростка с толстыми ногами в розовых чулках по ордеру, в тесной, также полученной по ордеру, байковой юбке на заднюю парту. Все будут смотреть с презрением.

У мамы сделалось такое печальное лицо, что я прикусила язык. Я выучила учебник Киселева наизусть! И получила пятерку, все двойки в четвертях уравновесились этой пятеркой. Или я иду, мне уже восемнадцать лет, ресницы намазаны синей тушью. Мама говорит: «Танюшенька, почему у тебя синие ресницы?» – «Потому что мне так нравится». То есть полное противодействие.

– А мама долго еще потом прожила?

– Маме было пятьдесят два года, когда кончилась ссылка. Сестры собрали совет: что делать Нате. Аня, няня моя, жила уже у Потемкина, министра просвещения. Я написала письмо Микояну, Потемкин передал его. И маме дали Загорск, а не Александров. Сестры устроили ее куда-то, делопроизводителем, что ли, там была маленькая каморка, где она ночевала. Я к ней постепенно привыкала...

– А жили вы где?

– Я жила по-прежнему у тети Дины, еще жила у Шумяцких...

– Шумяцкий – это знаменитый министр кинематографии?

– Да. Дело в том, что Катя Шумяцкая была невестой моего брата. И когда она меня встретила, сказала: «Поживи у нас». Это был райский дом для меня. Я с Катей жила в одной комнате. Там жила еще ее сестра Нора, у которой посадили мужа и было два сына. Жену Шумяцкого выпустили умирающей из тюрьмы, а самого Шумяцкого расстреляли. Это был мой родной дом. Я так хорошо жила у них, а от них уже пошла работать в ЦДЛ.

– Теперь переходим к Фадееву.

– Катя училась в Полиграфическом институте, и я подумала: пойду в Полиграфический. Это всё-таки гуманитарный вуз. Короче говоря, пришли мы с мамой к Фадееву. Он нас принял у себя дома. Так радостно, обнимал и целовал маму. И сказал: «Пусть Танька ко мне придет, я ее устрою дежурным секретарем в Дом литераторов. Она будет день работать с 9 до 12, а день учиться». Я не сомневалась, что пойду в институт. Конечно, я его называла уже Александр Александрович, а он меня Татьяна. Так я стала работать в ЦДЛ на Поварской... Там широкая старинная лестница... Я уже с пятой ступеньки видела (так начался роман с Рыбаковым), кто идет. Он нарочно замедлял там шаг.

– **А вы с первого взгляда, как увидели Рыбакова, что-то почувствовали?**

– Нет, не с первого раза. Когда я пошла туда работать, у меня была первая любовь, студент-физик, – я писала о нем в книге.

– **Расскажите о своей работе в ЦДЛ.**

– Я пришла туда, щеки у меня пылали от смущения, мне было девятнадцать лет. Там работали люди, которым от тридцати пяти до сорока, все смотрели на меня и все знали, что меня прислал Фадеев, и, видимо, знали мою биографию. Относились ко мне очень дружелюбно. Там был такой замечательный дядька, фотограф Пархоменко, который сказал: «Вот и младенец у нас появился в коллективе». Мирный одернул его суровым взглядом. Наум Борисович Мирный был директором Дома литераторов.

– **Вы явно верите в какие-то высшие законы, что вам ближе – христианство?**

– Я верю в Б-га, но я свободна от какой-то определенной религии. Помню, в начале 60-х мы поехали с Винокуровым в Болгарию. У него там вышла книга. И к нам пришел в гости их знаменитый поэт – по-моему, его звали Орлин Василев. Мы приехали из атеистической страны, он завел разговор о Б-ге и сказал: «Как же я могу не верить в Б-га! Кого же тогда я буду благодарить!» Эти слова мне очень многое дали. Я всегда старалась жить по Б-жьим законам. Никогда не могла никого унижить и даже в своей книге старалась никого не унижать.

– **Да, да. Я книгу читала и удивлялась, что она получилась такая интересная, хотя вы не позволили себе пуститься в сплетни. А вам было что сказать о многих персонажах, я это вижу. Где у вас срабатывал «шлагбаум»? И еще один вопрос: как вы воспринимаете чужие мемуары, где живые про живых пишут абсолютно всё...**

– Я не читаю такие мемуары. Мне это просто неинтересно. Я люблю Нину Берберову, «Курсив мой». Мемуары выдают человека больше всего.

– **Абсолютно. Там видно даже то, что человек утаивает.**

– Не в этом дело. Всё видно: умен человек или глуп, мстителен или великодушен. У меня было много обид на Винокурова, но я нарисовала его благородным человеком, каким он и был. Всё-таки наша жизнь была счастливой не только потому, что мы любили друг друга. Винокуров был одним из самых умных и образованных людей, каких я только встречала.

– **Тем не менее глава о Винокурове в вашей книге мне кажется более «зажатой»... Наверное, тут ничего нельзя поделать – автор не может «расписаться и разболтаться» до полной открытости. Пусть остается так: со сжатыми губами, но, может быть, где-то это проговорить буквально в одной строке...**

– Я это учла и закончила главу, вставив две фразы: «Больше мы с Винокуровым никогда не виделись. Не знаю, что было бы с нами обоими, если бы мы где-нибудь с ним столкнулись».

– **Вернемся к вашей жизни. Вы потом стали журналистом, работали на радио...**

– Я работала на Иновещании. Это была замечательная редакция, которая давала материалы на все редакции и где устраивали прослушивание. Заведующим редакцией был Чертков. От нас требовали не просто информацию, мы должны были написать это изящно, уметь подать это. Два лучших диктора читали наши материалы.

– **А кто вас туда устроил?**

– Володя Понизовский. Был такой журналист. Он написал книгу о Зорге. Он дал мне попробовать себя на внештатной работе. Я сумела написать. Однако в штат меня не брали. И тогда Виталий Михайлович Озеров посоветовал пойти в ЦК и поговорить с человеком, который ведал радио. Я пришла, а он спрашивает: «Почему, вам кажется, вас не берут на работу в штат?» «Это ясно – я еврейка», – отвечаю. Он говорит: «А разве у нас евреев не берут?» – «Тем не менее факт налицо. Я уже два года работаю внештатно. Никто меня не берет, хотя хвалят». Через некоторое время пришло распоряжение взять меня. Чертков, инвалид войны с одной ногой,

ифлиец, который ценил меня как работника, когда ему сказали: мы ее не берем, так как она не член партии и еврейка, ответил: тогда я подам заявление об уходе.

– **Всё-таки хороших людей в жизни оказывается немало.**

– Всего два процента плохих! В моей жизни было девяносто восемь процентов хороших людей.

– **Это удивительный ответ.**

– Да, замечательные люди были вокруг. И меня взяли. Я попала в редакцию, где работали асы. Визбор, Есин... На трех страницах сделать материал очень трудно. Я прошла замечательную школу.

– **Редактирования?**

– Не только редактирования. Я должна была сама писать тексты. Помню, сижу в консерватории, мне не дается какой-то материал, я слушаю музыку и вдруг понимаю, что именно мне надо сделать...

– **Это меня безумно интересует! Лаборатории эти. Про что вы там писали, когда на радио работали?**

– У меня были разные темы. Завод, семья... Это, конечно, мне было не так интересно. Интереснее стало, когда меня пригласили в «Кругозор».

– **Да, «Кругозор» был модный звуковой журнал.**

– Однако школа Иновещания мне очень много дала. Интересно или неинтересно, а материал должен был быть отточен. Особенно ударной должна была быть первая фраза. Помню, отмечался какой-то юбилей Мурманска. И один наш талантливый парень начал свой очерк так: «Мичману приснился не порядок».

– **Прелесть! Это настоящая проза.**

– Ты представляешь, я помню эту фразу тридцать лет! Такая школа была!

– **В ту пору вам не хотелось писать прозу? Вы никогда не предполагали, что напишете роман?**

– Никогда. В «Кругозоре» я должна была заведовать литературно-театральным отделом. Но для того, чтобы стать заведующей, мне нужно было вступить в партию. Я отшучивалась. Тогда меня включили в отдел Люси Кренкель. Скажу без всякой скромности, у меня были хорошие пластинки.

– **Какие, например?**

– Первую пластинку я делала с Яншиным. Я была у него дома два раза. Он жил на улице Горького, в доме, где был магазин «Пионер». Я приехала к нему, и он говорил о том, как он борется со зрителем, который... смеется над несчастной любовью. И вдруг он заплакал... Я вернулась домой, совершенно в беспамятстве, договорившись, что на следующий день продолжу эту запись. Женька мне говорит: «А как же, разве ты не знаешь о Полонской?» Вера Полонская была женой Яншина. И Маяковский, который играл с Яншиным в карты и бывал вместе с ними на бегах, просил ее признаться мужу, но она не могла решиться. Яншин узнал о том, что между ними связь, только когда прочел завещание Маяковского...

– **Он вам всё это рассказывал?**

– Нет, он мне ничего не рассказывал. Он просто рассказывал, как он борется со зрителем, который смеется над разбитой любовью, и плакал. Наша пластинка должна была уместиться всего в шесть минут плюс несколько страниц, определяющих ее. Психологи во Франции рассчитали, что внимание человека можно держать только шесть с половиной минут. Если у меня было 6,31, ее снимали. Поэтому когда у меня было пять часов записи, мы всё переписывали, чтобы материал не «зарезали», и самый опытный оператор делал по моей

модели то, что мне было надо. Мы «лепили» людей, и это было потрясающе. Это была такая работа... Если бы мне за нее не платили, я бы платила сама.

– Как же начался роман с Рыбаковым?

– Помнишь, я рассказывала, как он, появляясь в Доме литераторов, специально замедлял шаг на пятой ступеньке, чтобы я его заметила? Сначала я не обращала внимания, а потом мне показалось это забавным. И начался роман, как вялотекущая болезнь. Мы иногда с ним долго не виделись, потом вдруг встречались и в течение недели почти не расставались. Но затем он снова исчезал. Я еще была влюблена в него, а он, наверное, меня уже разлюбил. Так мне казалось. В «Романе-воспоминании» Рыбаков дал совсем другое объяснение нашей истории. Он написал, что никогда не отпустил бы меня от себя, но над ним опять нависла угроза. Сталин при обсуждении кандидатур на премию своего имени сказал, что рыбаковская книга («Водители») – лучшая в году, но автор – «неразужившийся троцкист». И это было чревато самыми непредвиденными неприятностями, вплоть до нового ареста. Конечно, в это время он не мог связывать свою жизнь со мной. Мне же казалось тогда, что он лукавит. В этот самый напряженный для него момент мы и расстались. У меня осталось ощущение, что он мной пренебрег... И вдруг, через двадцать лет, мы оказались в одно и то же время в Коктебеле. Знала бы я, что у нас совпадут путевки, никогда бы туда не поехала. Вот уж кого не хотелось мне видеть, так это Рыбакова. Но наши пути вновь пересеклись, и можно сказать, что мы уже больше не расставались. Хотя я ушла к нему от Винокурова только через семь лет.

À. Ðàààèíà áííàí èààèíàðá á Ì áðàààèèíí. Èííàð 1990-ò áííà

– А как вы встретились с Винокуровым?

– Мы познакомились в том же Доме литераторов. Честно говоря, я даже не помню как. Но у него была такая версия нашего знакомства. В Москву из Тбилиси приехал Женин сокурсник – поэт Отар Челидзе. Они пришли в ЦДЛ выпить по бокалу вина. И Отар, увидев меня, сказал ему: «Вот невеста для тебя». «Нет, – ответил Женя, – она слишком красивая». «Но ведь и ты у нас красавец, – настаивал Отар, – какая пара из вас получится!» Я о том разговоре, естественно, ничего не знала. Здоровалась с Женей, как здоровалась со всеми. Однажды он приходит, вынимает из кармана пальто букетик подснежников, кладет передо мной. Один день букетик, второй день, третий... Я начинаю понимать, что он приходит специально, чтобы меня увидеть. Но вот он приносит мне свою книгу: «Стихи о долге». Надо сказать, что этих подаренных мне книг я боялась как огня. Я не очень верила в советскую литературу, предпочитала Марселя Пруста. Сижу, не открываю книгу. Подсаживается к моему столу Межиров. «О, у вас Винокуров, это замечательный поэт!» И читает мне наизусть

стихотворение «Обед». «Смотрите, какая строчка: “И день переломился пополам”...» Ну, слава Б-гу, думаю, буду читать... Мы прожили с Винокуровым двадцать шесть лет. Но видишь, как всё случилось...

Работая в «Кругозоре», я объездила всю страну, эти командировки были очень интересные. После одной такой командировки во Владивосток я приехала к Мирели Шагинян рассказать ей о своей поездке. Раздается звонок: Винокуров. Он говорит: «Таня, мне сегодня пять человек сказали, что ты уходишь от меня к Рыбакову».

– **А как это выяснилось?**

– Доброжелатели...

– **Что вы ответили Винокурову?**

– Я сказала «да».

– **А он?**

– «Приезжай домой, очень тебя прошу». Возможно, он боялся, что я не приеду, был очень кроток и ни о чем меня не спрашивал. Но уже вся Москва об этом говорила, и я поняла, что должна уходить. Я уехала к Елке Левиной, своей подруге. Я не могла сразу переехать к Рыбакову. 1 сентября 1978 года мы с Толей улетели в Крым, отвез нас на аэродром Эмиль Кардин, его друг, и крикнул нам на прощанье: «Счастливо!»

– **Все знают, что вы были не просто редактором и первым читателем Рыбакова, а непосредственно участвовали в его творческом процессе, он через вас пропускал свои вещи. В этом смысле меня очень интересует «Тяжелый песок» и «Дети Арбата».**

– Он мне привез первые главы «Тяжелого песка», тогда еще он назывался «Рахиль». И я ему сделала только одно замечание. Я знала его слабости. У него был блистательный диалог – самый лучший, я считаю. Но он редко пользовался деталями. Поэтому книга проигрывала. Там у него, например, сходит с поезда Рахиль, прожившая в Швейцарии два года. Я говорю: «Это уже не прежняя Рахиль сходит с поезда, а молодая дама! У нее перчатки на руках, шляпа, изящные башмачки, баулы вместо сундуков, складная коляска...» Он обрадовался, понял, что мы можем работать вместе. Это была замечательная работа, которая вдруг прекратилась. Моя свекровь, Евгения Матвеевна, слегла в больницу с инфарктом. Мы перестали с ним видеться, я ездила в больницу. Потом встретились снова. Я ему звоню, у него неприятности: не пропускают «Рахиль», требуют дать новое название. Я говорю: прочту ночью Экклезиаста и скажу тебе. И ничего не нахожу! И тут начинается мистика. Винокуров в свое время привез из Германии трехтомник Мандельштама. У меня есть много его любимых стихотворений, но тут моя рука, как будто кто-то ее вел, сразу открыла страницу со стихотворением «Сестры тяжесть и нежность». Первую строфу я знала наизусть, но надо было именно прочитать ее глазами, чтобы увидеть, что слова сами складываются в название. Помнишь? «Сестры – тяжесть и нежность, – одинаковы ваши приметы. / Медуницы и осы тяжелую розу сосут. / Человек умирает, песок остывает согретый, / и вчерашнее солнце на черных носилках несут...» Ты поняла, как сложилось название «Тяжелый песок»?

Тем более что на первых же страницах рукописи всё время упоминалась «солнечная песчаная улица», «нагретый солнцем песок», «чистый песок» в конце книги, когда искали могилу Якова, но так и не нашли... Звоню Толе. Спрашиваю: «А если назвать “Тяжелый песок”? – “Тяжелый песок”? – переспрашивает он. – Пожалуй, это неплохо, так и оставим». А позже, когда «Тяжелый песок» был опубликован в журнале «Октябрь», пришло письмо от незнакомого читателя. Он писал: «Какое удачное название у романа» – и привел слова из книги Иова: «Если бы была взвешена горечь моя, и вместе страдания мои на весы положили, то ныне были бы они песка морского тяжелее: оттого слова мои неистовы». Честно скажу, мы книгу Иова не знали. А англичане из издательства «Пингвин», которые купили роман, знали, и в «Тяжелом песке» на английском языке они дали эпиграф из книги Иова, что усиливало значение заглавия.

– **Как вы считаете, в вашей книге – которую я считаю совершенно замечательной и где вы проявили себя как талантливый прозаик – есть невольные уроки Рыбакова?**

– Мне самой судить трудно. Но Ира (дочь Т. Рыбаковой и Е. Винокурова. – Ред.) считает, что иногда мой стиль напоминает стиль Рыбакова, в частности строением фразы.

– Он вам когда-нибудь говорил, что «без тебя не было бы “Детей Арбата”»?

– Нет, не говорил, хотя я бесконечно много работала над рукописью, и он, конечно, это очень ценил.

– Как вам пришло в голову, уже после смерти Рыбакова, написать о своей жизни?

– Я не могу сказать. Сначала я написала главу о Винокурове, и все хвалили ее.

– А главу вы написали, потому что вас попросила Ира?

– Да. Но мне в голову не могло прийти, что я напишу книжку о Рыбакове. Для меня самой это тайна.

– И всё-таки был какой-то первый момент?

– Я села и написала о его смерти.

– Просто для себя?

– Для себя. Я сделала примерно пятьдесят страниц, какой-то бездарный клубок. Прочитала моя подруга и сказала: что значит «Толя умер»? Какой Толя? Значит, надо вставить фамилию Рыбаков. Ирка тоже прочитала, сказала: это не годится, надо написать по-другому. И тогда я села и стала писать по-другому. О детстве, о том, как тянет жизнь... И потом пошло.

– Скажите, Рыбаков под конец жизни ощущал себя евреем, или он считал себя русским писателем? Какова была его, как сейчас говорят, самоидентификация? Он был еврей, русский, американец, человек мира?

– Уж точно не американец и не человек мира. Он был русским писателем и всегда говорил: «Я должен быть похоронен в России». Вместе с тем он ощущал себя евреем и часто повторял: «Я еврей, я не знаю еврейского языка, но я еврей по крови, которую выпускали из жил моего народа».

– А он никогда не заходил в Нью-Йорке в синагогу? Вообще, был ли он религиозным человеком? Ведь «Тяжелый песок» – это очень еврейская вещь.

– Он не ходил ни в Нью-Йорке, ни в Москве в синагогу, он был убежденным атеистом. Только в детстве, когда он с матерью и сестрой приезжал к дедушке в Сновск, он ходил с ним в синагогу и написал об этом в «Романе-воспоминании». Что же касается «Тяжелого песка», ты права, это очень еврейская вещь, но изначальный импульс был другой. Он говорил мне: «Теперь я знаю, что такое любовь, и сумею об этом написать». Он предполагал написать небольшую новеллу в духе Мериме, но новелла переросла в семейную хронику.

– А вы себя кем ощущаете?

– Я воспитывалась на русской культуре, мой родной язык – русский, но я ощущаю себя еврейкой. Как можно отказаться от своей национальности?

– А когда говорят: вот это еврейское высокомерие...

– Почему обязательно еврейское? Высокомерие свойственно людям разных национальностей. И если во мне есть высокомерие, то я по мере сил борюсь с ним.

– Понимаю. Я также. Почему вы с Рыбаковым решили наполовину жить в Америке?

– Во-первых, Сашу, моего зятя, – а он биолог, – пригласили туда работать. Позже поехала к нему Ира с мальчиками. Разлука с ними была очень тяжела для меня, и Толя это понимал. А в 1992 году мы с ним поехали в Америку на презентацию «Страха». Думали, что повидаемся с детьми и останемся там на месяц, а

остались на два года. И вот почему. После презентации его попросили прочитать лекцию в Колумбийском университете. Он согласился и сказал: «Дайте мне поработать в вашей библиотеке». Рыбаков тогда обдумывал заключительную книгу арбатской трилогии «Прах и пепел». Он предполагал писать о второй мировой войне и его интересовали переведенные на английский язык мемуары немецких генералов. Как писали в газете «Новое русское слово», «богатейшая библиотека привязала Рыбакова к Нью-Йорку на два года». И когда уже была исписана пара блокнотов из тех воспоминаний, он решил, что будет писать только о своей, Отечественной войне, которую прошел с первого до последнего дня.

Я тем временем овладела компьютером, и Толе понравилось там работать. Он не мог перенести то, что происходило здесь.

Дочь Т. Рыбаковой и Е. Винокурова Ирина.

1971 год.

– Мы с ним тоже очень много об этом говорили. Он ненавидел советскую власть, но то, что пришло на смену... Он настолько возненавидел эту фальшь, эту войну в Чечне и эти реформы...

– А там он сидел и спокойно работал. Написал «Прах и пепел», «Роман-воспоминание».

– От него остался огромный архив. Будет ли издано полное собрание его сочинений?

– Об этом уже идут переговоры с издательствами. В РГАЛИ у него свой фонд. Причем там много папок с «замечаниями Тани». Понимаешь, как мы работали? Мы поняли, что сидеть вместе не можем. Нельзя сказать: мне не нравится эта фраза, надо объяснить почему... «Дети Арбата» он писал линиями: линия Сталина, линия Шарока. Он не писал: «Закончили обед и вышли в сад». Такого у него не было, у него были линии. Потом он перемешивал их. Это было увлекательнейшее занятие! Вот как я редактировала. Я закладывала копирку между страницами и печатала в двух экземплярах. В круглых скобках я писала свой вариант тех или иных фраз, которые мне не нравились у него, вставляла детали, иногда абзацы. Один экземпляр я отдавала ему таким, каким он его написал. В другом синими чернилами вычеркивала то, что, по моему мнению, надо было заменить. В конце главы я печатала ему своеобразную рецензию: почему лучше сделать так, как я предлагаю, чтобы он понял, чтобы не обижался. По моему тексту он проходил потом черными чернилами, правил его. У меня был синий цвет, у него черный.

– После него остались какие-то ненапечатанные вещи или дневники?

– Дневников он не вел. Дневники вела я.

– **Продолжаете ли вы их вести?**

– Нет. Я бросила. Я больше писать не буду. Я получала большое удовольствие от работы. Но сейчас я совершенно безразлична к тому, что написала.

– **Вы были счастливы в любви. А в дружбе? Как вы формулируете для себя законы настоящей дружбы?**

– Кант считал, что счастливый брак – это непрекращающийся разговор. У нас был такой непрекращающийся разговор с Рыбаковым. Мне кажется, это определение применимо и к дружбе, но, конечно, приплюсовывается доверие, готовность помочь друг другу. Впрочем, можно сказать проще: я люблю своих друзей, я не могу жить без них.

– **Какое человеческое качество теперь, когда прожита долгая и очень насыщенная жизнь, ощущается вами как самое важное?**

– Доброта.

– **Что в человеке способно вас оттолкнуть?**

– Агрессивность, грубость, самодовольство.

– **Есть ли преимущества зрелого возраста перед молодым?**

– Танечка, молодым, конечно же, быть лучше. (Смеется.) Но я бы не хотела, чтобы мне снова было восемнадцать лет: молодость ужасно ранима. Мне кажется иногда, что я остановилась где-то на возрасте сорока – сорока двух лет. У меня осталась доброжелательность к людям, умение видеть в них прекрасные черты.

– **А любопытство осталось?**

– Безусловно. Мне по-прежнему всё интересно.

– **Вы назвали свою книгу энергетически очень мощно: «Счастливая ты, Таня!» Я в своем предисловии написала: это редчайший случай – книга о счастье, при этом написанная очень напряженно и драматично. Обычно счастье скучнее, чем трагедия. Как вы определяете, что такое счастье?**

– Счастье? (Молчит.) Возможно, это мир с самим собой.

«НУ ЧТО?.. ОКУНЕМСЯ?»

Ááí ááééò Ñáðí íá

*Ëþááé, éþéðáí íáá é ñòðáíðíí áþáéáííóò á ííþéþ, ý çíáé íáí áéí. Íí áòíðíá òáéíá, éáé
Ì áðááé, ñááé íéò íá áúéí.*

*Áéý íáá ííþéý áúéá á ííéííí ñ ùñéá ýòíá ñéíáá áíçáóòíí, éíðíðíí íí áúáé, é, íñòááýñíí
ááç éíðíðíá, òíð-áñíá-éíáé çááíðáòúý.*

Алексей Иванович Пантелеев, который дружил с Самуилом Яковлевичем на протяжении четырех десятилетий (несмотря на разницу в возрасте, составляющую ни много ни мало двадцать лет, они были на «ты»), рассказывал мне, что после сумасшедшего рабочего дня, наполненного делами, встречами, телефонными разговорами, а иногда после многочасовой каторжной работы над рукописью, когда пепельница переполнена окурками до краев, а от табачного дыма в комнате уже нельзя дышать, С. Я. вдруг откидывался в кресле, закрыв глаза, с наслаждением потягивался и говорил:

– Ну что? Окунемся?

И они «окунались» в стихи. Часами читали друг другу – Пушкина, Тютчева, Бунина, Хлебникова, Блока, Некрасова... Или – пели: иногда частушки, иногда какую-нибудь старинную поморскую песню, которой Маршака научил Борис Викторович Шергин.

Я от С. Я. этого слова («окунемся») не слышал ни разу. Но «окунались» мы с ним в поэзию всякий раз, когда мне – одному или с друзьями (Валей Берестовым, Эмкой Манделем) – приходилось у него бывать, глубоко и надолго.

Продолжалось это часами. Читали все – кто что любит, кто что вспомнит. И особенную радость, особое наслаждение, я бы даже сказал, истинное счастье светилось в глазах Маршака, когда у кого-нибудь из нас вдруг вспыхивали в памяти какие-нибудь и его – самые любимые – строки. Когда вдруг происходило такое внезапное совпадение, скрещение избирательных (а любовь всегда избирательна) любвей и нежных привязанностей.

Не могу забыть его лицо, размякшее от наплыва чувств, когда Валя вдруг прочел:

Áá-áð çáéáí áý ááòñéáý

Ñíéçééí ááííòíééíí.

Ñéó-íáý éíéáá íáí áúéáý.

Íýíý áí-éáð é ñ-óééíí.

Æáéòúé, áááóááíí éçááíéé,

Áóáòí ý áéáóòíí áí...

Áááé íðí-áé áú íáçááíéá

Áñéé á íá ýòíò òóí áí.

*Íáéí éç ñçááòáéé Ëíçúí ù Íðóóéíáá – Áéáéñáí áð Æáí -óáéíééíá Íò éáéíá-òí áá ííòíí éá
íííáéí é Ì áðááéó íáéçááíðíí íá, íééíáá íá ííóéééíáááóááíý ñòéðíòáíðáí éá ááññ áððííá Ëíçúí ù*

Эти строчки Иннокентия Анненского наверняка были из числа самых его любимых. Но было тут и что-то еще, помимо совпадения «любвей».

– Если б не этот туман... – вздохнул он. И прямо физически ощутимо было, как силится он сквозь «этот туман» минувших десятилетий разглядеть какую-то важную деталь, какую-то ускользающую, не дающую себя увидеть подробность своего, его собственного детства.

Совсем другое – озорное, лихое, веселое – было у него лицо, когда он читал своего любимого Хлебникова:

Yé, i tēfā:ééé-éoi:ééé,

Áàòáñé á ñéíáá

Á í óñ:áñéí ò ééí:ééá

B èáó í í Ì ñéáá!.

Í á óááì è ñéðéí àòü

Í í:üþ áñéáþ,

Áóáó í éüòü, áóáó í àòü

Áííí - Áñéáþ!

И снова другим я вижу его лицо. Такое же веселое, но не озорное, а смешливое. Вижу знакомые смешинки в глазах, слышу, как его глуховатый, всегда слегка задыхающийся голос постепенно наливается, прямо набухает смехом:

Vis-à-vis ñí ìèí íéíí

Ááá íéíá áéáí áþòñý.

Áéæóý, á íéíá íáíí

×òí-òí:áñóí áðáþòñý.

Èáæáñé ááüü áñý òíò æá áéá -

Áðáþò, áðáþò, áðáþòñý.

Í ðýí í í í:é íáò - òíóíéò,

×òí çá áðýíü òáì ááòñý?

B í ðáááñý ááñí í á:òáì :

Ì íæáò áüòü èì ááòñý

Òáì òéðéüüý? Èáí òáì

×òí-òí:áñóí áðáþòñý.

È íò Óééüéé í íáñ

B óí áé: èì ááòñý

Òáì òéðéüüý. Í ò ò íá

И вот как он заключает этот свой опыт «пристального взглядывания» в живую ткань лермонтовского стихотворения:

*Νὸεθε, ἡ εἰσιδῆσι εἰσὸν σαπῆ δα-ῦ, ἰαὸ-εεε ἰ αῦ ἂ ρίπῃε ἐραεοῦ εεθε-απὸρ ἰγυερ. Ἰὰ
πῆεῖτᾶ εἰὸ ὑ ἰοῖραῖ ἰὰ πᾶδεαεῦ ἔ ἰα πᾶδεαρῆῖ ἰτᾶαδᾶοῦ εὐ δαχαῖδα. Β οῖοᾶε ὀτεεῖτ ἰτᾶεᾶτᾶαδᾶοῦ
ἰγυὸᾶ*

(Ὀαὶ αεά Ν. 149)

Слово «разбор» тут, быть может, и в самом деле не очень к месту: ведь «разобрать» – это значит «разобрать на части», на составные элементы, то есть сделать именно то, что делал Сальери, когда пытался «раззять музыку, как труп».

И в то же время С. Я. тут слегка лукавит, потому что эта его «благодарность поэту» по самой сути своей представляет собой не что иное, как осторожный, в высшей степени деликатный, но всё-таки разбор лермонтовского шедевра:

*...ῦ σαῖ ἂ-αρ, εἰεε -οῦαῖῖτῖ πῖοῖαοῖπῃοᾶρὸ δεοῖο ἰαοῖαῖ αῦοᾶεῦ πῖπᾶῖοῖ-αῖῖῖῖᾶ
ἰαοῖοῖῖεεᾶῖᾶ πῃοῖεε ἦ οᾶῖ ε δαῖῖῖῖ αῖῖῖῖῖ ε ἰαοῖαῖ ε αῖοῖοδε πῃεῖᾶ, εἰοῖοῖᾶ ἰγῖαῖεῦρὸ ἰαῖ αῦοᾶοῦ
εἰεῖῖ ε πᾶῖῖῖῖῖ.*

Ἀῦοῖαεοῖᾶεῖ ῖ ἰ ἂ αῖοῖᾶῖ

Νεᾶῖῖῖ οῖοῖ αῖ εδᾶῖ ἰεῖπῃε ἰοῖοῖᾶεᾶπῃεῖο;

Ἰ ἰ-ῦ οῖεῖᾶ Ἰ οῖοῖῖῖ αῖῖῖ εἰὸ Ἀ-ᾶῖ

Ἐ σαῖσα ἦ σαῖσαῖρ ᾶῖῖ δεο...

Читая две последние строчки этого четверостишия, вы спокойно переводите дыхание, будто наполняя легкие свежим и чистым вечерним воздухом.

Но ведь об этом-то ровном, безмятежном дыхании и говорится в предпоследней строфе:

...Β ἂ αεῖεᾶ ἰαῖεε ὀαε σαῖῖ οῖοῖ

× ὀῖᾶ ἂ αῖοῖε αῖῖῖ ἂεε αεῖῖε πῃεῖ,

× ὀῖᾶ, αῦοᾶ, ἂῖῖῖ ἂεᾶῖῖ οῖεῖῖ αῖῖῖ..

*Ἀ πῖῖῖῖῖε, αῦοᾶε ἰᾶ οῖεῖεῖ ἰαῖᾶ γοᾶ πῃοῖῖᾶ, ἰῖ ε αῖ πῃεῖῖοᾶῖῖᾶεᾶ Ἐ αῖ ἰῖῖ ἰῖᾶο.
Ἐεᾶ ἂ ἰᾶῖᾶ ἂ ἂ γοεῖπῃεῖᾶ ἰᾶῖᾶ πῃοῖῖᾶ ἰῖᾶᾶοῖᾶᾶο ἰῖῖεᾶῖ εᾶ πῃῖᾶ αῖοῖᾶ, ἰδᾶῖῖᾶοῖᾶε...*

*Ὀαε ἰδᾶῖᾶε-ἰῖ πῖῖῖῖῖ αῖᾶεῖῖ ἰγυε-απῖᾶ πᾶαδεαῖεᾶ ε πῃεῖῖοᾶῖῖᾶῖ οῖοῖ ἂ Βαῖῖ αῖ
δεοῖ, αεεεοᾶαεεε, δεοῖ ῦ, οᾶρῖᾶ πῃεᾶο ἰαῖῖε ἰοῖεαεῖῖῖε ε πῖ ῖπῖῖᾶε οᾶῖ ἂ Ἀῖ γοῖ - εᾶε αῦ
«εἰπᾶῖῖῖᾶ εεεε», αῖῖᾶῖᾶῖῖῖᾶ αῖεᾶσαοαεῖῖῖᾶ, ἰῖᾶᾶοαεᾶρῖῖεᾶ ἰαεε-εᾶ ἰῖεεῖῖῖῖ ἰῖῖεᾶ ε
-οᾶῖᾶο ὀ ἰγυὸᾶ ε ἰγῖαῖεῦρῖεᾶῖοεε-εοῖῖ αᾶοῖᾶ-πᾶεᾶοαεῦ ἰὸ αᾶοῖᾶ-εᾶ-αῖᾶεᾶοαεῦ.*

(Ὀαὶ αεά Ν. 147-148)

Этот «разбор» Маршака так убедителен и точен, что поневоле начинаешь верить ему, что «автора-свидетеля» от «лжесвидетеля» отличить и в самом деле ничего не стоит. Всегда же можно найти вот такие «косвенные улики», «вещественные доказательства».

Однако и «вещественные доказательства» (аллитерации, рифмы, цезура и проч.) тоже ведь могут быть поддельными. И подделаны они могут быть весьма ловко: при современной-то технике стихосложения!

С. Я. это, конечно, знал.

Однажды он при мне сказал Вале Берестову:

– Главная наша с вами беда, голубчик, что мы – люди способные!

Мысль, казалось бы, странная: худо ли быть способным?

Поскольку в голосе С. Я., когда он произносил эту реплику, отчетливо слышалось хорошо нам знакомое «билибинское» предвкушение остроты, понять ее можно было именно как остроту: люди способные, мол, они способны на многое. Вот, например, я, Маршак, как человек способный, с легкостью могу сочинить какую-нибудь ерунду, вроде того, что в московском ГУМе был отдел и звался он посудным, но после многих грязных дел сделался подсудным.

Такой смысл в этой его реплике тоже, конечно, был. Но был и другой, более глубокий: поскольку к этой своей мысли он возвращался постоянно, этот – второй и главный ее смысл – я уяснил хорошо.

Суть дела состояла в том, что способности по мысли Маршака – это качество, иногда сопутствующее истинному поэтическому дару, но отнюдь с ним не связанное. Если угодно, даже ему противостоящее. Во всяком случае, не помогающее ему проявиться, а скорее – мешающее.

***

Он любил повторять, что ловкие и даже виртуозные аллитерации – например, знаменитая бальмонтовская «Чуждый чарам черный челн...» или восхищавшая многих (когда-то и меня тоже) асеевская: «Кони по Литейному дальше летят...» – вовсе не свидетельство истинного поэтического дара. Чтобы сочинить такое – достаточно быть человеком способным.

Впрочем, заговаривая на эту тему, он менее всего склонен был нападать на создателей этих аллитераций. Главной мишенью этих его нападков были те, кто ими восхищался. В них он видел самую ненавистную ему породу любителей стихов: не читателей, а – ценителей. Читатель погружается в стихи, наслаждается (попутно) их музыкой, но главное – то, что он заражается тем чувством, которое испытал и передал ему, аккумулируя его в своих стихотворных строчках, поэт. Ценитель тоже наслаждается, но – по-своему. Он получает удовольствие от того, «как сделаны» стихи. Но главный источник его наслаждения – то, что он способен оценить, «как это сделано». То есть удовольствие его зиждется на том, что он доволен собой, своим умением понимать стихи, разбираться в них.

Говоря о таких «ценителях», он не отказывал себе в удовольствии всякий раз, помяная их, процитировать своего любимого Бернса:

Òàé àáí óó çí ààò ñàíé ààðàí ,

Í á çí àÿ í àññàæ àáí ùÿ.

«...Òèí àí ùà í àí èñòóò àí èàèí à è í óí ò à í è àí àí ù àññàé...»

*- В àí àð, - ñàçàè Ì àðàé, - ÷òí ÿà à çí àí àí èò àÿ í óèèí ñàÿ àèèèò àðàèÿ ðí àèèàñí
í àí ðí èç àí èùí, àáññ çí àò àèùí í... ðí àèèàñí èí àí í í ï ò í ó ÷ ò í à í ï àí ò ñ çà àí èÿ ò àò ñ ò ðí è í í àí èùí ò àé
àí ò ÿ ò í ò èí àí ùà í àí èñòóò àí èàèí à è í ù ó ò èè àèñí í óí ò à í à ñàí è ò àáàà..*

Ну и, конечно, более всего раздражали Маршака, нередко приводя его в настоящую ярость, именно те слагатели стихов, всё так называемое мастерство (лучше сказать – умение) которых направлено на то, чтобы добиться восхищения таких вот «евнухов».

– Но разве, повторяя пушкинское «Шипенье пенистых бокалов и пунша пламень голубой», – неосторожно сказал я однажды, – мы не восхищаемся тем, как это сделано?

– Нет, голубчик, – покачал он головой. – Эти строки приобщают нас к тому наслаждению, которое испытывал Пушкин, участвуя в таких вот дружеских попойках. Если хотите, вызывают у нас желание самим поучаствовать в них, тоже отведать этого пушкинского пунша, полюбоваться его голубым пламенем... Ну а уж

потом можно и задуматься над тем, каким способом поэт добился того, чтобы мы разделили с ним его наслаждение, испытали то, что испытывал он... Кто-то, наверно, скажет, что добился он этого своим мастерством. Я же лично думаю, что эта знаменитая пушкинская аллитерация родилась произвольно, бессознательно... Родилась именно потому, что в момент создания тех строк он услышал вот это шипенье пенных бокалов и ощутил вкус пунша на своих губах...

В одном из разговоров на эту вечную тему (есть ли ясная граница между «вдохновением», то есть образом или аллитерацией, рожденными интуитивно, и мастерством?), желая ему «подыграть», я вспомнил недавно прочитанную мною статью А. Горнфельда «Художественное слово и научная цифра». Автор этой статьи весьма остроумно разоблачил «научные» попытки Андрея Белого препарировать «инструментовку» стиха в единстве с его содержанием – например, у Блока. Он (Белый) подсчитал, сколько раз у Блока встречается сочетание фонем «РДТ», – и вот какой сделал из этого подсчета вывод:

ΔΑὸ ἀὶδᾶεᾶᾶὸ πᾶίρ ἰδῶῖά ἰαὶ ἰπῆαίεῦ Ἀεῖεᾶ εᾶοῖαί ἰ ὀ αῖ ὀδῶ :δᾶ ςᾶῖ ὀεῖῖά εῖεῖ ἰ ἰ ὀδᾶῖῖεῖ; ᾶ ΔΑὸ ὀῖῖ ᾶ Ἀεῖεᾶ ςᾶῖᾶ:ᾶὀεᾶᾶ ὀδᾶῖῖεῖρ πᾶῖᾶ πᾶᾶεᾶίεῦ: ὀδᾶῖῖεῖρ ἰὀδᾶεᾶίεῦ, ὀδᾶῖῖεῖρ ὀδᾶῖῖεῖ.

Прочитав это глубокомысленное рассуждение, Горнфельд дал волю своей иронии:

Ἀῖ ἰῖ ῖ:ὀῖ, ἰδῶ εᾶεᾶίεῖ πᾶᾶεὀῖ ἰε εῖ ὀῖῖῖᾶ, ἰῖεῖῖ ᾶῖεᾶὀῖ εῖ ἰᾶῖῖεῖῖεὀ ὀ, ἰᾶῖῖεῖῖεὀ Δ εῖ ἰᾶῖῖεῖῖεὀ Ἀ; ᾶῖ ὀ εᾶεῖ εᾶεῖ ἰδῶ ἰῖῖᾶῖῖὀᾶῖ πῶ ςᾶῖ ᾶῖ:εᾶῖὀ ςᾶεῖᾶ ἰᾶᾶὀῖεὀῖ ἰὀ ὀδᾶῖῖεῖρ εῖ ὀδᾶεὀεὀῖῖεὀ πῶῖεᾶ εῖ ἰᾶᾶὀῖῖ, ἰὀῖᾶᾶῖῖὀεῖῖ εὀ ᾶ ἰῖῖᾶῖῖῖεὀ ὀδᾶῖῖεὀῖᾶ, ὀῖεᾶ ᾶῖᾶᾶᾶῖ ἰε ςᾶ ὀδᾶῖῖεῖρ.

(Ἀ. Ἀῖὀῖ ὀεῖῖῖ Ἀῖᾶῖᾶ ἰὀεῖῖεῖ ἰ ᾶ ἰ εὀῖ ἰ ᾶ ὀ αῖ ἰ. Ἐ., 1924 Ἰ. 131.)

– Да, всё это, конечно, чепуха, – сказал Маршак, отсмеявшись. – Что касается Андрея Белого и этой его «глоссологии», – всё это, конечно, чушь... Но вы знаете, я ведь тоже однажды занялся подсчетом одних и тех же фонем... У Пушкина... Вы помните, конечно, эти строки...

И он прочел:

Ἰ, εᾶεῖ ἰ εῖᾶᾶ ὀῖ, ἰῖ εὀᾶῖῖεὀ ἰ ἰῖ!
Ἰ, εᾶεῖ ἰ ὀ:εὀεῖῖῖ ἰ ὀῖᾶῖρ ἰ:ᾶῖὀεᾶῖῖ,
Ἐῖᾶᾶ, πῶεῖῖῖῖῖ ἰ ᾶ ᾶῖεᾶᾶ ἰ ἰεᾶῖῖῖ,
ὀῖ ἰ δᾶῖᾶεὀῖῖῖ ἰ ἰ ᾶ ἰεῖᾶ ᾶ ᾶς ὀῖ ἰᾶῖῖῖ,
Ἰὀῖᾶεᾶᾶᾶᾶ ὀῖεῖῖᾶᾶ, ᾶῖῖὀῖδᾶὀ ἰ ἰᾶ ὀ
Ἀᾶᾶ ἰὀᾶὀῖὀᾶῖὀῖ, ἰ ᾶ ᾶῖ ᾶᾶὀῖῖε:ᾶᾶ ὀ.

Еще бы я их не знал! Но что же можно было тут подсчитывать?

Угадав мое удивление, Маршак продолжал:

– Да, да, представьте, голубчик... Подсчитал, сколько раз встречается в этих шести строчках «Л» и «М». Получилось девять «Л» и десять «М»... Это, конечно, не могло быть простой случайностью...

Я в изумлении молчал: неужели Маршак тоже – как Андрей Белый, которого так блистательно высмеял Горнфельд, – считает, что Пушкин обдуманно «инструментовал» свой стих вот этими, нарочно подобранными фонемами?

– И знаете, голубчик, – продолжал Маршак, – к какому выводу я пришел?... Всё дело тут в слове «милый», «милее»... Обратите внимание, ведь именно с него начинается весь этот отрывок: «О, как милее ты, смиренница моя...» Слово это было одним из самых любимых у Пушкина... Вспомните, голубчик!

И мы вдвоем, наперебой, стали вспоминать:

*...È áñéñ ì èéíé Ì áðééñ
B èì ÿ íáçííá ò áñðéé..
Èáé ÷ áñòí ì èéñì èáí áòáí úáì
Èéñ óííé ò áéññ ùì èíáçáí úáì
Ì íþ çáñòí ÷ èáññò ùííá
Á ì èí óòó ðáçíáí à ò ù óí áéá..
Òí áá è çáí áí úáì è ì íáñéíé,
Ì áñ: áñòí úé, áóñáé ò ù á ò íá
Èóí è ò ù óí ò ù ñéíáí ááñ ì èéíé,
Óí ò ù èáñéé óóí áá ó áñá
Á ì íñéáí èé ðáç ò áíé íá ðáç ì èéñé
Áá ðáþ ì ùñéáí íí èáñéà ò ù..
...È íáçñò èì ííé ÿ íóò ò á
Èáñ í ááááí ñò íéñ áñò ò á
È ááñá ì èéñé áé ÿ ì áí ÿ..*

À. Ááéñé: «*ΔΑΪΟ ἀνδραγαθὸ πᾶσιβ ἰδιότυπὸν καὶ ἰμπεριεῦθ Ἀέτεα εἰ ἀσπίται ἱὸ οἰάτῳ δὲ ÷ ðáç çáñò ùéñá èíñéí ù ñò ðáñð áé»*

Тут же, между прочим, выяснилось, что и во всех этих (и множестве других, которые мы тогда вспомнили) примерах слово «милый» тоже потянуло за собой близкие по звучанию: «лепетаньем», «умела», «могилой», «мысленно»... – всё те же «М» и «Л».

Это наблюдение Маршака и некоторые из этих тогдашних его примеров я нашел потом в его статье «О звучании слова». (В его книге «Воспитание словом», на подаренном мне экземпляре которой, присланном из Ялты, он написал: «Дорогому Бенедикту Михайловичу – на память о наших поэтических пирах и беседах...») Но когда я ее читал, мне показалось, что говорил он ярче, чем написал. И, пожалуй, убедительнее. Может быть, тогда на меня действовало обаяние его живого голоса и ощущение импровизации, прямо на моих глазах рождающейся мысли, всегда выгодно отличающихся от написанного, а тем более печатного текста. А может быть, тут сказалась просто сила, яркость первого впечатления.

Но другое его наблюдение из той статьи показалось мне таким замечательным, что я не могу удержаться, чтобы не привести его здесь. Уж очень яркий свет бросает оно на эти тогдашние наши разговоры:

Читая «Графа Нулина», известные и опытные актеры так мало обращали внимания на совершенно явную и очевидную неслучайность повторения звука «л» в лирическом отступлении поэмы.

То «л» – то мягкое, звучное «ль», то более твердое и глухое «л» – как бы врывается в стих вместе с долгожданым колокольчиком, о котором говорится в поэме.

Èáçáéíññ ñí áá èáò è óí ò áé..

*Áäðááéíéíéíéü:-éé çàçáí áé.
Èòí áíéá æéé á äóóé íá-áéüí íé,
Áðóüü; òíò, ááðíí, çíááò íáí,
Èáé ñéüü í éíéíéíéü:-éé äáéüü úé
Í íðé áíéí óáò ñáðáá í áí .
Í á äðáéé áááò çáí çáéüé,
Òíááðéü þí íñð è úááéíé?..
Óæ í á í í á èé?.. Á-æ á í í é!
Áíò áééæá áééæá.. Ñáðíóá áúáòñü..
Í í í èí í, í èí í çáé í áááòñü,
Ñéáááé... è ñ í ééí óé çà á ð é.*

Это, несомненно, тот самый колокольчик, которого поэт так нетерпеливо ждал в уединении, в ссылке, в своей «ветхой лачужке».

*Áðíí éí, çáééæéñòí çáíéò éíéíéíéü:-éé áñððíéá, ááí í ýæéíá «é» ííáòíðýáðñü òðæáúí:
Èáé ñéüü í éíéíéíéü:-éé äáéüü úé...*

И совсем слабо, глухо, как-то отдаленно звучат последние «л» в заключительной строчке лирического отступления:

Ñéáááé... è ñ í ééí óé çà á ð é.

(Ñ. Í äððáé Áíñ'èòáíéá ñéíáíí. Í., 1961. Ñ. 145-146.)

Пушкин – главная и неизменная его поэтическая любовь – пленял его именно вот этой естественностью, этой интуитивно, произвольно рождающейся и потому неуловимой, незаметной, но так магически действующей на наш слух «инструментовкой» своей поэтической речи.

Но как же тогда Хлебников?

Хлебников, с его причудливым словотворчеством («О, рассмейся засмеяльно, смех усмейных смеячей...»), с его заумью («Бобэоби пелись губы, взэоми пелись взоры, пизэо пелись брови...»), с его палиндромами («Кони, топот, инок, но не речь, а черен он...»).

Как уживалась в его сознании любовь к этому чуду естественности – Пушкину – с такой же искренней и нежной любовью к искусному и так далеко ушедшему от пушкинской ясности и прозрачности речетворцу Хлебникову?

иногда – очень редко – задавали вопросы, в которых он мог услышать тень сомнения в безусловной его правоте. Но всё это не выходило за рамки раз навсегда твердо установившихся отношений учителя с учениками.

Эмка в своих отношениях с С. Я. сразу взял другой тон. Он говорил с ним как равный с равным. И Маршак этот нахальный тон сразу принял. Вероятно, потому, что сразу почувствовал в этом новом своем госте полного своего единомышленника.

Я уже говорил, что мне тогда показалось, что сошлись они на нелюбви к модернизму. Я б даже сказал, – ко всей поэзии Серебряного века. (Исключение делалось для Блока и Ахматовой.) Но после того разговора о Хлебникове я понял, что сразу проявившаяся влюбленность С. Я. в моего друга Эмку имела совсем другую, гораздо более прочную основу.

Помню, однажды был у меня забавный разговор на эту тему с Борей Слуцким. Борис, в соответствии с традициями своего учителя Маяковского – и в самом облике своем, и в манере одеваться, и даже в манере чтения, всячески подчеркивал свою непринадлежность к поэтическому и – даже шире – к писательскому цеху. У него на сей случай была даже припасена такая словесная формула:

– Я, – любил он повторять, – в отличие от всех вас, никогда не жалею о отсутствии денег. А денег мне всегда хватает, потому что зарабатываю я как писатель, а живу как читатель.

А. Неёвёёё: «А́ ъòёё:éá ъò áñó áññ ŷ íééíááá íá ææèòþññ íá ъòññòñò æá ááí áá

À ááí ááí íá áññááá ðááò ááò, íъòíí ó:òí çáðáááò úááþ ŷ éáé íéñáò áéñ, à æéáó éáé :éò áò áéñ»

И вот однажды я заговорил с Борисом о том, что поэт – это, что ни говори, всё-таки – особое существо, не похожее на простого смертного. Развивая эту тему, я сказал, что видел на своем веку не так уж мало настоящих поэтов, но самое сильное впечатление в этом смысле на меня произвел еврейский поэт Самуил Галкин. При общении с ним сразу чувствовалось, что он – из той редкой человеческой породы, о которой Блок сказал:

Í áñéáé ŷ óí ðó í íá çááí ðíí, éáé í áá

Í áñóú æéçí úí áí ŷ á çáñ éþ áò íí ðáéá, -

В ááþ: ðí Á-áí áí ŷ ñ ááí çáí áñ

òí áñþáá í áí ŷ óáéí ááéá!

Борис выслушал меня и, как это часто у него бывало, то ли всерьез, то ли «в тоне юмора», так что сразу и не поймешь, серьезно он говорит или издевается, возразил:

– Ну почему! В плане общей поцоватости Мандель, я думаю, и ему тоже даст два очка вперед.

Что правда, то правда. Из толпы людей обыкновенных (тех, кого Борис называл читателями), Мандель выделялся резче, чем Галкин, и даже резче, чем Пастернак.

Но об этом – в следующий раз, в следующем отрывке моих воспоминаний о С. Я. Маршаке.

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СТАМБУЛА

Èdi à Oááááá

Захватив в 1453 году Константинополь, турки покончили с Византией, от которой и к тому времени уже мало что оставалось. Успехам турок способствовали частые распри и войны в христианском мире, своекорыстие и соперничество европейских правителей, отказавшихся помочь гибнувшей Византии. Впрочем последние вскоре вынуждены были объединиться для обороны от дальнейшей турецкой экспансии.

Исторические катаклизмы часто бывают неоднозначны по своим последствиям. Удача одних оборачивается бедой для других. Реконкиста консолидировала и в военном отношении усилила Испанию. Великие географические открытия испанцев приходятся на XV–XVI столетия – время разгула инквизиции и клерикализма. Именно тогда были физически уничтожены либо изгнаны из Испании и Португалии тысячи евреев и мавров, не пожелавших принять навязываемое силой крещение.

Падение Константинополя сопровождалось гибелью и бегством тысяч греков, утратой ими государственности. Но для евреев, жестоко преследуемых, изгнанных из Европы, двери Стамбула, новой столицы турок, оказались открытыми. В Византии евреи тоже подвергались преследованиям, многие вынуждены были ее покинуть, а в молодой обустроивавшейся мусульманской империи не было особого религиозного фанатизма. Османские султаны – преемники Сельджукидов Рума, наследники их земель и культуры – заимствовали у них многие методы управления. На первых порах они следовали и духовному опыту своих предшественников с их мусульманско-христианским двоеверием, стихией древних домусульманских традиций, с обилием у них всякого рода антимусульманских учений.

В высших кругах общества Малой Азии еще в XIV веке удерживались старые религиозные верования тюрок, не укладывавшиеся в рамки ислама.

Безусловное господство суннизма ханифитского толка, далеко не самого радикального в исламе, устанавливалось долго, не менее двух столетий, и лишь в XVI веке он одержал окончательную победу в Османском государстве.

Еще одна причина веротерпимости и относительной толерантности к иноверцам первых османских султанов заключалась, в частности, в чрезвычайной этно-религиозной пестроте населения новой империи. Открыв свободный доступ в столицу для евреев-беженцев из Европы, Мехмед II Фатих (Завоеватель), а затем и его преемники имели в виду сугубо прагматическую цель: восстановление хозяйства на опустошенных войной территориях. От ужасов осады и грабежей, конечно, не были застрахованы и местные евреи, которых турки не выделяли из общей массы населения захватываемых городов. Но вскоре после взятия Константинополя султан обнародовал указ, в котором позволял всем бежавшим от войны местным жителям вернуться в свои дома. Мехмед II приказал также переселить в новую столицу турок, армян и евреев из других частей страны. Беженцам-евреям разрешено было селиться в Стамбуле и других городах Османского государства, строить синагоги и школы, заниматься ремеслами и торговлей.

Местных евреев, издавна живших на этой земле, называли романиотами. Они говорили по-гречески, придерживались ортодоксальных религиозных установлений. В первые столетия существования Османской империи они составляли большинство в еврейских общинах, и главные раввины Стамбула поначалу избирались из их среды.

В Византии сложилась, кроме того, община караимов, державшаяся особняком. Впрочем, и другие общины далеко не всегда успешно «взаимодействовали» друг с другом.

Община сефардов состояла из испанских, итальянских и португальских беженцев XV–XVI веков. Их численность постепенно увеличивалась и к середине XVI века, по некоторым данным, достигла примерно 30 тыс. человек. Сефарды не были монолитным сообществом; они делились на группы, и каждая стремилась сохранить собственный порядок Б-гослужения, свои обычаи. Они претендовали на отдельную синагогу и раввинат. Их община имела обособленные землячества: кастильское, арагонское, португальское. Последние, в

свою очередь, дробились на более мелкие группы: кордовскую, толедскую, барселонскую, лиссабонскую и другие.

Община ашкеназов сформировалась позднее. Она включала в себя выходцев из Германии и других стран Центральной и Восточной Европы, бежавших от преследований. Какое-то время каждая из этих общин самостоятельно распределяла денежные поступления от налогов на нужды культа, школ, больниц, домов призрения, для содержания членов своих религиозных советов и служащих. Каждая занималась также сбором податей в пользу османских властей. Подушная подать (джизье) и раввинский налог за право иметь главного раввина в Стамбуле составляли 200, 100 или 20 аспр – в зависимости от категории, к которой по своему имущественному положению принадлежали члены общины. От уплаты налогов освобождались не только неимущие и калеки, но, как правило, и раввины, а иногда даже лица, приближенные к султану. В число последних входили, к примеру, медик султана Селима I Иосиф Гамон, испанский еврей, а позднее его сын и внук при дворе Сулеймана I.

Очевидно, в связи с необходимостью обустройства еврейских беженцев и переселенцев на новом месте Мехмед II освободил общины от некоторых налогов. В специальном акте (муафнаме) говорилось: «Отныне запрещено требовать с еврейских общин налоги касаплык (с продажи мяса), саррафлык (за обмен денег), яве (на содержание охраны). Также они освобождаются и от всех обычных податей».

Ферман от 10 зильхидже 1001 года хиджры (17 сентября 1593 года), подписанный новым султаном Мурадом III (1574–1595), подтверждал «акт освобождения, дарованный еврейским общинам покойным и прощенным султаном Мехмед-ханом II, да пребудет его душа в вечном блаженстве».

Налог касаплык был обусловлен необходимостью регулярного завоза мяса. Он существовал с тех далеких времен и до начала XX века. Скот доставляли в столицу из европейской и азиатской частей империи – Румелии и Анатолии, что требовало больших усилий и затрат, притом не гарантировавших успеха. С наступлением зимних холодов скот погибал в дороге из-за бескормицы. Мало кто отваживался на подобную коммерцию за собственный счет. Поэтому, чтобы всё-таки обеспечить стамбульское население мясом, немусульманские общины обязаны были платить налог, который создавал ресурс для этой весьма рискованной торговли. В фермане разъяснялось также, почему евреев раньше принуждали платить налог: «Евреи не работают в субботу и в дни своих праздников. Они не могут заниматься доставкой мяса, а потому обязаны... вносить в казну 100 тыс. аспр на потребление баранины и такую же сумму на эксплуатацию рудников».

Мотивы освобождения евреев от налога саррафлык в фермане отсутствовали. Отдельными ферманами султаны давали право не платить налоги некоторым гражданам, состоявшим на дворцовой службе. В фермане 1452 года, незадолго до падения Константинополя, Мехмед II освободил своего медика-еврея Якуба от десятины, налогов на сады и виноградники, на строительство крепостей, от всякого рода трудовых повинностей, а также от чрезвычайного налога – авариза. Впрочем, известно, что в первые столетия существования Османской империи налоги, требуемые с немусульман, не были чрезмерными. Военная добыча и дань с населения завоеванных территорий и без того обеспечивали османской верхушке безбедное существование. Что касается расселения стамбульских евреев, то они, как и другие этно-религиозные группы, проживали компактно и обособленно в отдельных кварталах.

Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби сообщал в 1625 году: «Когда Фатих завоевал Стамбул, он поселил 50 <еврейских> семей в Текфур-Сарае возле Шухуд Куюсу (колодец свидетелей), который позже переименовали в Чифут Куюсу (еврейский колодец). В квартале Хаскёй были поселены выходцы из Цфата». Есть свидетельства, что при этом султаны евреи были защищены от ненависти и агрессии, – как мусульман, так и христиан.

В XVI веке караимы освоили квартал Бахче Капы (Ворота сада). Турки его переименовали в Чифут Капысы (Еврейские ворота). В начале XVII века на этом месте власти решили построить мечеть, и караимы были оттуда выселены. Взамен им разрешили обосноваться в окрестностях Хаскёя. В середине этого столетия пожары вытеснили общину романиотов из района Балык Пазары. К концу века евреи жили в следующих кварталах Стамбула: Балат, Аязма Капысы, Айвансарай, Джибали, Текфурсарай. На побережье бухты Золотой Рог их кварталы располагались в Хаскёе, Кассым Паше, Галате и Мумхане. На Босфоре они селились в Бешикташе, Ортакёе, Кузгунджукке и в Ускударе. Есть сведения, что они жили в 17 кварталах, окружавших Золотой Рог.

Тот же Эвлия Челеби в своем сочинении упоминал великолепные сады, принадлежавшие некоторым евреям Хаскёя. Он особо выделил Мордехая, Ниссима и Кемаля – трех сыновей некоего Кюпе; те

выращивали отличные лимоны, персики и гранаты. Еврей Кипели, в свою очередь, изготавливал превосходный ликер.

Сложно сколь-нибудь адекватно определить численность этно-религиозных групп в Османском государстве вплоть до XIX века, когда методика переписи населения начала приближаться к европейской. Путешественники и агенты, посещавшие Стамбул, приводили различные цифры численности еврейских общин – притом в одно и то же время, поскольку основывались они на данных, нередко далеких от статистики. И всё же некоторые сведения, прежде всего из османских реестров, заслуживают внимания.

В 1590 году в Стамбуле, по данным переписи, проживало 11 300 взрослых евреев мужского пола, плативших подушную подать в размере одного цехина. Несколько лет спустя еврейское мужское население достигло примерно 20 000, а ежегодный подушный налог уже составил 3000 цехинов. В 1668–1669 годах этот налог достиг суммы в 874 000 акче!

При греках в Константинополе в лучшие времена было три синагоги. В османском Стамбуле еврейские кварталы разрастались. Появился новый квартал евреев, выходцев из Эдирне (Адрианополя), бывшей столицы турок-османов. Эвлия Челеби писал, что в начале XVII века в еврейских кварталах насчитывалось 7 синагог и 12 раввинов.

Система управления еврейскими общинами с византийской эпохи до османского периода почти не изменилась, поскольку ее моральные, социальные и юридические нормы имели религиозную основу. При синагоге действовал совет нотаблей (хасгаха). Он формировал комиссии, занимавшиеся конкретными проблемами: правовыми и хозяйственными. Численность членов совета варьировалась от семи до девяти человек, но бывали случаи, когда она снижалась до пяти и даже до трех человек. Общинный совет назначал уполномоченных (мемуним), которые занимались распределением налогов и другими хозяйственными делами; они же проверяли обоснованность приговоров к изгнанию из общины.

Главный раввинат в Стамбуле был учрежден позднее, чем греческий и армянский патриархаты. Первоначально власть главного раввина Стамбула – хахам-баши – ограничивалась пределами города. В отсутствие главного раввина функции руководства общинами брал на себя религиозный совет Бет-Дин.

В хронике Элия Капсали сообщалось, что первый главный раввин Стамбула Моше Капсали (дядя хрониста) происходил из романиотов и был влиятельной персоной. Не без успеха он ходатайствовал перед султаном Мехмедом II за нескольких еврейских торговцев Валахии, ограбленных небезызвестным тамошним князем Владом Цепешем (прообраз Дракулы). Раввин передал султану и жалобу на янычар, терроризировавших еврейских детей, чем навлек на себя ненависть тех, кто принадлежал к этой могущественной, привилегированной корпорации.

Через несколько дней после смерти султана Мехмеда II в столицу прибыл его наследник Баязид. Капсали пользовался доверием и нового султана. Есть сведения, что в эпоху царствования Баязида (1481–1512) янычары попытались свести счеты с главным раввином. Ночью они ворвались в дом Капсали, намереваясь его убить. В просторном дворе со множеством построек убийцам было сложно сориентироваться. Находившаяся в доме служанка крикнула по-турецки: «Что вам нужно? Здесь живут только мусульмане!» Решив, что ошиблись, янычары удалились. Это спасло раввину жизнь.

Были у Моше Капсали и другие проблемы. Брат султана Джем, укрывшись в Египте, пытался оспорить права Баязида II на престол. Отношения двух сторон из-за этого обострились. Палестина тогда еще не была завоевана турками и не входила в состав их империи, а зависела от египетских правителей. Положение тамошних евреев многие годы оставалось крайне тяжелым, община значительно сократилась. Палестинские евреи отправили в более благополучные общины других стран посланца – шлиаха – просить о вспомоществовании для бедствующих в Иерусалиме. Шлиах прибыл в Стамбул и обратился к главному раввину. Последний был вынужден отказать просителю. Очевидно, оценив конфликтные отношения султана с правителем Египта, он не решился без ведома Баязида II что-либо сделать для единоверцев, формально бывших подданными враждебного государства.

Разгневанный шлиах нашел общий язык с врагами Капсали: Эли Парнассом, Аароном, сыном Абаи, Ицхаком, сыном Шмуэла Альтерно, и раввином Ашером, сыном Ицхака а-Коэна Ашкенази. Они якобы обнаружили изъяны в четырех изданных Моше Капсали религиозных актах и через шлиаха сообщили об этом известному раввину Падуи Йосефу Колону. Тот разослал в стамбульские общины письма, содержавшие оскорбления и угрозы в адрес главного раввина, и они произвели скверное впечатление в раввинистических

кругах ряда европейских стран. В конце концов Йосеф Колон, очевидно, осознал несправедность своего поступка. Незадолго до смерти он послал с извинениями к главному раввину Стамбула своего сына.

После смерти Моше Капсали в 1571 году должность главного раввина занял потомок переселенцев из Греции Элия Мизрахи (родившийся в 1455 году и умерший между 1525 и 1527 годом). Он был учеником раввина Иеуды Менца из Падуи, слыл крупным знатоком Талмуда. При всей своей глубокой религиозности Мизрахи не считал науку чем-то враждебным Б-гу и чуждался любых проявлений фанатизма. Он преподавал математику и астрономию, составил пособия по этим дисциплинам, настолько популярные, что их перевели на латынь. В юности главный раввин был горячим спорщиком, публично дискутировал с турецкими караимами, но к старости стал снисходительнее, терпимее и даже защищал караимов от нападков фанатиков из апульской общины. Эти люди вознамерились разрушить давние добрососедские отношения талмудистов с караимами. Первые собрали членов своей общины, чтобы со свитком Торы в руках проклясть всех, кто впредь осмелится чему-либо обучать караимов и их детей. Запрет распространялся не только на обучение караимов Торе, но и на светские предметы: математику, естествознание, логику, музыку. Даже на азбуку. Талмудистам запретили поступать в услужение к караимам. Так была воздвигнута глухая стена между теми, кто веровал только в Тору, и теми, кто признавал еще и Талмуд. Возмутились столь открытой нетерпимостью лишь очень немногие стамбульские евреи. В основном это были учителя, имевшие учеников в разных общинах и лишавшиеся значительной части своих заработков. Наиболее толерантная часть талмудистов собралась в синагоге и попыталась добиться отмены проклятия. Однако многочисленные фанатики были очень активны. Они привели к синагоге решительно настроенные толпы своих сторонников, вооруженных дубинами, и настояли на повторном ритуале проклятия. Слепой ненависти толпы решился противостоять только один человек – главный раввин. Он убеждал разгневанных людей и доказывал, сколь несправедливо и вопреки Талмуду поступают те, кто ненавидит и отталкивает караимов. Ссылаясь на авторитетные мнения Хай Гаона и Маймонида, Мизрахи настаивал на том, что талмудисты не только вправе, но даже обязаны относиться к караимам как к евреям. Кроме того, он утверждал, что нетерпимость приведет к упадку еврейского образования, так как до сих пор именно соперничество и желание превзойти стамбульских караимов способствовали успехам учеников-талмудистов.

В этот ранний период Османской империи евреи Стамбула имели своего представителя при дворе, называвшегося на турецкий манер кяхья, обладавшего правом доступа к высшим сановникам и самому султану. В правление султана Сулеймана I Кануни (Законодатель) эти функции выполнял Шалтиель, характеризовавшийся еврейскими источниками как чрезвычайно ловкий и успешный человек, к тому же владевший турецким языком. Нередки были случаи притеснений и насилия со стороны мусульман и христиан в отношении евреев. Имел место и произвол провинциальных властей. Шалтиель вступался за единоверцев и за деньги добивался для них при дворе благоприятного исхода дел. В 1519 году он был смещен с должности по требованию общин, которые представлял. Очевидно, Шалтиель задел чьи-то интересы, но с уходом ловкого ходатая, имевшего связи с властью имущими и с благожелательно настроенным к нему султаном, многие евреи поняли, сколь необходимым было его присутствие. В мае 1520 года по решению раввинов и представителей общинных советов Шалтиеля вернули на прежнее место, обязав его выполнить следующие условия: без согласия общин не вести какие-либо переговоры с везирами и султаном; не использовать собственное положение к личной выгоде и в ущерб единоверцам; не вовлекать сыновей в свои придворные дела. Однако на этом конфликт не закончился. Второе решение о восстановлении Шалтиеля в прежней должности вызвало негодование части общины, видимо тех, кто инициировал его отстранение. И всё же большинство раввинов высказалось в его пользу.

Как уже говорилось, этно-религиозные меньшинства в городах Средневековья, и на Западе, и на Востоке, обитали в отдельных кварталах, где центром были культовые сооружения: мечеть, церковь или синагога – в зависимости от вероисповедания жителей. Иногда кварталы разделялись стенами. За пределами квартала, за пределами общины в те времена мало кто мог выжить в одиночку. Община была средой обитания, опорой, защитой. А контакты между членами различных общин были минимальными.

Население средневековых османских городов разнилось и внешним видом: одеждой, головными уборами, обувью. На этом настаивали сами общины, а бывало, и власти. Есть данные, что обязательная форма одежды для евреев была введена после 1600 года. Раньше некоторые евреи ходили в тюрбанах, свернутых из белой кисеи, наподобие головных уборов, которые носили муллы. Об этом, с характерным подтекстом, рассказывает один из европейских авторов: «Евреи, приезжающие в Италию из Турции, показываются в белых тюрбанах, носить которые было привилегией турок. Им же полагались желтые головные уборы». Далее утверждает: «Это хитрость с их стороны, ибо таким образом они могут воспользоваться доброй репутацией турок, которых на Западе принимают лучше, чем евреев. С 1566 года миланских евреев обязали носить желтую шапку, и это не первое предупреждение им». Красноречивый пассаж! «Добрая» репутация турок и, конечно, несравнимо лучшее отношение к ним, чем к евреям, объяснялись не столько мифическими достоинствами представителей этой нации, сколько страхом, который внушало европейцам военное могущество их страны.

Сила, способность вызывать страх – до сих пор реальная основа и «доброй» репутации, и прав отдельных стран и народов!

В Османской империи евреев власти сначала обязали носить тафьи из красного сукна, а после 1008 года хиджры (1600 год) им было велено надевать тафьи из сукна черного цвета.

Профессии османских евреев отличались большим разнообразием. Упомянутый Эвлия Челеби писал, что они занимались кожевенным производством (выделкой пергамента и сафьяна), изготавливали алкогольные напитки, в основном раку (разновидность водки), вели торговлю шелком и другими тканями. Среди них были аптекари, оружейники, мясники, содержатели питейных заведений, хотя, впрочем, большую часть последних всё же составляли греки. Турецкий путешественник видел евреев-фокусников, жонглеров, танцоров, странствующих музыкантов. Полуофициально многие работали на монетном дворе, занимались откупом налогов, нередко выполняли различные посреднические функции между турками и европейцами. Посещавшие страну европейцы считали евреев прирожденными переводчиками, без которых нельзя было обойтись на переговорах: «Те, кто выехал из Испании, Германии, Венгрии, Богемии и других стран, обучали языкам стран исхода своих детей, а дети еще усвоили и языки новых мест их пребывания: греческий, турецкий, арабский, армянский, итальянский, славянские. Евреи Турции нередко говорят на четырех-пяти языках, но попадаются и такие, которые знают десять-двенадцать. Они (то есть прибывшие в страну марраны. – И. Ф.) научили турок способам ведения торговли и европейским методам механического производства».

Евреям поручали небезопасные дипломатические миссии. В 1477 году Мехмед II отправил в Венецию посланца-еврея заключить мирный договор с республикой, требуя в качестве неперемennого условия уступки города Лепанто. Посланец, чье имя осталось неизвестным, забрал у правителя Крита, вассала Венеции, письмо и на итальянском судне отплыл по назначению. Вскоре судно захватили корсары. Раненному в бою еврею пираты отрезали палец вместе с драгоценным перстнем. От потери крови он скончался близ Каподистрии.

В царствование султана Мехмеда IV (1648–1687) великий везир Мехмед-паша Кёпрюлю из династии сильных и самостоятельных великих везиров, управлявших империей в XVII веке, тоже воспользовался услугами еврея-дипломата. Великий везир должен был ответить шведскому королю Карлу XII Августу на предложение вступить с ним в союз против России. Мехмед-паша направил в Стокгольм Моше бен Иеуду Бебери. Он соглашался заключить предложенный союз при условии, что Швеция прекратит все отношения с трансильванским князем Дьёрдем Ракоци II, поднявшим восстание против султана в 1648 году. Случилось так, что посол надолго задержался в Швеции и умер в Амстердаме в 1674 году. После его смерти сложные переговоры в Швеции продолжил сын покойного – Иеуда Бебери.

Евреи принимали участие в дипломатических переговорах на завершающей стадии войны 1699 года. Союз католических государств («Священная Лига»), состоявший из Австрии, Польши и Венеции, был создан в 1684 году при деятельном участии римской курии для более эффективного противостояния туркам, с которыми эти страны воевали с 1683 года. В 1686 году к «Священной Лиге» присоединилась Россия. В таком составе коалиции четырех государств удалось нанести туркам поражение. Мирные соглашения выработывались в 1689–1699 годах на Карловицком конгрессе. Османскую сторону представлял медик Исраэль Конеглиано (иногда его называют Коньяно), по совместительству дипломат. Карловицкие соглашения были утверждены в 1700 году Константинопольским мирным договором.

Медик султана Ахмеда III, португальский еврей Даниэль Фонсека, тоже выполнял дипломатические поручения. В 1709 году войска Петра I разгромили под Полтавой армию Карла XII. Шведский король бежал и нашел убежище в Бендерах, тогдашних владениях султана. Он предложил Ахмеду III наступательный союз против России. С турецкой стороны в этих переговорах принял участие Даниэль Фонсека.

Многие европейские сочинители, враждебно настроенные к евреям, ставили им в вину такие качества, как ловкость, сноровка, умение добиваться успеха в делах. Известный немецкий историк Цинкайзен полагал, что именно эти черты помогали евреям снискать расположение султана и его приближенных. Он утверждал, что евреи впервые получили доступ во дворец в качестве странствующих музыкантов и комедиантов. Получили во времена известного своей распущенностью и пьянством султана Селима II (1566–1574). В действительности первыми евреями при османском дворе, как и при многих других, гораздо раньше указанного периода были медики.

Находившийся в середине XVI века в османской столице Стефан Герлах описывал еврейский оркестр из пяти музыкантов, игравших на скрипке, лютне, цимбалах, литаврах и кобзе (старинном украинском

струнном инструменте). И хотя автор записок дурно отзывался об услышанной музыке, султану она явно понравилась, поскольку музыкантов много раз звали во дворец.

Одним из традиционных занятий в еврейской среде была медицина. При дворах европейских и восточных владык нередко состояли евреи-лекари. При османском дворе, помимо уже упомянутой семьи Гамон, служили и другие медики-евреи.

Столь же традиционно евреи играли заметную роль в торговле, финансовых операциях, откупе налогов. Известная энергия и предприимчивость давали им возможность действовать не без успеха в самых различных сферах, преодолевать неблагоприятные обстоятельства и постоянно чинимые им препятствия. Эти качества стали единственным средством выживания для тех, кто не погиб в результате гонений, погромов, повседневных унижений.

Первая типография в Стамбуле была еврейской. Ее в 1494 году открыли выходцы с Пиренейского полуострова. Для сравнения – первая армянская типография была открыта в 1567 году, а греческая – в 1624-м. Что касается первой турецкой типографии, использовавшей для книгопечатания арабский шрифт, то ее открыл в 1729 году Ибрахим Мюнтеферик, венгр, принявший ислам.

В Стамбуле в течение четырех с половиной столетий издавались сборники документов, содержавшие информацию о социальной, культурной, политической и экономической жизни еврейских общин. Многие из этих сборников были уничтожены пожарами, весьма частыми в городе. Помимо естественных причин, пожары случались и вследствие поджогов, которые практиковали янычары с целью грабежей.

XVI век – эпоха новой большой волны беженцев из Португалии, Италии, Южной Франции, пополнивших еврейские общины Балкан и Стамбула. Помимо типографии, сефарды привезли с собой новые технологии литья металлов и производства тканей. Довольно скоро, по свидетельству османских хронистов и европейских путешественников, эмигранты заняли в столице заметное место. Авторы исторических записок не проявляют при этом ни малейшего расположения или сочувствия к евреям. Француз Мишель Февр пишет: «Они (евреи) настолько искусны и ловки, что сделались необходимыми буквально всем. Вы не найдете ни одного известного турецкого семейства, ни одного иностранного торговца, у которых бы на службе не состоял еврей. Он был нужен в самых разных делах, будь то оценка товаров, качество которых он знал; будь то работа переводчика или же советника в сложных ситуациях. Евреи были отлично осведомлены обо всем, что происходило в городе: где, что, в каком количестве и какого качества можно было найти, если данный товар продавался или обменивался. Без такого рода услуг – нет торговли». Далее француз обращает внимание читателей на то, что грекам и армянам, по крайней мере до XVII века, соперничать с евреями было трудно. Дипломаты и торговцы в христианских странах пытались подкупом расположить в свою пользу нужных им представителей иудейского племени.

Однако уже во второй половине XVII века сильную конкуренцию в торговле и предпринимательстве евреям составляли греки-фанариоты, потомки знатных и богатых византийских родов, которые постепенно захватывали ключевые позиции в финансовой деятельности, откупах и торговле.

Султаны, правившие в XV–XVI веках, будучи сильными, уверенными в себе правителями, отличались известной веротерпимостью к иноконфессиональным меньшинствам, евреям в том числе, – хотя и в те времена при дворе не было недостатка в клевете, вражде, агрессии. Характерен такой эпизод. Султану Селиму I для завоевательных походов в Египет и другие страны Ближнего Востока нужны были деньги. И немалые. Большую сумму он взял в долг у некоего еврея, который вскоре умер, не успев получить назад ни гроша. Дефтердар (казначей) в специальном письменном обращении (мюзеккере) к султану убеждал его не возвращать денег наследникам почившего в бозе займодавца. Прочитав послание, султан будто бы написал на нем следующую фразу: «Merhuma rahmet, yetimlerine afiyet, maline bereket, gammaza la net», то есть: «Милость Б-жья да пребудет с покойным, здоровье – осиротевшим, изобилие – их имуществу, а доносчику – проклятье». Тогда или немного позднее, по свидетельству Эвлия Челеби, дефтердаром Селима I был еврей, обратившийся в ислам и получивший новое имя Абдул Селим.

Достоверно известно, что султан Сулейман I Кануни сумел защитить своих подданных-евреев от преследований папы Павла IV, жестокого фанатика, пытавшегося покончить с протестантизмом и одновременно уничтожавшего на кострах европейских евреев. В том числе и марранов.

Разобщенные еврейские общины в Стамбуле в какой-то мере консолидировала ненависть, которую питали к иудеям греки и другие христиане. Греков возмущало, что евреи добились права присутствовать вместе с ними на официальных церемониях. Они жаловались на это османским властям, утверждая, что греческие

духовные иерархи уже потому выше иудейских, что их патриархат учрежден раньше главного раввина. В ответ евреи приводили свои аргументы. В годы правления султана Мурада IV (1623–1640) в султанскую канцелярию поступало особенно много жалоб от греков. Евреи же ссылались на численное превосходство своих общин. Данные Эвлия Челеби, побывавшего в Стамбуле в первой четверти XVII века, это подтверждают. По его сведениям, в Стамбуле в ту пору было 657 еврейских домохозяйств, 304 греческих, 27 армянских и 17 домов, принадлежавших европейцам.

В годы правления Мурада IV еврейские источники отмечали эксцессы, спровоцированные фанатиками в связи с кровавым наветом. Эту клевету нередко использовали как повод для погромов. Царствование Мурада IV омрачили и пожары, опустошившие значительную часть стамбульских кварталов, в том числе еврейских. Как уже говорилось, романиоты жили обособленно от сефардов. Но пожары – бич столицы – вынудили несколько сефардских семей искать убежища в квартале романиотов и посещать их синагогу. Пострадавшим от пожара романиотам в свою очередь пришлось ходить в уцелевшую при пожаре сефардскую синагогу. Она стояла неподалеку. Таким образом, вследствие крайних обстоятельств хотя бы временно было преодолено отчуждение, долгое время разделявшее еврейские общины.

Материальную сторону еврейской религиозной жизни составляла деятельность благотворительных обществ. Они содержали больницы, школы, дома призрения, сирот, просто людей, нуждавшихся в помощи. В 1624 году некто Моше Залма завещал 10 тыс. аспр благотворительному обществу романиотов (Бикур холим) и столько же школе сефардов «Талмуд Тора». Но благотворительные общества и фонды зависели от источников финансирования, которые могли иссякнуть, и от степени усердия тех, кто в них трудился. Всё же к концу XIX века таких фондов стало значительно больше, и результаты их работы оказались заметнее, чем прежде.

В XVII веке община романиотов постепенно пришла в упадок. Пожары уничтожили и синагогу, и жилые дома. Романиоты рассеялись, смешались с евреями других общин. Не столь многочисленные, как сефарды, ашкеназские евреи, однако, выстояли. В XVII веке их община пополнилась за счет единоверцев, бежавших от погромов из Польши и с Украины в 1648–1660 годах.

Есть сведения, что страшная резня евреев на Украине, учиненная бандами Богдана Хмельницкого, стала одной из причин консолидации сефардских и ашкеназских общин. Многие евреи, захваченные казаками и татарами, были выкуплены потомками испанских изгнанников.

С XVII века тем не менее всё более становятся заметными признаки упадка еврейских общин Стамбула в целом. В XVIII–XIX веках положение ухудшилось еще больше. Бедность населения достигла такой степени, что пришлось закрыть еврейскую типографию. Нужные книги теперь печатал армянин Богхос Арароглу.

В середине XVIII века была ограничена торговля алкогольными напитками, которой занимались и христиане, и евреи (мусульманам алкоголь запрещен религией). Султан Махмуд I (1730–1754) обнародовал указ, не допускавший впредь доставку в Стамбул вина и водки на судах, принадлежавших христианам и евреям. Правда, следующим указом султан разрешил евреям привозить примерно 10 литров вина для собственных религиозных нужд – при условии, что его не станут продавать в питейных заведениях. К 1772 году финансовое положение еврейских общин Стамбула стало совсем плачевным. Их долг казне достиг 325 тыс. пиастров, а доходы не могли сбалансировать бюджет. Османские власти мобилизовали 300 из 1500 должников, не уплативших налоги, для вспомогательных работ на нужды армии, воевавшей тогда с Россией.

В 1798–1800 годах Порта требовала, чтобы стамбульские евреи несли морскую службу в качестве матросов. Такая необходимость была обусловлена военной экспедицией Наполеона в Египет, входивший тогда в состав Османской империи. Как известно, египетская кампания не принесла Наполеону успеха, несмотря на первоначальные победы и разгром египетских войск. Матросы-евреи вернулись домой, но на этом воинская повинность для них не кончилась. В 1821 году туркам пришлось подавлять греческое восстание, быстро охватившее все новые территории. Чтобы увеличить число матросов, отправляемых на борьбу с повстанцами, правительство обратилось к еврейской общине с требованием предоставить в его распоряжение по 30 человек от кварталов в Хаскее и столько же от кварталов в Балате. Требование стамбульских властей пришлось выполнить. Греческое восстание при Махмуде II, продолжавшееся до 1825 года, поддержанное многими европейскими странами и особенно Россией, закончилось провозглашением независимой Греции. Но евреи Стамбула против их воли оказались вовлечены в кровавые события, не имевшие к ним никакого касательства.

27 апреля 1821 года, в первый день православной Пасхи, патриарх Константинопольский, обвиненный властями в причастности к восстанию, был повешен в греческом квартале на воротах кафедрального собора. Присутствовавший при казни великий везир Али-паша Бендерли, заметив в толпе

нескольких евреев, насмешливо промолвил, обращаясь к ним: «Добро пожаловать, евреи! Вот перед вами повешенный враг, наш и ваш! Приказываю вам бросить его в море!» Смертельно напуганные Мутал, Бишатчи и Леви не посмели ослушаться приказа великого везира и потащили труп патриарха к набережной. Из-за того, что они согласились это сделать, греки впоследствии уничтожили несколько еврейских общин. Пострадало около 5 тыс. человек.

К середине XIX века евреи Стамбула всё еще были разобщены, что сильно усложняло их жизнь и грозило опасностями. В первой трети XVI века, после смерти Элии Мизрахи, был упразднен главный раввинат. Это произошло из-за длительных распрей в самих общинах; взаимное недовольство то тлело, как угли, то вспыхивало шумными ссорами. Тогда романиоты избрали нового главного раввина из своей среды. Им стал Иешуа Кандиоти, которого при жизни отличал Мизрахи. Численно возросшие и окрепшие к тому времени общины сефардов не пожелали признать главного раввина-романиота. В результате раскола с официально признанным постом хахам-баши было покончено. Пост упразднили, но налог за него (рав-акчеси) продолжали платить. В 1836 году по ходатайству еврейских общин турки согласились восстановить главный раввинат. После перерыва в несколько столетий главным раввином стал Авраам Леви.

В XIX веке османским евреям, общины которых слабели и нищали, неоднократно пытались помочь их преуспевшие европейские единоверцы. В 1854 году один из распорядителей благотворительного фонда Ротшильдов, Альбер Коэн, возвращаясь из Иерусалима, посетил Стамбул и был принят великим везиром Мустафой Решидом-пашой. Коэн попросил великого везира представить его султану. Просьбу гостя выполнили, и он получил аудиенцию. Ободренный благожелательным приемом, Коэн намекнул на трудности, которые переживают еврейские общины, и просил султана явить милость к его еврейским подданным. Абдул Меджид I ответил, что не признает никаких различий между жителями своей страны (реайя), что они одинаково пользуются всеми правами. Трудно было ожидать другого ответа. Ни один султан не стал бы решать проблемы немусульманской общины, если сама община не была способна к консолидации и самоорганизации – важнейшим условиям и выживания, и прогресса.

В апреле 1873 года барон Гирш, известный коммерсант и предприниматель, был принят в Стамбуле султаном Абдул-Азизом. Во время беседы он обратил внимание султана на плачевное состояние еврейских общин Османской империи. Барон просил султана включить нескольких евреев Румелии (европейская часть Османского государства) в администрацию восточных железных дорог и телеграфа, в строительстве которых он намеревался принять участие.

Султан ответил, что при всем желании не сможет выполнить просьбу. Он объяснил барону, что местные евреи не пригодны к той работе, о которой идет речь, во-первых, в силу отсутствия у них необходимого образования, а во-вторых, из-за незнания турецкого языка. Барон поначалу был обескуражен. Однако, как сообщал журнал «El Nacional» в апреле 1874 года, беседа с султаном побудила его оказать содействие организации школьного образования турецких евреев. Он пожертвовал тогда весьма значительные средства.

Реформы Танзимата, провозглашавшие равенство всех подданных султана, независимо от вероисповедания, равенство хотя бы декларативное, казалось бы, открывали перед османскими евреями заманчивые перспективы. Но встречены они были без всякого энтузиазма. Мало того – реформы внесли еще большую сумятицу и раздор в жизнь и без того нестабильных, враждовавших между собой групп населения.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

И ЧЕГО ЭТО ТЫ ЗАБРАЛСЯ В ТАКУЮ ДАЛЬ?

Норман Левин

Норман Левин (1923–2005) – канадский писатель. Родился в Оттаве в еврейской семье, родители его были родом из Польши. В войну служил в авиации. Учился в Кембриджском и Макгиллском университетах. Женился на англичанке и в 1949 году уехал в Англию. В Канаду вернулся лишь в 1980 году, после смерти жены. Писал не только прозу, но и стихи. Высокую оценку критики получила и его автобиография «Меня создала Канада» (1958). Издал два романа, несколько сборников рассказов: «Билет в одну сторону» (1961), «Не хочу я ни с кем знакомиться» (1971), «Избранные рассказы» (1975), «По тонкому льду» (1979) и т. д. Его произведения носят по преимуществу автобиографический характер.

Его скупую, емкую прозу любил и переводил Генрих Белль.

– Почему бы тебе не пройтись? – сказала Эмили. – Ты уже неделю, да нет, больше, не выходишь из дому?

– Я выходил на почту во вторник.

– В городе я встречаюсь с людьми. И все меня спрашивают. Как там Джозеф? Что мне отвечать? Он работает. Сидит наверху, у себя в комнате. Пишет. Почему бы тебе не пройтись – людей повидать.

– Чтобы повидать людей, нужны деньги, – сказал я. – Ведь кого я ни встречу, он предложит пойти выпить. Стар я стал пить за чужой счет.

– Ну и что нам остается? Играть в карты, читать газеты, смотреть телевизор. Сил моих больше нет смотреть телевизор.

– У тебя нет сил, когда мы ложимся в постель.

– Что же, по-твоему, я должна вся пылать только оттого, что мы ложимся в постель? Почему бы тебе не пойти пройтись прямо сейчас? Взбодрись. Прогуляйся по гавани или по городу, сходи в библиотеку.

– Ненавижу этот городишко, – сказал я. – Только и думаю: как бы выбраться отсюда, ни о чем больше думать не могу. Я и плакат «Ты должен во что бы то ни стало выбраться отсюда» повесил, как постоянное напоминание. Не желаю закончить жизнь в этом приморском захолустье.

Зазвонил телефон.

– Поговори ты.

– Ну вот, ты уже и по телефону говорить не хочешь, – сказала она и ушла на кухню.

Я прошел в комнату, посмотрел на открытки с видами, которые прикрепил к большому зеркалу. (Благодаря открыткам я вижу себя в зеркале в трех измерениях.) Их присылали друзья, которых разбросало по Северной Америке, Африке и Европе. Я прикрепил их так, чтобы между ними виднелось зеркало. Приладил даже открытку с видом Карнбри. Летний день... пальмы... небо, почти такое же синее, как море... большая зелено-белая яхта в гавани... купальщики на песчаном пляже...

На открытке, подумал я, этот городишко, пожалуй, мог бы мне понравиться.

Я подошел к письменному столу, посмотрел на листки, где записал гонорары, которые мне должны были прислать. В сумме они составляли триста двадцать пять фунтов. Но жизнь меня уже научила: рассчитывать, что деньги заплатят в обещанный срок, не приходится.

Назавтра Эмили получила письмо от матери из Лондона, а с ним чек на десять фунтов.

Я купил елочку, установил ее в гостиной. Сходил купил плющ, Эмили развесила его на стенах под потолком. Начали приносить поздравительные открытки. Я вышел пройтись, выпил в пабе со знакомыми, которых не видел уже несколько месяцев.

Вечером 23 декабря мы сидели в ожидании гостей в гостиной – там было уютно и тепло. Топился камин. С лампочек свисали цветные шарики. Недурной красный ковер тянулся от стены до стены. Отличная комната с большим окном-фонарем, но мы ей практически не пользовались, разве что когда придут гости, ну и, пожалуй, летом: так-то ее не натопишь. Эмили сделала бутерброды, я припас бутылку хереса, обернул ее яркой бумагой, прикупил стаканы. Мы ожидали гостей – чету, к которой Эмили эвакуировали во время войны. Они жили неподалеку от Труро. С тех пор как мы поженились, они на каждое Рождество преподносили нам цыпленка, я в ответ дарил им бутылку хереса. Пока что мы расположились в поместительных подержанных креслах с ободранной там, где кошки вострили когти, обивкой. Шел восьмой час. Гости, похоже, запаздывали.

– Им же надо коров загнать, – сказала Эмили, – и много чего еще сделать, прежде чем они смогут уйти.

Несколько минут спустя за входной дверью послышался шум.

– А вот и они.

– Нет, не они, – сказал я, сам не знаю почему.

И точно, это были вовсе не они.

В дверь решительно просунула лицо иссохшая, ссутулившаяся тетенька. Лицо нельзя сказать, чтобы привлекательное, хоть его и обрамляли свежеевыкрашенные блондинистые кудельки.

– Джозеф Гранд здесь живет?

Фразу произнесли не как вопрос, а как утверждение. И произнесла ее моя сестра Мона из Мериديана. Я не видел ее десять лет.

Впоследствии она рассказывала, что я так и застыл на месте – не произнес ни слова, только головой тряс.

Я вышел – за дверью стоял Оскар. Он походил на борца, но вполне добродушного. Коренастый крепыш с сонливыми глазами, в шляпе, с киноаппаратом на шее, в новехоньком черном пальто и черных перчатках.

Я пожал ему руку.

– Почему вы не написали, не позвонили, ну хотя бы телеграмму прислали?

– Я хотел вас предупредить, – сказал Оскар, – но твоя сестра не разрешила.

Я заглянул в окно такси – кого я там ожидал увидеть: уж не отца ли с мамой?

– Спорю, удивили мы тебя, – всё не унималась Мона, когда мы уже внесли их чемоданы и повесили пальто.

Оскар так и не снял шляпу.

– Почему вы не связались с нами, хотя бы когда приехали в Лондон?

– Не хотели причинять беспокойство, – сказала Мона.

Оскар сказал:

– Я взял с собой кинокамеру – хотел заснять, какое у тебя будет лицо, когда ты увидишь свою сестрицу.

Я провел их в гостиную. Мона закурила.

– Эмили, ты совсем непохожа на свои фотографии, – сказала Мона. – А ты, – это она уже ко мне адресовалась, – похудел, но тебе так лучше. Когда мы виделись в последний раз, ты был толстый. Я даже подумала, что у тебя плохо с сердцем.

Тут мы представили детей.

– Это Марта... это Элла... это Ребекка.

– Ну прямо куколки, – сказала Мона.

– А это ваш дядя Оскар и тетя Мона. Они приехали к нам издалека, из Меридиана, это такой город в Канаде. Как вам путешествие?

– Ужасно, – сказал Оскар. – Две пересадки пришлось сделать. Долететь из Канады до Лондона быстрее, чем добраться из Лондона до вас. И чего это ты забрался в такую даль?

– Надо было послать телеграмму или позвонить, – сказал я. – Я бы посоветовал, на какой поезд лучше сесть. И не пришлось бы пересаживаться.

– Да говорил я ей, – сказал Оскар.

– Я не хотела доставлять вам беспокойство... отдать им, что ли, подарки?

Они внесли в гостиную свои новые чемоданы, вынули веселенькой расцветки пижамки для детей. Эмили они подарили норвежский лыжный свитер.

– Он всегда ходит в черном, – сказала Мона. – Б-г знает почему. Вот я и подумала: куплю-ка я ему белый свитер.

Свитер был отличный, с высоким воротом.

– Куришь? – спросил Оскар. И вручил мне несколько плоских красно-белых жестяных коробок сигарет из необлагаемого налоговым сбором магазина в аэропорту.

– Спасибо. А почему вы не написали из Канады?

– Никак не могли решить: поедем или не поедем. Ты что, свою сестру не знаешь? Она же до смерти боится летать.

– Все уговаривали нас поехать в Майами, – сказала Мона. – Говорили нам, что в Англии в эту пору сплошь смог, туман и дорожные аварии.

– Мы до последней минуты колебались – ехать в Диснейленд или сюда, – сказал Оскар.

– А тебе не пришло в голову, что мы что-то затеваем, когда я перестала писать? – спросила Мона.

Я промолчал. Не мог вспомнить, когда в последний раз получил от нее письмо.

– Подите-ка сюда, – подозвал детей Оскар и вынул из заднего, застегнутого на пуговицу кармана бумажник. – Вот, это ваши канадские бабушка и дедушка прислали вам на Хануку. – И дал каждой по два фунта. Наши девочки сроду таких денег не видали.

Сестра посмотрела на елку, на украшения, на поздравительные открытки.

– А они знают, что такое Ханука?

Дети молчали.

– Папа вам расскажет, – и снова также понизив голос, порицающе обратилась ко мне. – Ты празднуешь Рождество?

– Мы ставим елку, ну, и я дарю детям подарки.

– Я всегда говорю – тебе жить, тебе и решать, как жить, – сказала Мона.

Дочки пошли к себе наверх – примерять пижамки.

– Выпить хочешь – чего тебе? – без боязни спросил я. За весь год у меня впервые было столько спиртного. – Шотландское виски, джин, херес, пиво...

– А хлебной у тебя нет? – спросила Мона.

– Нет.

– Раз так, не буду.

– Оскар, а тебе что?

– Мне всё это не по вкусу.

– Так никто со мной и не выпьет?

– Я, пожалуй, выпью хереса, – сказала Эмили.

– Дай мне попробовать, – сказала сестра. – А что – ничего. Налей и мне чуточку.

– Как там мама с папой? – спросил я.

– Всё так же, – сказала Мона. – Мама по-прежнему работает в больнице, – и внезапно оживившись: – Если б только они могли увидеть твоих дочек... Папа, когда мы вернемся, пойдет на обследование. Ты и представить себе не можешь, до чего он разволновался, когда мы сказали, что летим сюда.

Я вспомнил, как видел отца в последний раз. Мы ждали такси – оно должно было отвезти меня на вокзал. Отец был в одной рубашке, без пиджака, вокруг шеи обмотано полотенце. Мой отъезд отвлек его от бритья.

– Хочется надеяться, что к следующему твоему приезду я еще буду в этом мире, – сказал он и заплакал.

– Разумеется, папа, – сказал я.

Выглядел он жалостно – расчувствовался. И тут мы увидели друг друга в зеркале – оно висело в коридорном простенке. Отец указал на свое плачущее отражение:

– Вылитый китаец.

Я сказал Эмили, что Мона и Оскар наверняка хотят выпить кофе.

Мона порылась в одном из чемоданов, извлекла из него банку растворимого кофе и вручила Эмили.

– Мы пьем много кофе, а я слышала, что у вас хорошего кофе не купишь.

– У нас есть растворимый кофе, – сказала Эмили.

– Вот как. – Мона была обескуражена. – Но мы пьем очень крепкий кофе.

Как только Эмили вышла, сестра сказала:

– Помнится, ты говорил, что она наполовину еврейка.

– Что вспомнила: это я ради мамы так сказал. Она спросила, где ты поженешься? Какой раввин вас поженит? Ну а теперь она знает. Я знаю, что она знает. Мама сказала – случись такое в ее время, вся семья сидела бы шиву.

– Я всегда говорю: тебе жить, тебе решать, как жить, – сказала Мона.

Эмили принесла кофе, а с ним и котлеты в булочках – она приготовила их загодя и сейчас разогрела.

– Ишь ты, вкусные, – сказал Оскар.

– Совсем такие, как мы готовим, – удивилась Мона.

А я удивился тому, как она постарела. Она ведь – это я помнил – на два года моложе меня. На вид ей было хорошо за сорок. Только фигура, стройная, изящная, осталась прежней. Мона сидела, нахохлившись, скорчившись, выставив подбородок вперед, – курила одну сигарету за другой.

Тут я услышал, как подъехала машина. Дом наш стоит на склоне холма. Мона перестала жевать.

– Что это?

Я объяснил ей, в чем дело. Она услышала, как погромыхивают перила. За эти перила держатся, поднимаясь в горку. Но они плохо закреплены.

– А это что такое?

Мы умолкли.

– Я слышу – наверху кто-то ходит, – сказала Мона.

Я поднялся наверх.

– Никого там нет, – сказал я.

– Точно?

– Она каждый вечер заставляет меня обходить дом, – сказал Оскар. – А посмотрел бы ты, какие у нас замки. А какие засовы. А цепочки. Когда я уезжаю после завтрака, она закрывает двери на два замка, и, учти, замки у нас особые. Потом накидывает цепочки. До чего дошла – и ружье завела, и собаку.

– Зачем всё это? – спросил я.

– Не знаю, – Мона ничуть не смутилась.

– Ты такой не была, – сказал я.

– Я тебе вот что скажу, – на губах Оскара промелькнула сонливая улыбка. – У тебя та еще сестричка.

Без чего-то девять приехали фермер с женой. И мы начали веселиться. Фермерская чета опрокинула по-быстрому несколько рюмок джина. Одарила нас цыпленком и консервированным языком. Я преподнес им бутылку хереса. Подарки для девочек они положили под елку. До чего же интересно, говорили они, познакомиться с людьми, которые меньше суток назад были в Канаде. У жены фермера, свежей, румяной толстوشки, и Моны быстро нашлись общие темы.

– ...мне тоже вырезали камни из желчного пузыря.

– А мой пузырь лопнул, – сказала Мона, – едва хирург положил его в лоток.

Но остаться они не могли: за фермой требовался присмотр.

Хотя в комнате стало совсем тепло, Оскар весь вечер просидел в шляпе. Пиджак, свитер и галстук он снял. И так – в шляпе – и уснул в кресле у камина.

Как только Мона увидела, что Оскар уснул, она сказала:

– Что вы делаете, чтобы обучить детей религии?

– Ничего, – сказал я.

– Наши дети празднуют Хануку. Носят на шее могодновиды – могодновид, Эмили, – это звезда Давида, – и Мона приподняла тоненькую золотую цепочку, висящую у нее на шее. – Дома у меня два набора посуды. На шабос я зажигаю свечи. Свинину мы едим, но только в гостях, не дома. Наверное, ты считаешь нас лицемерами. Ты зажигаешь свечи в пятницу вечером?

– С моей стороны это было бы лицемерием.

– В честь кого ты назвал Ребекку? – быстро переменяла тему Мона.

– В честь тети Рохи, – сказал я. – Ты ее вряд ли помнишь. Это та тетка, которая так и не вышла замуж. Но, помнится, она умерла, когда мы были еще детьми. А в честь кого ты назвала Франсину?

– В честь Фрумы – бабушки Оскара.

– В таком случае больше подошли бы Фрида или Фанни, – сказал я.

– Нет, – сказала Мона. – Годится любое имя, лишь бы начиналось на «Ф»...

– Почему же только на «Ф»? – спросил я.

– Да потому, что имя должно быть похоже на Фруму – а значит, годится и Фейт, и Фелисити, и Фоун.

– Не вижу тут никакого сходства с Фрумой.

– А его и не должно быть, главное, чтобы первая буква совпадала. К примеру, ты назвал дочку Ребеккой в честь тети Рохи. А мог бы назвать и Роксаной, и Рокси...

– Так кинотеатр называется, – сказал я. – А в честь кого ты Ланса назвала?

– В честь деда Оскара – Лейбла, а могла бы назвать и Лоуренсом, и Лорном.

– А почему не Лу или Лайонел?

– Эти имена уже не в моде.

Мона погасила сигарету и тут же закурила следующую. Я успел заметить, что палец у нее пожелтел от никотина, а вот что у нее трясется рука, заметил, только когда дал ей прикурить.

– Мы не разрешаем Франсин встречаться с английскими мальчиками у себя в Меридиане. Отсылаем ее на каникулы в Монреаль. Ну и конечно же, она учит иврит.

– В Канаде девочки учат иврит? – спросил я.

– Почему бы и нет? – пошла в наступление Мона. – Я верю в Б-га. А ты не веришь?

– Нет.

– Не говори так, – сказала Мона. – Никогда, никогда нельзя так говорить.

– Не верьте ему, – сказала Эмили – старалась улестить Мону.

– Я верю в судьбу, – сказала Мона, – верю, что судьба на будущий год определяется между Рош а-Шона и Йом Кипуром.

– А я нет.

На это никто ничего не сказал.

Неожиданно Мона прыснула.

– Хорошо, что Оскар заснул, не то он задал бы мне: зачем завожу такие разговоры.

Мы уступили им свою спальню. Сами улеглись в моем кабинете на матрасе, укрывшись пальто. На одну ночь это еще куда ни шло. Но завтра придется раздобыть простыни и одеяла у соседки.

Мы с Эмили старались заснуть. Наши глаза были вровень с щелью под дверью, сквозь нее проникал свет из холла.

– Должно быть, у Моны это давно лежало на душе, – сказала Эмили. – А мне так хотелось ее полюбить.

– Знаю, – сказал я. – Я никогда не был особо близок с сестрой.

Пятнадцать лет назад, в Монреале, посреди урока английского языка, меня вызвала секретарша декана.

– К вам пришли, – сказала она.

В сумрачном холле, под часами, стояла мама. Слегка робеющая, но мило одетая, в синей шляпке, новом черном пальто и темных перчатках. Она приехала в Монреаль из Оттавы на свой страх и риск – уговорить меня переменить свое решение и быть на Мониной свадьбе. Не помню, как я объяснял, что мешает мне быть там. Не помню и почему я выбрал свадьбу сестры, чтобы заявить о своей независимости.

Мама повела меня в ресторанчик на Сент-Луис-мейн. Ресторанчик пришелся мне по душе. Кормили там не так вкусно, как дома, но я соскучился по еврейской кухне. А тут тебе к тому же и подписанные фотографии Макса Баэра и Ола Джолсона^[1], и мама, такая нарядная, за столиком напротив меня... и еда... всё

наводило на воспоминания о моем детстве на Марри-стрит: в доме по субботам воцарялась тишина, и мама, такая красивая, сидела днем у окна. Мама плакала... кажется, даже сунула мне какие-то деньги... и я пообещал, что буду на свадьбе.

Что я помню о свадьбе: отец ведет Мону под хупу. Он был примерно того же роста, но казался ниже ее. В двубортном синем костюме с дядиного плеча, перешитом на него. Губы крепко сжал, на глазах слезы, явно стушевываясь. У него всегда был потерянный вид, стоило ему выйти из дому.

Потом подали угощение. Гостей набралось сотни три. Большинство из них были мне незнакомы. Похоже, я уже тогда куда больше, чем мне казалось, отдалился от дома. (Официанты не стеснялись в открытую хлестать выпивку... гости – есть в три горла.) Мне казалось – в университете я мог учиться лишь благодаря ветеранским льготам, перебивался на шестьдесят долларов в месяц, а это означало последнюю неделю сидеть на земляных орехах, – что мама, которая ради этой свадьбы опустошила свой счет в банке, кормит-поит ораву чужаков.

Помню, что напротив меня сидел молодой раввин, глаза его непрерывно бегали по сторонам. Раввин был новый, «не здешний». Он торопливо запихивал еду в рот. Потом встал – сказать речь. Он говорил о Моне, видел он ее тогда в первый раз.

– Мона, сегодня ты – принцесса. Оскар, сегодня ты – принц.

Незадолго перед этим состоялась свадьба принцессы Елизаветы и принца Эдинбургского.

После еды раввин поспешно и невнятно прогугнивил молитвы, покачался туда-сюда и удалился.

На следующее утро мы с Эмили и детьми встали спозаранку. Дети только что не прыгали – до того возбудились. Оскар и Мона спустились вниз в одиннадцатом часу. Сказали, что спали очень хорошо. Ели мало, но чашку за чашкой пили кофе – его то и дело подваривала Эмили, – курили.

Зима стояла холодная, такой в Англии не было больше ста лет. И хотя на нашем курорте мне случалось на Рождество ходить без пальто, на этот раз нам пришлось топить во всех комнатах. К счастью, у нас в отличие от соседней не замерзли уборные.

Оскар с ходу расположил к себе детей. Имел к ним подход. Посадил на одно колено сразу двух. Рассказывал им о Канаде, о том, какой у них летний коттедж у озера.

– ...и еще у нас есть моторка, и мы проплываем озера из конца в конец. Что бы вам не приехать – пожили бы с нами в коттедже, полакомились бы Мониным черничным пирогом, посмотрели бы, какие у нас водятся звери. Вы же никогда не видели скунса. А у нас они подходят прямо к коттеджу...

Голос его звучал сонливо, ласково. Детям он полюбился.

– Почему бы тебе не съездить домой? – сказал он.

– Посмотрим, может быть, в следующем году.

– Надо съездить хотя бы ради детей.

Мона перешла на идиш.

– Дело в деньгах, или что?

Эмили и дети, явно озадаченные, подняли на нее глаза.

– Всё не так просто, – сказал я по-английски.

– Что, если нам увезти детей с собой? – сказал Оскар. – Мы бы взяли Марту и Эллу. Приглядели бы за ними, а лето они могли бы провести с нами в коттедже.

Марта и Элла повисли на Оскаре.

Я и подумать не мог, что он это всерьез.

– Послушай, – сказал Оскар. – Мы можем провезти их по нашим билетам, доплатить придется всего ничего. Мы бы их кормили-поили, приглядели бы за ними. Мы же не собираемся их удочерять. Они – ваши.

– Посмотрим, – сказал я дочкам – они только что не плясали от радости. То, что они охотно уехали бы от нас, больно резануло.

Мона, когда не хотела, чтобы дети понимали, о чем речь, переходила на идиш. В конце концов я решил услатить детей в другую комнату. В результате Ребекка вернулась к нам в расстройстве чувств.

– Они шушукаются, – сказала она. – Секретничают.

Дело шло к полудню, а мы так и не встали из-за стола. Я предложил пойти погулять: я покажу им город, подышим воздухом, а заодно дадим Эмили прибраться и сходить за покупками.

Холод пробирал до костей. На улицах не было ни души. Лужи на узких улочках замерзли. Песчаные пляжи, тянувшиеся вдоль берега, опустели. Вода в заливе посерела. В гавани не было лодок, лишь чайки, сбившись кучкой, сидели, презрев ветер, у входа в гавань.

– Видели бы вы наш городок летом, – сказал я.

– Могу себе представить, – Мона куталась в каракулевую шубу. – Прелесть что за городок.

Оскар беспрестанно снимал и меня, и Мону, и детей. И безлюдные пляжи, и безлюдные рестораны, и заколоченные магазинчики. Домой мы вернулись раздумывавшиеся и расположились в столовой у камина.

– Вы здесь топите не во вред здоровью, – сказала Мона, закуривая. – А вот у нас, когда мы топим, душно.

Я вышел во двор за углем, принес полное, с верхом, ведро.

– Знаешь, кого ты мне напомнил, – сказала Мона, – когда вошел вот так с ведром угля?

– Знаю, – сказал я. – Папу.

Временами, выходя во двор за углем, я вспоминал, как отец поднимался из погреба в нашем доме на Марри-стрит с ведром угля для нашей коридорной печки. Так же, когда сидя у себя наверху, записывал, откуда мне должны прийти деньги, я вспоминал папу и его черную книжку, куда он заносил своих должников.

– Помнишь, как ты мне говорил: не разрешай парням трогать тебя от сих, – Мона провела рукой по шее, – до сих. – И по коленям. – А помнишь, когда ты учился в университете, я приехала в Монреаль – повидаться с тобой. Ты тогда сочинил песню. И, когда мы встретились, дал мне двадцать долларов. А я и говорю: не надо. А ты говоришь: это еще мало. И дал мне двадцать долларов сверх.

Я не помнил ни того ни другого.

Вместо этого я вспомнил один случай, когда ей было лет восемь-девять. В нее засадили камнем из рогатки. Разбили ей голову. Пришлось остричь ее наголо. И она ходила в берете. Не снимала его и в школе. Дети дразнили ее.

– А ты помнишь мою свадьбу? – спросила Мона. – Помнишь Сэма, Беттино жениха? Предполагалось, что он заснимет нашу свадьбу. А он снимал одну Бетти...

Я не помнил и этого. А вот как Мона заболела, помнил. И как к ней вызвали врача. В награду за благонаравие врач дал ей большую плитку шоколада. Она поделилась со мной. Есть его мы пошли наверх, в Монины комнату. Потом я смотрел, как у нее изо рта лезут тонкие, бледно-желтые черви и медленно извиваются по полу.

Мона и Оскар, если и видели, как празднуют Рождество, то только в кино. Так что я их просветил.

– Порядок будет такой: встанем мы рано. Поздравим друг друга с Рождеством. Потом вниз спустятся дети. Мы позавтракаем. Перейдем в гостиную. Я буду называть девочек по очереди и давать каждой ее подарок.

Выслушав меня, Мона и Оскар ушли в город, вернулись они нагруженные подарками, обернули их у себя в комнате цветной бумагой и разложили под елкой.

– На второй день Рождества я заказал такси, – сказал я. – Покатаемся, посмотрим окрестности.

– По-моему, ты сказал маме, что у тебя есть машина, хоть и не новая.

– Возможно – чего не скажешь ради маминого спокойствия.

Вечер мы провели у телевизора.

– У вас такие же программы, как и у нас в Меридиане, – сказала Мона.

– Это же американские шоу, – сказал я.

Мы посмотрели детскую викторину.

– Ваше телевидение лучше нашего, – сказала Мона. – Оно очень образовательное.

Однако заинтересовала их, в основном, реклама.

После новостей я выключил телевизор, и мы уселись у камина, пили кофе, курили.

– Почему бы тебе не вернуться в Канаду? – спросил Оскар.

– Чтобы отсюда выбраться, нужны деньги, – сказал я. – Да и потом я, наверное, слишком давно оттуда уехал.

– С твоим образованием ты мог бы стать доктором, – сказала Мона. – Правда-правда, – это она уже Эмили сказала.

– Но я писатель, – сказал я. – Сколько в Канаде врачей – тысячи. А писателей? Жалкая горстка. Врачом быть проще, чем писателем.

– Да, да, – грустно сказала Мона. – А жить врачам легче.

Я встал, принес виски, но никто не захотел составить мне компанию.

– Через год у меня по моим расчетам будет столько денег, что я смогу отойти от дел, – сказал Оскар.

– Говори-говори, – сказала Мона. – Языком болтать – дело нехитрое.

– Вот посмотришь, – сказал Оскар. – Я был бы уже без пяти минут у цели, если б не ее операции. Веришь ли, ее уже раз пять оперировали.

– Правда-правда, – сказала Мона.

Оскар, как я знал, занимался продажей металлического лома. Впрочем, он скупал всё, что мог перепродать с прибылью. Набивал свой склад до отказа, затем загружал грузовик, вез товар в Монреаль или Торонто и сбывал там.

– Мне, когда я уезжаю из Меридиана, приходится каждый вечер звонить ей, – сказал Оскар.

– Мы придумали, как не платить за междугородные, – сказала Мона. – Если Оскар хочет не поговорить, а просто сообщить мне, что доехал до Монреаля или там Торонто, он заказывает разговор с вызовом абонента и называет любое имя, скажем, мистер Джонсон. «Попросите, пожалуйста, мистера Джонсона», – говорит он. А я говорю: «Сожалею, но мистера Джонсона нет дома». И понимаю, что он доехал благополучно.

– Это еще что, – сказал Оскар. –

У нас есть знакомая, так она по междугородному заказывает кошерное мясо в Монреале. Звонит своему мяснику и говорит: «Филли дома?» Он, ясное дело, отвечает, что Филли дома нет. А сам смекает: значит, на этой неделе ей надо послать филе.

– У нас три дома в Меридиане, – сказала Мона. – Так что, если приедешь, у тебя будет где жить. Городишко наш, что и говорить, захолустный. Но это же на время, пока ты не станешь на ноги.

– Спасибо, – сказал я.

Однако особого смысла в том, чтобы менять одно захолустье на другое, я не видел. Мне до смерти хотелось выбраться из этого приморского городишки и вернуться в Лондон. Космополитический город – вот где я хотел бы жить. Я стараюсь выбраться в Лондон, по мере возможности, почаще, но обходится это недешево. Стоит мне провести хотя бы несколько дней в Лондоне, и я чувствую себя обновленным. В Лондоне у меня обостряются все чувства. Я брожу по улицам и только что не пою. А бывает, что и пою. В Лондоне я ложусь спать, чувствуя себя стройным и подтянутым, не то что здесь: здесь я чувствую, что расплзся, огрузнул, одеревенел.

– Я во что бы то ни стало должен выволить нас отсюда, – сказал я. – Бывает так, что я не могу ни минутой дольше здесь оставаться. Тогда я сажусь на поезд и еду в Плимут. Просто чтобы снова походить по ровным, прямым улицам. И так до полудня. Потом понимаю, что должен вернуться.

– Эмили, а ты скучаешь по Лондону? – спросила Мона.

– Это мой родной город. Бывают дни, когда я чувствую, что жизнь здесь проходит мимо: день за днем – одно и то же, а ты всё ждешь – должно же когда-нибудь что-то произойти.

– Типа нашего приезда, – сказал Оскар.

И все засмеялись.

Рождественским утром дети встали ни свет ни заря. Пока они спали, Эмили разложила подарки по чулкам. Так что к завтраку они спустились взбудораженные, их возбуждение передалось нам. Все поздравили друг друга с Рождеством. И напившись кофе, переместились в гостиную. Погода, судя по всему, стояла холодная, и хотя снег не выпал, лужи замерзли. Эмили затопила камин в комнатах.

Я называл всех по очереди и вручал подарки. Сначала детям.

– Это Ребекке от дяди Оскара и тети Моны... Что бы это могло быть?

Дочка, трепеща, развязала ленточку на пакете и кинулась целовать Мону и Оскару.

– А кому же это?..

Марта – ей только-только минуло девять – получила от Моны и Оскара туалетный набор. Пилочки, щипчики, кисточки для маникюра, пинцет, чтобы выщипывать брови, флакончик духов. Элле и Ребекке они подарили кукол, самых дорогих из тех, что имелись в нашем городке. Это я знал – видел их в витрине. Эмили подарки Моны и Оскара смутили больше, чем меня. Родственники Эмили прислали разнообразные сласти, книжки для чтения и книжки-раскраски, игрушки, бижутерию, мыло и несколько наборов носовых платков.

Около двух мы всемером сели ужинать в столовой. Эмили внесла индейку.

– В ней без малого шесть килограммов, – сказал я.

Дети восхищенно заахали.

– Это еще что, – сказал детям Оскар. – Вот приедете в Канаду, так вам подадут индейку вдвое больше. Помнишь, – сказал он Моне, – какая индейка была у нас в тот раз?

– Канадские индейки крупнее, – тактично сказала Мона.

В последний вечер мы устроились у камина, смотрели по телевизору какую-то пьесу. Я выключил телевизор. Вышел во двор – набрать еще угля. Когда я вернулся, Оскар говорил:

– ...что-что, а место под землей всем нам обеспечено. Два метра в длину, метр в ширину. – Он развел руками, как бы делая замеры. – И на два метра вглубь.

Я заметил, что в лицо Эмили бросилась кровь. Она отвернулась от Оскара.

– Перестаньте, прошу вас, – не повышая голоса, сказала она.

– Все там будем, – Оскар пропустил слова Эмили мимо ушей. – Конец у всех один.

Эмили отвернулась ото всех.

– Извините, – сказала она. Расплакалась, встала из-за стола и вышла из комнаты.

Мона и Оскар, похоже, были ошарашены.

– Ее что-то расстроило? – спросила Мона.

– Нет, – не без яда ответил я.

– Надо смириться, – сказал Оскар. – От этого, знаешь ли, не уйти.

– Не может она смириться, – сказал я.

– Но мы же все умрем, – сказала сестра.

– Думаю, вы напомнили ей об отце, – сказал я.

– Ну и что? – сказал Оскар. – А я похоронил мать.

– Тебе бы надо пойти поговорить с ней, – сказала Мона.

И я пошел к Эмили. Она больше не плакала, но лицо у нее было убитое. Я привлек ее к себе, поцеловал.

– Извини, – сказала она.

Я снова поцеловал ее.

– Так много всего накопилось. Я вдруг осознала, что она, они... осознала, что значит быть евреем. Когда она всё говорит и говорит по-еврейски, я будто бы чужая, и мы с тобой уже не близкие люди, не муж и жена. Она ведь у меня в доме, и мне вдруг открылось, что мы умрем, и им, им дано во что-то верить – и тебе, тебе тоже, а мне нет. И я ничего, решительно ничего не могу с этим поделать.

Я снова поцеловал ее.

– Давай вернемся к ним.

И мы так и сделали.

– Прошу прощения, – сказала Эмили.

– Он нас всех выведет в книге, – сказала Мона. – Дай только срок.

– Ну и пусть, – сказал Оскар. И адресуясь ко мне: – Если ты зашибешь на этом доллар-другой, я не против.

Я позвонил в Лондон – заказать им номер в «Стрэнд палас».

– Номер с ванной столько-то, без ванной – столько-то, – сказал я.

– Нам – без, – сказала Мона.

Они ехали в Лондон, потому что Оскар хотел посетить кое-какие места, куда ходил во время войны в бытность свою солдатом.

– Будем прощаться – я заплачу, – сказала Мона. – А почему, сама не знаю. Я не в него. Я в папу. У меня глаза на мокром месте.

Поезда пришлось ждать. Мона посмотрела на Оскара. Оскар протянул мне руку.

И я ощутил в руках бумажку. Опустил глаза и увидел, что это банкнота в пять фунтов.

– Спасибо, – сказал я и вернул ему деньги.

Так как мы взяли с собой двух дочек, обошлось без сцен.

– Мой карман толще твоего, – сказал Оскар – он всё еще протягивал мне деньги.

Я сунул руку в свой карман. Затем – в его:

– Твой и впрямь толще, – сказал я.

Тут и поезд подошел. Я внес их багаж, нашел пустое купе, поцеловал сестру. Она беззвучно плакала, лицо ее исказилось. И я подумал: до чего же она похожа на отца. Я пожал руку Оскару, обнял его.

Вечером они позвонили, сказали, что доехали хорошо, номер отличный, гостиница тоже, в Лондоне метель. Я посоветовал им сходить в Уайтчепел^[2], пообедать в «Блумс».

На следующий вечер Мона поговорила с Эмили. Они решили улететь завтра же. В Лондоне, по их мнению, страшная дороговизна («Здесь ничего не выгадаешь»). Погода скверная. Да и по детям они соскучились.

В то утро, когда они должны были улететь, мы возвратили соседям простыни и одеяла, убрались в комнатах. Ничего, в сущности, не изменилось. Снова томило ощущение своей заброшенности, неодолимое желание во что бы то ни стало выбраться отсюда. К счастью, из одного места прислали деньги. И я укатил в

Плимут. Посмотрел новые книги и журналы в «У. Х. Смите»^[3]. Выпил кофе в «Джо Лайонзе»^[4]. Посмотрел скверный фильм. Пообедал. И вернулся домой. В следующий понедельник пришло письмо от Моны. На второй странице она сообщала:

...iáio íiádeðtáæè èòðñí, è í:-áíúáíáðáí ý: íáá áðá:-á ñéçáæè, ÷òí èíá:-á íí íá íðíòýíóè áú è ÷áòúðáò í áíýóáá Òáèíá áíéúóíá èáí íý, èáè á áá í í:-ááíí íóçúðá, ý íéèíáá íá æéáæá Áðá:- ñéçáæè, ÷òí íí íáðáíáíííáðáðèþ èó:-èá ÷áí áíéúóèíñðáí áíéúúó. Í ú æéáæè íáíó è ííáíáíðéèè ñíèí, íí ó íáá áúá ñéúú úá áíéè, áí ó áæéáè èèíè, è í ú èóèè, ÷òíáú ááòú áí ó íðáíòíòóú. Í áí á, áááíýáèá, áíáýýáèò èèáñí í, ýò á ííáðáðèý áæáñíáè íáæáæí. Èáè ðíéúíèí áóáò èáèèá-òí ííáíñòè, ý ðááá ñííáúá

22 января пришло второе письмо:

Í ú áááí íé:-áá íò ðááý íá èí áèè, íí íáááí íý, ÷òí ó ááñ áñ á ííðýáèá Á:-áðá áíáí æéáæá íáíó, ó íáá ñýèè èáí, íí áíáýýáèò ííéó:-èá B ííáíáíðéèá ñ áíéòíðñí, ñðñíèèá áá, èáè íáíá, è íí ñéçáæè: áñ èááò, èáè ñéááíáæí íæéááòú Òáè-òí ííí ðáè, íí æéáí, ÷òí ñíçáíèá ó íáá áðáí áíáí è ñóáíííá Á:-áðá í ú íðéáæè è íáí ó ááòáè, íí èí í:-áíúáíáðáíáæñý. Óðáæèááþò çá íèí ðíðíèí.

2 óááðáèý, Í áðéáèáí.

Í áááí íý, ÷òí ó ááñ áñ ðíðíèí. Í ííéáíí áá áðáí ý íá áíáèðáèáñí è íáíá á óí áí ú, èáæáúè ðáç èíáá ý ñ íáè áíáíðéèá, áèíñ áúè ðáñíðíáííúè, ðáè ÷òí á:-áðá ý áíáíáíðéèáñí ñ óáíðíéòáè, ÷òíáú ííá íðèñ íððáèá çá ááòú è, è ííááèá è íáí ó. Í íáíáíðéèá è ñ áíéòíðñí. Í íí ñéçáæè, ÷òí íáíá èááò íá íííðááèó, íí ñíçáíèá ó íáá ñóáíííá è ñóáíáð èè áí ó èó:-èá áíéòíð íá çááò. Í íí ðí:-áò ííí áíðéòú íáíó á ñíááòíðéè, áíèè ðáí áóááò í áíðí. Í æéáí ó íáíá èóáè èç áíéúú èòú á íáííè íéæáí á á áúèí íéæá í óèý. Í í-í íáí ó íí íá íííèí ááò, ÷òí íí á áíéúú èóá. Í áñ áñíó íí óçá, ò, íí, ííðíæá ñ-èòááò, ÷òí í ú áñ áúá æéáí íá Í áððè-ñòðèò, è íòòíá íóááòíý.

25 óááðáèý, Í áðéáèáí.

Á íýðíéòó íáíó íáðááèè á èíðáðíáò æý íðáíðáðáèúó, è ý ííááèá áá íáááíðéòú. Í í áðíáá áú ííááíæáè, íí ý íá çáþ, íííèí ááò íí, áá íáðíáèòíý èèè íáò. Í á íí-ú íá áá èðíááèè ííáíèí áþò ñòèó, ÷òíáú íí íá ííáæáè. Á :-áò ááðááñ íáèèè íá ñóíýíèá èíðáðíáò. Í í íáæáè á :-áò ááðóúè ðáç.

10 í áððá, Í áðéáèáí.

Í áááþñí ó ááñ áñ á ííðýáèá è ÷òí ñ ááí è, íí:-áí ó áú íá íéóáòá? Áèááèá íáíó á :-áò ááðá íí í íá í:-áíúáíáðáíáæñý. Í í-æéèí íí ó íí ñí íáá ñíááè, ííòíí ÷òí, ííèá ý áúèá ðáí, æèðáèòíð èíðáðíáòá ííçáèè í áíý è ñíáá è íííðñíèè ñéçáòú íáíá, ÷òíáú íí íá ííááè, á íáíá íá í áíý ðáñíáðáèèñý è ááíðéò: áá èáè ý í íáð óáæáòú, òú æá æéáèòú- ý èáèó

6 áí ðáý, Í áðéáèáí.

Í á íðíèíèè íááèá íí íáæáè ááç íáèúóí è á èèáíáí óáò, èíðáðíáò çá áúñðááí-ííè çííè^[5], á íí áíáðáèñý áí Ááíè-ñòðèò, çáèáè á ðáñíðíáí (ááíáá ó íáá íðè ñááá íá áúèí), ðáí áá íáííèèè èíóá è ííçáíèèè á èíðáðíáò, íòòóáá íá ðáèíè íðéááè ñáí èòáð è çáððáè áá.

— Он почему-то рвется уйти, — сказал я Эмили. — А как уйдет, не знает, что делать. Интернат на другом конце города, и он не знает, как оттуда добраться домой. Сам не понимаю почему, но я испытываю гордость от того, что он сбегает оттуда... — к моим глазам подступили слезы.

Я взял Монино письмо, поднялся к себе. Вот и плакат: «Ты должен во что бы то ни стало выбраться отсюда». И зеркало с открытками.

Я подошел к окну. Оно выходило на лошинку, по ней там и сям были разбросаны коттеджи. Прямо под нами на улице шли похороны. К маленькому каменному коттеджу подкатил катафалк со стеклянными боковинами. Мужчины в черных костюмах вынесли гроб светлого дерева. И уже в катафалке осыпали его ярко-желтыми цветами. За катафалком двинулись провожающие. Движения у них были, как у марионеток.

Я стоял сбоку от окна – не хотел, чтобы меня видели с улицы, – и смотрел, как похоронная процессия тянется мимо нашего дома.

Из этого окна мне уже не раз случалось глядеть на похороны. И всякий раз хоронили людей, мне незнакомых.

Í adnãã ñ ai æééñíã

Éaðèñí Áãñ æííãé

¹¹⁾ *Í æñ Áãýð - áíéñãð, ÷ ai í éíí í èðà á òýææíí ããñ 1934 ãíãã. Í é Áæíéñí - èçãñòí úé íããã, èéííæòðãð. Íãã - áãðæ.*

¹²⁾ *Óæè-áíæ - íæí èç ðæíííã Èñò-Ýíãã, ãã íí í ðæí òúíãñ ðó ñæééñíí áãðæ.*

¹³⁾ *Í açãáí èá íãí í òéíí úó í ããçéííã ðéðí ú «Ó. Ó. Ñí èò», ñí áðèæèçéððúèðñý í à í ðíããæá éí èã í ðéíæè-áíæè èçãáí èé, èáí òæýðñéè ðíããðíã, ãðàí í éãñòéííé è ò. ä*

¹⁴⁾ *Óæé í açúãðòñý ðéðí áíí úá ðãñòí ðáí ú, èáðá, éííæè ðãñéèá íãííéí áíííé ðéðí ú.*

¹⁵⁾ *Í íçæá ýòó çíí ó í ðáí áðãííãèè á Èáí ñíãóí-í ðé, í açãáí í úé á-áíòú ãñ áðæ-ãíãáíí á ðí ðá Èáí ããú Á. Èáí ñíãóí á*

КТО ОКРУЖАЕТ ЛЕНИНА?

Î ò à à ò «P à ï ò è è ò» èç «Times»

Ñ è ï ï ï Î è ý è ï à

Этот вопрос ставит в письме редактору «Times» некто, замаскировавший свою личность псевдонимом «Юдофил». Автор письма уверяет, что у него нет предубеждений против еврейства, что он «восхищается евреями как расой, уважает их религию и знает, что они часто делались жертвой самой жестокой клеветы». В качестве «юдофила» он боится, что, «когда большевизм падет, тысячи невинных евреев будут истреблены под предлогом, что они сочувствуют преступлениям Ленина». Тот, кто опровергнет предъявляемое евреям обвинение, что они «играют главную роль во всемирной большевистской конспирации», окажет «большую услугу еврейству и человечеству».

Автор человеколюбивого письма в «Times», однако, подавлен огромностью улик против евреев. Эти улики «слишком сильны, чтобы их можно было игнорировать». Так в «очень убедительной статье, напечатанной в “Revue des Deux Mondes”», барон Борис Нольде называет нескольких главных большевиков. Он свидетель компетентный. Он жил в Петрограде вплоть до июля текущего года; он профессор Петроградского университета и был товарищем министра иностранных дел во Временном правительстве. Он констатирует, что, помимо Троцкого, правящая группа большевиков включает в себя Раковского – румынского еврея, Радека – австрийского еврея и Зиновьева – русского еврея, «одного из худших, кровожадного и трусливого».

Цитату из статьи барона Нольде автор письма заключает замечанием, что суть вопроса в том, что эти евреи принадлежат к группе Ленина, вдохновляющей и направляющей всё большевистское движение... По приличному тону письма можно было бы предположить, что автором его является какой-нибудь честный, но наивный англичанин, действительно жаждущий истины и искренне встревоженный судьбою невинных евреев, которых ждет истребление, когда большевизм падет. Но мы будем ближе к истине, если предположим, что автор письма – волк в овечьей шкуре, один из тех многих русских реакционеров в Лондоне, которые борьбу с большевизмом мыслят только в форме проповеди иностранцам антисемитизма. Они слишком хорошо знают, что благодаря проповеди им подобных не тысячи, а десятки тысяч евреев уже истреблены «под предлогом их сочувствия преступлениям Ленина», и если они часто принимают образ «юдофилов», то только для того, чтобы усыпить подозрительность иностранного читателя и тем вернее отравить его ложью и клеветой. Они хорошо знают, что легкая инсинуация опаснее страшного навета. Мы слишком хорошо знакомы с этой их работой в Лондоне, чтобы сомневаться в подкладке этого письма. В подозрении, что автор письма русский, укрепляет нас еще и подробное знакомство его с биографией барона Нольде, «жившего в Петрограде вплоть до июля текущего года».

Убеждать в чем-нибудь этих людей – труд напрасный. В честном споре необходимы разум и совесть с обеих сторон. Мы не ждем ни того ни другого от людей, которые историческую трагедию России сводят к поведению группы евреев и огромный грех русской истории валят на плечи физически беззащитного еврейства, разгромленного большевиками не меньше самой России... Скажем всё-таки несколько слов по поводу письма «Юдофила», условно предположив, что перед нами честный сомневающийся.

Начнем с того, что присоединяемся к его мнению, что барон Нольде действительно свидетель компетентный. Заметим только, что он в данном случае (быть может, из опасения тех выводов, которые делает из его сообщения «Юдофил») дал пристрастное в пользу евреев показание... Правда, Раковский, вопреки утверждению барона Нольде, не думал быть евреем, а является чистокровным болгаринцем румынского подданства из Добруджи. Около Ленина тем не менее гораздо больше евреев, чем указывает в своей статье барон Нольде. Дополним его список:

1) Зиновьев – еврей. 2) Радек – еврей. 3) Свердлов – еврей (умер). 4) Нахамкес-Стеклов – еврей. 5) Литвинов – еврей. 6) Каменев – полуеврей (сын еврея и русской).

Кого бы еще?

Да, 7-й Иоффе, бывший посол в Берлине, тоже еврей.

Никого из заметных не пропустили?

Кажется, нет. Впрочем, есть еще один:

Ганецкий-Фюрстенберг (№ 8).

И наконец, № 9. Троцкий. Сочтем за пол-единицы убитого Урицкого и получим «около Ленина» десяток евреев, «вдохновляющих и направляющих всё движение».

Мы думаем, что даже Ленин чувствовал бы себя несколько сиротливо в такой «исключительно еврейской» среде. К счастью для него (и в утешение «Юдофилу»), у ступеней его трона толпится очень большое количество деятелей, неповинных в грехе еврейства.

Вот они:

1) Раковский. 2) Дзержинский. 3) Петерс. 4) Крыленко. 5) Дыбенко. 6) Биценко. 7) Коллонтай. 8) Чичерин. 9) Луначарский. 10) Козловский. 11) Воровский. 12) Проф. Покровский. 13) Стасова. 14) Бухарин. 15) Ованесов. 16) Рыков. 17) Красин. 18) Антонов. 19) Вересаев.

Это список лиц, «вдохновляющих и направляющих движение» не менее, чем те, которые упомянуты в списке первом. Для «Юдофила», который может этого и не знать, заметим, что Петерс, Дзержинский и Стасова в деле террора играли не менее почтенную роль, чем Урицкий; что в деле гражданской войны Крыленко и Антонову принадлежат лавры первоначальные; что в деле пропаганды г-жа Коллонтай, Козловский, Бухарин и Воровский не могут быть затмевены ни Нахамкесом, ни Иоффе, как Рыков и Красин не могут быть заслонены Лариным; как не может Ленин быть заслонен Зиновьевым или Радеком.

Мы не делаем никаких выводов ни из первого списка, ни из второго. Мы считаем вульгарной глупостью рассматривать самое непримиримое и страшное из всех бывших социальное движение под углом зрения национальности. Ленин и Троцкий, Раковский и Радек не выражают никакой национальной идеи. Русские дворяне Ленин и Чичерин с восторгом разгромили дворянское землевладение в России, а выходцы из буржуазной еврейской среды Троцкий и Зиновьев с упоением разрушают экономический строй, вне которого обречена на вымирание миллионная еврейская буржуазия в России, малая и средняя. Но для любителей выводов из созвучия имен и фамилий, к которым, по-видимому, принадлежит «Юдофил», мы дадим третий список.

Кто окружает Троцкого?

Кто направляет под начальством Троцкого гражданскую войну? Кто ее из теории превращает в кровавый факт?

Вот несколько фамилий:

- 1) ген. Черемисов, проф. академии, бывший командующий 12-й армией,
- 2) ген. Клембовский, бывший начальник штаба Юго-Западного фронта при ген. Иванове,
- 3) ген. Свечин, известный военный писатель, бывший начальник дивизии,
- 4) ген. Радус-Зинкович, бывший начальник штаба 6-й армии,
- 5) ген. Баюв, бывший начальник 6-й пехотной дивизии,
- 6) ген. Селивачев, бывший начальник 4-й стрелковой финляндской дивизии,
- 7) ген. Надежный, бывший начальник дивизии,
- 8) ген. Сытин, бывший дежурный генерал Румынского фронта,

- 9) ген. Егорьев, бывший командующий особой армией,
- 10) ген. Бонч-Бруевич,
- 11) ген. Снесарев,
- 12) ген. Величко, военный инженер,
- 13) ген. Беляев, известный теоретик-артиллерист,
- 14) ген. Вахараловский,
- 15) ген. Потопов,
- 16) ген. Незнамов, академик.

Ради Б-га, г.г. юдофилы, не делайте выводов из этого списка. А то ведь, чего доброго, вас охватит страх, что «после падения большевизма тысячи невинных русских будут истреблены евреями-антибольшевиками под предлогом, что они сочувствовали преступлениям Троцкого!»

«Αἰὶεὶ καὶ Ὀδεαὶ ἄ»,

¹ 1, 1920